

Учредитель:

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Пермский государственный университет»

Серия «Философия. Психология. Социология» издается философско-социологическим факультетом Пермского государственного университета с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований. Приоритетным правом на публикацию пользуются статьи молодых ученых.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles. The papers of young scientists use the priority right to the publication.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия (ПИ № ФС77-39902 от 19 мая 2010 г.)

Территория распространения —
Российская Федерация

© ГОУ ВПО ПГУ, 2011

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (профессор, докт. филос. наук)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Николаевич Железняк (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Васильевич Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Михаил Иванович Ненашев* (профессор, докт. филос. наук, Киров), *Владимир Вячеславович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Виктор Дмитриевич Балин (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Асия Гарафовна Исмаилова* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (профессор, докт. психол. наук, Киров), *Александр Октябрьевич Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Тула)

СОЦИОЛОГИЯ

Анатолий Григорьевич Антипов (профессор, докт. социол. наук, Пермь), *Вячеслав Борисович Житенев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Евгения Анатольевна Когай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Галина Ивановна Осадчая* (профессор, докт. социол. наук, Москва), *Валерий Германович Попов* (профессор, докт. социол. наук, Екатеринбург), *Татьяна Николаевна Юдина* (профессор, докт. социол. наук, Москва)

Международный редакционный совет

Джорджио Де Маркис (профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен МакДауэлл* (профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Рьюз* (профессор философского факультета, Университет штата Флорида, США), *Дьердь Сарвари* (доктор философии, директор Neosys Organisational Developmental Consulting, Венгрия), *Александр Строканов* (профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, Вермонт, США), *Дмитрий Широков* (профессор, докт. филос. наук, акад. Национальной академии наук Беларуси, Минск, Белоруссия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермь, ул. Букирева, 15.

Тел. +7(342) 2396-617, +7(342) 239-834. E-mail: abergfeld@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru. Web-site: <http://www.psu.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

ПРОБЛЕМА СИСТЕМЫ КАТЕГОРИЙ В ФИЛОСОФИИ <i>В.В. Орлов</i>	4	THE SYSTEM OF CATEGORIES PROBLEM IN PHILOSOPHY <i>Vladimir V. Orlov</i>
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ Н.Н. СТРАХОВА О РЕВОЛЮЦИИ: ЗАОЧНЫЙ СПОР С А.И. ГЕРЦЕНОМ <i>Н.В. Снетова</i>	12	THE VIEWS OF N.N. STRAKHOV ON REVOLUTION: THE DISPUTE WITH A.I. HERZEN <i>Nina V. Snetova</i>
БИБЛЕЙСКАЯ ЭКЗЕГЕТИКА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ И ДЕКОНСТРУКТИВНАЯ КРИТИКА Ж. ДЕРРИДА: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА <i>И.В. Рязанов</i>	24	BIBLICAL HERMENEUTICS AND EXEGESIS CONSTRUCTIVE J. DERRIDA: THE PROBLEM OF COMPARATIVE ANALYSIS <i>Ivan V. Ryazanov</i>
КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРХЕТИПА ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ В МИФОЛОГИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА <i>Л.Л. Леонова</i>	32	CULTURAL CHARACTERISTICS OF THE ARCHETYPE OF THE GREAT MOTHER IN MYTHOLOGY OF ANCIENT EAST CIVILIZATIONS <i>Lyudmila L. Leonova</i>
К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ <i>Ф.Х. Юлдашева</i>	36	TOWARD THE RELATION BETWEEN GLOBALIZATION AND CIVILIZATION <i>Farida Kh. Yuldasheva</i>
ПОНИМАНИЕ ПСИХИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНИ МИШЕЛЕМ ФУКО: ОТ КРИТИКИ ПСИХИАТРИИ К ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМУ <i>И.И. Сидоров-Моисеев</i>	42	CONCEPTION OF MENTAL DECEASES BY MICHEL FUKO: THOROUGH CRITICIZING PSYCHIATRY TOWARDS POSTSTRUCTURALISM <i>Igor I. Sidorov-Moiseev</i>
РАЗЛИЧИЕ, СОБЛАЗН И СОБЫТИЕ В ФИЛОСОФСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРАПИИ: КРИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК «ИНВЕРСИРОВАННОЙ АУТОПСИХОТЕРАПИИ ПСИХОТЕРАПИИ» <i>С.В. Вайнштейн</i>	48	DIFFERENCE, SEDUCTION AND EVENT OF PHILOSOPHICAL METHODOLOGY FOR PSYCHOLOGICAL THERAPY: CRITICAL ESSAY ON "INVERSION OF AUTO-PSYCHOTHERAPY FOR PSYCHOTHERAPY" <i>Sergey V. Weinstein</i>
ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТСКОГО РОМАНА В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ <i>Х.И. Алиева</i>	61	PECULIARITIES OF A GENRE OF EXISTENTIALISTIC NOVEL IN ENGLISH LITERATURE <i>Khuraman I. Aliyeva</i>

ПСИХОЛОГИЯ

ДИАГНОСТИКА И ЛЕЧЕНИЕ ДИСЛЕКСИИ <i>Эвелин Витрук</i>	65	ASSESSMENT AND TREATMENT OF DYSLEXIA <i>Evelin Witruk</i>
МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПСИХИЧЕСКОГО ОПЫТА <i>Д.Г. Трунов</i>	77	METAPHORIC DESCRIPTION OF MENTAL EXPERIENCE <i>Dmitry G. Trunov</i>
ПСИХОМЕТРИКА РУССКОЙ ВЕРСИИ ШКАЛЫ ПОТРЕБНОСТИ В ПОЗНАНИИ <i>С.А. Щебетенко</i>	87	RUSSIAN VERSION OF 18-ITEM NEED FOR COGNITION SCALE <i>Sergei A. Shchebetenko</i>
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ НЕВОЗМОЖНОЙ ПРОФЕССИИ: ЗАМЕТКИ О ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ <i>С.Р. Динабург</i>	101	AXIOLOGICAL BASES OF AN IMPOSSIBLE PROFESSION: NOTES OF PSYCHOTHERAPEUTIC NEUTRALITY <i>Svetlana R. Dinaburg</i>

СОЦИОЛОГИЯ

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ СТУДЕНТОВ В СОВРЕМЕННОМ ЕВРОПЕЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ <i>Мирьяна Уле</i>	111	CHANGING THE SOCIAL POSITION OF STUDENT YOUTH IN CONTEMPORARY EUROPEAN SOCIETY <i>Mirjana Ule</i>
СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ «АРХАИЧНОМУ» РОССИЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ <i>А.Г. Антипов</i>	122	MODERN CHALLENGE TO "ARCHAIC" RUSSIAN SOCIETY <i>Anatoly G. Antipiev</i>
ОТНОШЕНИЕ К ЗДОРОВЬЮ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН <i>С.С. Гордеева</i>	131	ATTITUDE TO HEALTH AS A SOCIAL PHENOMENON <i>Svetlana S. Gordeyeva</i>

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

МАТЕМАТИКА И РЕАЛЬНОСТЬ:
КРУГЛЫЙ СТОЛ В РЕДАКЦИИ ВЕСТНИКА ВЯТГУ
(ЯНВАРЬ 2011)

ФИЛОСОФИЯ

УДК 12(091)

ПРОБЛЕМА СИСТЕМЫ КАТЕГОРИЙ В ФИЛОСОФИИ**В.В. Орлов**

Философские системы всегда представляют собой более или менее разработанные системы категорий. Однако системная рефлексия получает развитый вид в философии Гегеля. Марксистская философия, получившая научный характер, по степени категориальной развертки относительно своих оснований, пока находится ниже уровня категориальной развертки Гегелевой философии. Построение развернутой системы категорий научной философии поставлено в повестку дня современной философии. Попытки построения такой системы были предприняты в советской научной философии.

Ключевые слова: категории; система; рефлексия; научная философия; принципы систематизации; программная идея; полная система.

Проблема системы категорий в истории философии

Философия — наиболее общее учение о мире и человеке. Предметом философии выступает прежде всего *всеобщее* и *бесконечное* в мире и человеке. Однако ограничение предмета философской мысли всеобщим (бесконечным), которое обычно высказывается, неверно, поскольку фактически изолирует философию от частнонаучного знания. Предметом философии, строго говоря, служит всеобщее (бесконечное) и философски понятое *особенное* и *единичное* (конечное).

Научная философия формируется на основе знания об особенном, из которого абстрагируется знание всеобщего и бесконечного. Однако философия не порывает с особенным и единичным, а осмысливает их как выражение всеобщего. Философски осмысленные физическая, химическая, биологическая и социальная реальности выступают уже как определенные формы материи. В силу диалектики всеобщего, особенного и единичного философское знание не витает только в «вышних сферах», а органи-

чески включает в себя всеобщее, особенное и единичное, или, точнее, конкретно-всеобщее.

Принципиальную формулу связи философии и частнонаучного знания выражает логическая фигура $O — B — B (O, E)$, где $B (O, E)$ обозначает всеобщее, включившее в себя особенное и единичное, конкретно-всеобщее. (Способ такого включения нам предстоит еще рассмотреть в соответствующем разделе. По Гегелю, всеобщее содержит особенное «в-себе»). Последовательно рассуждая, эту формулу философского знания следовало бы сделать более полной: $E — O — B — B (O, E) — E$, поскольку так или иначе философское знание глубоко связано с единичным, пронизывает единичное. Философия глубоко укоренена в познании индивида, его осмыслении жизни. Однако эта фигура логики требует специального исследования. Научно-философское знание органически — имплицитно или в явном виде — включается в частнонаучное знание и в индивидуальное сознание. Частнонаучное знание и индивидуальное сознание насыщены философским содержанием, философским смыслом. Вместе с тем «начальный» и «конечный» элементы этого кольца, составленные единичны-

ми, в наличной философской мысли остаются скрытыми и не принимают непосредственного участия в «игре» категорий.

Каждое философское учение в истории философской мысли представляет собой некоторую систему категорий. Философия мыслит категориями, и всякое оригинальное философское учение составляет ту или иную систему наиболее общих понятий. Заметим, однако, повторяя уже сказанное выше, что философия всегда оперирует всеобщими понятиями в связи с частными (с возникновением науки — частнонаучными) понятиями, поскольку философское знание всегда выводимо из частного знания. Полнота и степень адекватности понятийной структуры $E — O — B — B (O, E) — E$ служат главным критерием уровня зрелости философской мысли. Суть любой философской системы определяется полнотой и адекватностью раскрытия всеобщего на основе особенного и единичного, объяснения особенного и единичного на основе всеобщего, выражения всеобщего и особенного в единичном, человеческой индивидуальности. Философские учения Демокрита, Гераклита, Платона, Аристотеля, Ф.Аквинского, Ф.Бэкона, Д.Локка, И.Канта, Гегеля, К.Маркса, В.И.Ленина, М.Хайдеггера резко различаются тем, как в них реализована указанная принципиальная логика всеобщего, особенного и единичного, образующая логику философских систем.

Определение места, роли, содержания всеобщего, особенного и единичного служит ключом к оценке содержания и значения философских систем. Примечательно существенное различие классической философии и неклассических философских течений XIX — XXI вв. в трактовке всеобщего, особенного и единичного (индивидуального). Теоретический и логический смысл последних по сути дела выразил уже С.Кьеркегор, «символ веры» которого выражен в заявлении: «Вас интересуют сущности, а меня — существование».

Хотя каждое философское учение всегда в той или иной мере — развернутая система ка-

тегорий, системность философских учений, которое становится предметом философской рефлексии по мере развития мыслительной культуры, возникновения и развития науки. Эволюция системности философии, характер и способ построения философских систем в истории философской мысли еще не стали предметом специальных исследований в мировой и отечественной философии, хотя фактически историко-философские исследования в той или иной мере затрагивают проблему системности. Одна из важнейших задач исследований заключается в том, чтобы восстановить из содержания различных философских учений построенную в них систему категорий.

Категориальное кольцо $O — B — B (O, E)$ образует наиболее общую основу категориальных систем философии. Вместе с тем это категориальное кольцо является абстракцией, не отображающей более глубокий сущностный план философской мысли, выраженный в основном вопросе философии — об отношении сознания к материи. Как известно, Ф.Энгельс различал в основном вопросе философии (ОВФ) две стороны: вопрос о том, что первично (главный), и вопрос о познаваемости мира. В XX в. стало ясным, что такое структурирование ОВФ недостаточно полно выражает его смысл, что сделало возможным появление в советской философской науке гносеологизма, прямолинейно толковавшего ОВФ как вопрос только об отношении сознания к миру, который оказывается предметом не философского, а только конкретнонаучного мышления. Философия превращалась таким образом в чистую гносеологию, онтология же объявлялась своего рода пережитком прошлого. С нашей точки зрения, в ОВФ необходимо выделить три уровня [1]. Первый включает две стороны, сформулированные Энгельсом. Второй уровень составлен тремя сущностными вопросами: о сущности мира, сущности сознания и сущности отношения сознания к материи. ОВФ есть вопрос о сущностях, сущностный вопрос, вопрос о трех сущностях. В этом состоит главный смысл

ОВФ, без которого он превращается в феноменологическую пустышку. Третьей стороной ОВФ выступает вопрос о сущности мира, сущности человека, перспективах и смысле его существования. В своей общей формулировке ОВФ включает человека в разделенном, фрагментированном виде (сознание). Однако в важнейший вопрос философии человек включен также в целостном виде в качестве одного из необходимых уровней.

Понятия материи и сознания и связанные с ними ряды понятий образуют основную категориальную структуру философского мышления. Точнее, в основе системы категорий философии лежат две структуры, образованные (1) противоположными категориями материи и сознания и (2) логическим кольцом $O — B — B (O, E)$. Эти структуры находятся в глубокой взаимосвязи и взаимозависимости, получая всестороннее развитие только в рамках предельно реалистической философии диалектического материализма.

В домарксистской философии категориальный круг $O — B — B (O, E)$ наиболее содержательную разработку получил в философии Г.В.Ф.Гегеля. При этом указанная логическая конструкция заметно довлеет над более важной категориальной структурой, хотя в конечном счете оказывается подчиненной логике схемы категорий объективного идеализма. Гегель изображает логику категорий так, как будто логика тройки категорий $B — O — E$ может иметь смысл лишь как выражение идеальной (логическая идея) природы мира, абсолюта. Исходная объективно-идеалистическая основа философии Гегеля привела к деформации диалектики этих категорий. Как показано К.Марксом в «Святом семействе», вся Гегелева система категорий построена на позиции, которую Маркс определяет как «тайну спекулятивной конструкции»: всеобщее порождает все сущее, все особенное и единичное.

В истории философской мысли системная рефлексия осуществлялась в измерениях обеих категориальных структур. До Маркса систем-

ная идея получила наивысшую разработку в философии Гегеля. Гегель определял философию как учение о категориях. Он отметил достижение Аристотеля, впервые давшего перечень категорий, и Канта, которому принадлежит заслуга классификации категорий. Отмеченные им этапы философского развития являются важными вехами системного движения, однако Гегель не затронул более глубокие стороны системного движения, Философское наследие Аристотеля выходит далеко за рамки выделения десятка — полутора десятков категорий (куда к тому же не вошли, например, более важные категории бога и формы). Аристотель создал оригинальную философскую систему, категориальный состав которой требует основательного анализа. Точно так же философия Канта представляет собой нечто большее, чем классификацию двенадцати категорий. В сущности, Гегель подметил лишь непосредственную сторону категориальной рефлексии двух известных философов, представляющую несомненный интерес, но лишь приоткрывшую процесс системной рефлексии в истории мысли.

Выдающуюся роль в развитии философии, категориальной рефлексии, сыграла философская система великого предшественника марксизма в философии Г.В.Ф.Гегеля, взгляды которого были рассмотрены нами ранее [2].

Проблема системы категорий в классическом марксизме

Философия марксизма, по определению В.И.Ленина, — «законченный философский материализм», обогащенный диалектикой [3]. В отечественной философской науке бытовало определение философии Маркса как материалистической диалектики (Б.М.Кедров, Э.В.Ильенков, А.П.Шептулин, Ф.В.Константинов и др.). Однако такой перенос «центра тяжести» с материализма на диалектику неверен. Главным содержанием и смыслом марксистской философии является материализм, выражающий главную теоретическую определенность фило-

софии Маркса. «Философия марксизма есть материализм», — писал В.И. Ленин [4].

Марксистская философия творчески переработала философское наследие прошлого, в особенности непосредственных предшественников — Г.В.Ф. Гегеля и Л.Фейербаха, взяв в них рациональное, положительное содержание, обобщила данные современного естествознания, экономических наук, создала принципиально новую, *научную философскую теорию*. Научность философской теории означает ее адекватность, соответствие объективной и субъективной реальности. Философия становится научной, когда она начинает соответствовать трем критериям: 1) наличия адекватной эмпирической базы, 2) адекватного метода, 3) возможности практической проверки соответствия теории объективной реальности. Эти общие для науки критерии приобретают для философии особые, «отягчающие» моменты, связанные со спецификой предмета философии, — *всеобщности и бесконечности*. Достаточность эмпирической базы философии означает, что эта база должна быть презентативной для бесконечного мира. Метод научной философии должен быть достаточным для мышления бесконечным. Практика, способная проверять научную философию, должна презентировать бесконечность, нести в себе момент, выражающий бесконечность. Одним словом, философская мысль, замечательными словами Гегеля, должна обладать мощью, способной схватывать бесконечное.

Указанные коренные особенности философии в мировой и отечественной философской мысли практически не получили должной разработки. В 1960-1970-е гг. в советской философии возникло течение, согласно которому бесконечность или конечность мира, а на этой основе все положения философии, могут иметь характер только *гипотез*, или *постулатов*, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть (Э.Кольман, Г.И.Наан, Э.М.Чудинов, Л.Б.Баженов и др.) [5]. Основанием для такого заключения служило действительно сложное, если не

сказать с некоторым пафосом, трагическое для философии и вообще человеческой мысли обстоятельство: «бесконечность мира — конечность человеческого опыта». Действительно, если мир бесконечен, а опыт человечества всегда конечен, окончательное решение ни одного фундаментального философского вопроса — о сущности мира, его материальности или духовности, конечности или бесконечности — невозможно. Такой вывод и был сделан рядом советских философов. Автором этих строк концепция «хронически гипотетического», недоказуемого характера философии была подвергнута критике как полукантианская [6]. Развернувшаяся в двух философских журналах — «Вопросы философии» и «Философские науки» дискуссия по проблеме философского знания была мало продуктивной. Симптоматично, что некоторые из диспутантов, оживленно поучавших автора этих строк марксизму, в «темные девяностые» с гордостью заявляли, что «уже тогда не были марксистами». Ситуация, характерная для определенного образа мыслей. Проблема достоверного или постулативного характера философского знания — одна из тех, которые должны быть решены построением системы категорий научной философии.

Классическая наука XIX в., в отличие от формировавшейся науки XVIII — XIX вв., получила зрелый характер и давала достаточный научный материал для принципиального решения вопросов о материальности мира, его развитии и др., для появления научной философии. Такая философия и была создана К.Марксом и Ф.Энгельсом. Известно, что близкие философские взгляды возникли и у некоторых других мыслителей этого времени, например у И.Дицгена, который, независимо от Маркса и даже не читая Гегеля, самостоятельно пришел к диалектическому материализму. Материализм прошлых веков не мог подняться до уровня научного материализма не только в силу незрелости общества, но и по причине недостаточного развития естествознания и политической экономии, их «непрезентативности». Лишь в сере-

дине XIX в. естествознание с достаточной определенностью выявило как материальность, так и диалектический характер природы. Этому содействовали, в частности, великие открытия естествознания — закона сохранения энергии, клетки, теории Дарвина, неевклидовой геометрии, периодической системы элементов и др.

Наука XX в. чрезвычайно расширила эмпирическую и теоретическую базу философии. Если в XIX в. идея развития содержалась лишь в теории Ч.Дарвина и в относительно менее значимой теории геологической эволюции Лайеля, то в XX в. все основные фундаментальные науки становятся эволюционными. Поистине триумфальное шествие материалистической диалектики выразилось далее в «системном движении» 1940-1960-х гг., «глобальном эволюционизме» 1970-1990-х гг., теории «сложности» и синергетике 1980-х и последующих лет.

Если естествознание XIX в. дало основания для Энгельсовой гипотезы повторяющихся мировых круговоротов, связанных с неизбежным исчезновением и закономерным, «с железной необходимостью» возникновением человечества, то после работ К.Э.Циолковского идея бесконечного развития прокладывает себе дорогу с помощью новейших естественнонаучных представлений. Характерно, что в работах Ленина мы уже не встретим Энгельсовой идеи круговоротов, в которых «время наивысшего развития», время жизни и человечества, «отмеряно чрезвычайно скудно». Добавим, что из переписки Маркса и Энгельса видно, что, разделяя общие философские взгляды, классики научной философии придерживались несколько различных оценок теории Дарвина, однако остается неизвестным отношение Маркса к Энгельсовой идее вечных круговоротов развития.

Научная философская система была выработана совместно Марксом и Энгельсом, но наиболее полно она была изложена и обоснована в трудах Энгельса, прежде всего в «Анти-Дюринге» (1878), «Диалектике природы» (1872—1882) и «Людвиге Фейербахе» (1886). Весьма сильное обоснование материалистического понимания истории, а благодаря этому и

философского материализма в целом, было дано в «Капитале» Маркса. С выходом в свет «Капитала» Маркса, по оценке Ленина, материалистическое понимание истории превратилось из гипотезы в научно подтвержденную теорию. Вопрос о соотношении сознания и материального бытия — в силу его большей сложности в сравнении с природным — наиболее остро стоит в социальной философии. Поэтому научно материалистическое решение этого вопроса в «Капитале» явилось сильнейшим аргументом в пользу материализма вообще.

Научная философия была создана Марксом и Энгельсом в ее основном концептуальном содержании и представляет собой концентрированную, сжатую систему категорий, которую последователям марксизма оставалось разрабатывать по всем ее важнейшим направлениям, что и происходит в течение XX и XXI вв. в мировой науке, в особенности в СССР. Глобальной задачей марксистской философии является создание развернутой, или полной, системы категорий.

В.И.Ленин, подвергнув ревизии «форму материализма» у Энгельса, развил марксистскую философию на ее собственных основаниях, поднял ее на уровень, соответствующий современному естествознанию. Центральное понятие марксистской философии — материи Ленин «доформулировал», придал ему более строгий и точный характер. Если Энгельс сближал понятие материи с понятием вещества, то в соответствии с новейшими открытиями физики Ленин дал более широкое и строгое определение материи с помощью понятий *реальности* и *объективности* — как *объективной реальности*. Ленин раскрыл фундаментальные основания научного понятия материи, выявил единственно возможный способ определения материи как сущности мира — через противопоставление сознанию, выяснил абсолютный и относительный характер этого противопоставления. Теоретико-логическая культура определения высших понятий философии — материи и соз-

нения — на порядок выше культуры введения понятия логической идеи в философии Гегеля. Ленинский этап развития марксистской философии заметно продвинул научную философию к построению развернутой системы категорий. Особо важную роль в этом направлении сыграли новое определение материи и культура его выведения, выяснение соотношения категорий материи и сознания, разработка теории диалектики, теории познания, в особенности понятия истины, соотношения объективной, абсолютной, относительной и конкретной истин, анализ философских проблем физики и высказанные при этом предсказания ее дальнейшего развития, целиком подтвердившиеся в науке XX в.

Проблема системы категорий в советской философской науке

Марксистско-ленинская философия в советское время прошла большой и сложный путь развития от массового освоения, нередко в упрощенных формах, до хорошо разработанной теории 1950-х и последующих лет. Объективное изучение массового освоения и развития научной философии в стране, где к моменту Великой Октябрьской социалистической революции грамотность населения не превышала 73%, — благородная задача, которая не входит в программу нашего исследования. Большую роль в развитии научной философии сыграли процессы, начатые XX съездом КПСС, освободившие философию от изрядной доли догматизма и упрощений. В результате интенсивного процесса развития философии в 1970-1980-е гг. созрела идея разработки развернутой системы категорий научной философии. Правда, обычно она формулировалась очень неточно: *создания* системы категорий научной философии. С такой формулировкой эта мысль вошла во все более или менее заметные попытки написания соответствующих трудов. Как нам довелось неоднократно высказываться, такая формулировка задачи, означавшая, вопреки мнению авторов, что марксистской философии как единой теории не существует, не адекватна. Нами была предложена другая формулировка задачи: соз-

дание *развернутой*, или *полной*, системы категорий научной философии[7]. В 1970-1980-е гг. в советской философии проблема построения системы категорий получила широкое обсуждение. Обсуждение получили принципы, теоретические предпосылки построения системы категорий. Были предложены порядка двух десятков различных программ такого построения, некоторые из них получили воплощение в серии томов или отдельных изданиях. Мы не ставим своей задачей дать анализ всех или хотя бы большинства соответствующих публикаций и ограничимся лишь некоторыми из них.

Наиболее основательной попыткой построения системы категорий, получившей резонанс в обществе, явилось подготовленное в основном ленинградскими философами пятитомное издание «Материалистическая диалектика в пяти томах» под общей редакцией Ф.В.Константинова и В.Г.Марахова (М.: Мысль, 1981—1985): «Объективная диалектика». Т.1; «Субъективная диалектика». Т.2; «Диалектика природы и естествознания». Т.3; «Диалектика общественного развития». Т.4; «Критика идеалистических концепций диалектики». Т.5.

Структура построения издания фактически была уже хорошо «обкатана» в широкой научной и учебной литературе. Она во многом совпадает со структурой Гегелевой философии, хотя, разумеется, написана с других позиций. Тома издания включают содержательные разработки основных аспектов названных тем, которые вызывают ряд серьезных возражений. Прежде всего, нельзя согласиться с тем, что научная философия по существу отождествлена с ее частью, не решающую основного вопроса философии, — диалектикой. Диалектикой материалистической, но все же — диалектикой. В советской философской науке с 1950-х гг. утвердилось сведение диалектического материализма к материалистической диалектике. Между тем философия Маркса, — утверждал Ленин, — есть материализм. Странный перекосяк акцентов, противоречащий классической трактовке научной философии, имел ряд причин.

Одна из них — появившаяся в советской философской науке тень «гегельянщины». В отечественной философии этих времен складывается явная недооценка проблематики материализма. Не случайно, когда в 1983 г., году смерти К.Маркса, Проблемный совет Минвуза РСФСР «Ленинская концепция материи и современность», работавший на базе кафедры философии Пермского университета, провел теоретическую конференцию «Особенности современной формы материализма», главный редактор «Вопросов философии» акад. Б.М.Кедров категорически отказался публиковать обзор этой конференции, не отметив, впрочем, годовщину Маркса никаким другим образом. Заметим мимоходом, что в советской философии всегда вокруг двух философских журналов создавались какие-либо группировки, монополизировавшие журнальную печать и не допускавшие в научное обращение точек зрения, которых они не разделяли. Так было с освещением проблем материи, развития, сознания, ощущения и знака и др. Не безынтересно отметить, что такого рода группировки и начали разрушение отечественной марксистской философской традиции в связи с пресловутыми «реформами».

Перекося в сторону диалектики обусловил ряд крупных недостатков отечественной философии. Так, плохо исследовалась аргументация материализма, особенно в социальной философии; весьма слабо разрабатывалась философия экономики. Материализм как таковой по существу нередко рассматривался как нечто «само собой разумеющееся», не требующее развернутых доказательств.

Второй, по нашему мнению, крупный недостаток рассматриваемого построения заключается в том, что категории и целые разделы излагаются в заданной последовательности, но по существу *не выводятся*, хотя смысл построения системы категорий заключается именно в выведении категорий. Обобщая опыт построения такой системы Гегелем, Ленин писал: «Категории надо вывести (а не произвольно или механически взять) (не «рассказывая»,

не «уверяя», а *доказывая*) [8]. Путем «утверждения» в построение вводится начальная категория — *объект*, понимаемый как такая «часть объективной реальности», которая «не только потенциально, но и актуально противостоит субъекту (т.е. вовлечена в человеческую практику» [9]. Категория материи появляется далее как «обобщение материальных объектов». Затем излагается ленинское определение материи. Понятие объекта рассматривается как само собой понятное, не выводится из каких-либо предпосылок, эмпирии. Но оно уже по существу содержит в себе понятие объективной реальности, материи, поскольку признак объективности дан как не требующий выведения и обоснования. Главное — доказательство материальности мира оказывается в данном построении введенным в готовом виде, хотя оно должно быть важнейшим результатом научной системы категорий.

«Материалистическая диалектика как общая теория развития» (в 2 т. / под рук. и ред. акад. Л.Ф.Ильичева. М.: Наука, 1982) также представляет собой добротное изложение теории материалистической диалектики — «Философских основ теории развития» (Т.1) и «Диалектики развития научного знания» (Т.2). Но оно так же, по нашему мнению, не может претендовать на статус системы категорий. Теория диалектики в нем не выводится, а излагается как нечто готовое и полностью доказанное. У автора настоящих строк не вызывает никакого сомнения доказанность большинства выдвинутых в сочинении положений, однако искомой системы категорий в нем мы все же не находим. Изложению собственно теории развития автора предпосылают главу о материальности мира, построенную в том же «уверенном» стиле как нечто давно готовое и не нуждающееся в обосновании путем выведения.

Список литературы

1. Орлов В.В. Основы философии. Ч.1. Общая философия. Вып.1. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1991;1997;2001;2006.
2. Орлов В.В. Особенности системы категорий фи-

- лософии Г.В.Ф.Гегеля//Философия, Психология. Социология // Вестник Пермского университета. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, .2010. №4(4).
3. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.26. С.44.
 4. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.26. С.43.
 5. Бесконечность и Вселенная. М., 1969.
 6. *Орлов В.В.* Материя, развитие, человек. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1974; Основы философии Ч.1.Общая философия. Вып.1. Пермь: Изд-во Перм. ун-та,1991;1997;2001;2006.
 7. *Орлов В.В.* О программе построения системы категорий диалектического материализма // Диалектический материализм как система. Пермь: Изд-во Перм. ун-та,1980.
 8. *Ленин В.И.* Философские тетради// Полн. собр. соч. Т.29. С.86.
 9. Материалистическая диалектика в пяти томах. Т.1. / Под ред. Ф.В.Константинова, В.Г.Марахова.М.,1981.С.16.
-

THE SYSTEM OF CATEGORIES PROBLEM IN PHILOSOPHY

Vladimir V. Orlov

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

Philosophical systems always represent more or less developed systems of categories. However the systematic reflection receives its advanced form in Hegel's philosophy. Marxist philosophy considering its scientific character is less developed in reference to its basis insomuch than Hegelian philosophy in reference to its basis. Building up an explicated system of categories in scientific philosophy is in agenda now. Some attempts were made in soviet scientific philosophy.

Keywords. categories; system; reflection; scientific philosophy; principle of classification; general idea; complete system.

УДК 1(091)(470)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ Н.Н. СТРАХОВА О РЕВОЛЮЦИИ: ЗАОЧНЫЙ СПОР С А.И. ГЕРЦЕНОМ

Н.В. Снетова

Статья посвящена исследованию социальных воззрений русского философа Н.Н. Страхова. В ней рассматривается страховский анализ Парижской коммуны (1871г.). Показывается, что в статье «Парижская коммуна» Страхов пытается противопоставить собственный взгляд на революцию взглядам Герцена, изложенным прежде всего в работе «С того берега». Автор делает вывод, что отрицание революции, с одной стороны, является у Страхова следствием исповедуемого им органического подхода, с другой — оценка и представление о революции определялись страховской консервативной социально-политической ориентацией.

Ключевые слова: русская философия; Страхов; Герцен; социальная революция; русский консерватизм; исторический процесс; органицизм.

Представления петербургского философа Николая Николаевича Страхова (1828-1896) о социалистической революции нашли ясное выражение в статье, посвященной Парижской коммуне, опубликованной им в 1871 г. [1]. Мыслитель пытался осмыслить социальное событие «по горячим следам». При этом автор демонстрирует понимание знаковости данного события не только для истории Западной Европы. Заметим, что, с одной стороны, он обращается к работам очевидцев происходившего в Париже, комментируя следующие работы: «Осада Парижа. 1870-1871. Впечатления и воспоминания». Перевод. СПб., 1871; Франциск Сарсе, Молинари «Черная книга парижской коммуны. Разоблачение «Интернационала»; «La revolution plebeienne». Lettres a Junius. С другой стороны, его анализ Парижской коммуны, социального радикализма вообще, на наш взгляд, в определенном смысле есть ответ Герцену, с чьими работами Страхов был знаком, особенно с ранними произведениями. Вполне возможно, что к 1871 г. он знал содержание и последней теоретической статьи Искандера «К старому товарищу», которая в 1870 г. была уже переведена на русский язык. По нашему мнению, можно говорить о (заочном) диалогическом споре в социальных воззрениях Герцена и Страхова по

поводу социальной, социалистической революции. Автор статьи «Парижская коммуна» вел дискуссию-диалог, не всегда прямо артикулируя точку зрения теоретика русского социализма, иногда следуя Герцену, но чаще явно, настойчиво споря с ним, противопоставляя ему свой взгляд. В 1870 г. Страховым была написана и опубликована в журнале «Заря» большая статья, посвященная жизни и творчеству А.И. Герцена. В ней, естественно, затрагивался вопрос о революции [2].

Страховское исследование социальной революции в теоретико-методологическом отношении опиралось на органицизм, направление в русской философской мысли, к которому, на наш взгляд, можно отнести философа. Отметим, что органицизм позволяет развивать в социальных воззрениях противоположные концепции. Напомним, что М.В. Буташевич-Петрашевский в рамках теоретико-методологических оснований органицизма пришел к социализму. Неославянофил Страхов демонстрирует другой, консервативный, вариант возможных социальных выходов, содержащихся в органическом подходе.

Исследуя взгляды русского философа и публициста на революцию и левый радикализм вообще, необходимо определить *онтологиче-*

ские основы этих взглядов. Органицизм, к которому мы относим его социально-философские воззрения, в качестве доминирующего методологического регулятива использует «идею организма». Представители органицизма рассматривали любое целостное образование по аналогии с организмом. Следуя органическому подходу, Страхов в онтологии утверждал, что мир есть органическое взаимосвязанное целое. При этом делался акцент на устойчивость, порядок в вещах и в мире. Мыслитель настаивал, что согласно органическому пониманию народ, нацию, культуру, государство, семью и т.д. следует рассматривать как организм. По аналогии с эволюцией организма всякое развитие трактуется как саморазвертывание исходного ядра, начала, основы. Все изменения, которые претерпевает органическая целостность, носят, конечно, мирный и постепенный (естественный) характер. Отечественный философ не принимает ничего, что могло бы угрожать естественному, органическому ходу как вещественного, так и человеческого мира. Отсюда понятно, что революции, с его точки зрения, — зло, ибо сеют смерть и разрушение, несут хаос в общественную жизнь, которая должна носить органический, гармонический характер.

Методологически проблема революции предполагает определенную трактовку развития. Поэтому важно, как отечественный мыслитель относится к диалектике. Это тем более интересно, что Страхов позиционировал себя как гегельянца. Известно, что, например, А.И. Герцен оценивал диалектику как алгебру революции. Однако изучение философского творчества Страхова позволяет нам сделать вывод, что, необычайно высоко оценивая на словах гегелевскую философию и прежде всего гегелевский метод, к диалектическому методу он относился своеобразно. В работе «Литературная деятельность Герцена», в разделе, который называется «Учение о прогрессе», вероятно, не случайно, излагая гегелевскую концепцию прогресса, автор не касается вопроса о его механизме. Но при этом он даёт критику прямолинейного понимания прогрессивного движения

истории, т.е. критическая оценка упрощенных представлений о социальном прогрессе фактически оказывается оценкой концепций общественного прогресса вообще. Согласно Страхову, более адекватное понимание развития истории обеспечивает рассмотрение исторического процесса по аналогии с организмом, что исключает, по его мнению, возможность его упрощенных, прямолинейных трактовок. В круг рефлексии русского философа не входит и диалектическое учение Гегеля о взаимосвязи качественных и количественных изменений, единстве и борьбе противоположностей, об отрицании отрицания. Эти категории играют важную методологическую роль при диалектическом объяснении механизма качественных, революционных социальных изменений в ходе прогрессивного движения человеческой истории. Не принимая идею социального прогресса, Страхов пытался связать диалектическую трактовку развития истории с релятивизмом и скептицизмом. Он приписывает диалектическому представлению о прогрессе отбрасывание всего старого. Уровень страховской философской культуры, уровень его понимания философии Гегеля, не позволяет допустить, что отечественный мыслитель не понял диалектической концепции снятия. Релятивистская интерпретация диалектической теории прогресса давала ему аргумент в пользу консерватизма. Последний понимался им как умение и способность видеть в прошлом, старом положительное и стремление к его сохранению. Отсюда, по его мнению, всякие попытки что-либо изменить в общественной жизни означают отрыв от прошлого, что, в свою очередь, является симптомом утраты исторического смысла жизни.

Онтологическим взглядам, развивавшимся отечественным органицистом, в его творчестве соответствуют и социально-философские воззрения. Применительно к социальному процессу страховская интерпретация развития является философской базой реформистских или консервативных установок. Перенос закономерностей эволюции организма на социальные процессы имеет следствием отрицание всяких вмешательств людей в ход исторического про-

цесса с целью изменения коренных основ общественной жизни. Отсюда становится ясно, что отношение Страхова к социальной революции, особенно к социалистической и социализму, будет негативным, что подтверждается конкретным анализом работ, в которых эти вопросы рассматриваются. Он, проявляя себя последовательным органицистом, являлся противником всяких теоретических социальных проектов, считая их в принципе утопическими, потому что они нарушают органический, естественный ход человеческой истории.

Страховские сомнения относительно возможности прогрессивного поступательного развития человеческого общества питались его моралистскими установками. В истории он обращал внимание на факты падения нравственности. Страхов делал акцент на нравственном аспекте истории, во-первых, в силу того, что в России недоставало регулирующей роли права. Во-вторых, потому что он и славянофилы видели антигуманные последствия развития капитализма, где основной ценностью оказываются деньги, материальные блага, материальный комфорт.

Сомневаясь, что можно допустить прогресс, мыслитель писал: «Гегель давал истории философии и вообще истории человечества глубокую значительность и приписывал ей некоторый непрерывный и правильный ход; но, кажется, дело идет не всегда так» [3. С. XXIII]. В высказывании Страхова звучит сомнение в применимости рационалистической парадигмы к историческому процессу. Страхову представляется, что «правильнее видеть в истории лишь непрерывную борьбу высоких начал с низкими, жизни и развития с смертью и вырождением. Чем прекраснее и выше возникающие явления человеческого духа, тем неизбежнее они заносятся потом бесконечным песком мелких и низменных явлений. За подъемом духа следует упадок, волны смыкаются за величественным кораблем, и сон сменяет горячую деятельность» [3. С. XXIV]. Критерием прогресса у Страхова выступают: нравственная и духовная высота личности, группы, народа, государства,

качество ценностей, господствующих в общественном сознании.

На русского мыслителя, так же, как и на консервативно настроенных мыслителей в Европе, повлияли революционные события 1848 г. У многих из них они подорвали веру в разумность истории. Для некоторых интеллигентов, в том числе западноевропейских, революция 1848 г. означала крушение рационализма, той веры в исторический разум, которая была характерна для эпохи Просвещения. Отрицание ужасов террора имело следствием и отрицание просветительской идеологии, теории, подготавлившей кровавый, разрушительный ход событий. Критика *просвещенческой* концепции прогресса, характерная для европейского консерватизма вообще, у Страхова укладывается в его славянофильскую критику западноевропейской цивилизации.

У отечественного неославянофила анализ революционного события в Париже 1871 г., естественно, соединен с критикой Запада, с критикой попыток европейских и русских мыслителей рассматривать тип европейского социально-политического развития как общечеловеческую модель. В определенном смысле Парижская коммуна была событием, которое, как считал Страхов, прекрасно демонстрировало, с одной стороны, правильность его трактовки западной цивилизации, с другой — ложность веры в Запад, которую питают отечественные западники. Он выражал убеждение, что катехизису, определяющему догматы верования в Запад, противоречат такие события, которые делают невозможным держаться этого катехизиса. В статье «Парижская коммуна» он, суммируя свои выводы, делавшиеся в ранних работах, формулирует эти догматы западнического катехизиса. Они состоят в следующем:

1. Запад есть страна всяческого прогресса. История Запада есть главная часть всемирной истории, и то, что делается на Западе, имеет силу и обязательность для всего земного шара, не исключая Россию.
2. Прогресс совершается на Западе непрерывно, неудержимо и состоит в движении к

лучшему, ибо при каждой перемене нарастает новая, лучшая жизнь [4. С. 193].

Страхов, выясняя характер произошедших революционных событий во Франции, характеризует, несомненно, ориентируясь на Герцена, общую закономерность, существующую, по его мнению, во всякой революции. Он признает, что революция 1789 г. была совершена во имя прав человека: «После долгой борьбы...оказалось, что права человека не были достигнуты; вместо того был достигнут очень ясный и определенный результат: буржуазия низвергла два стоявших над нею сословия...и сделалась полною властительницей Франции. Вот та тайная сила, которая руководила великою революцией и для которой, в сущности, трудились философы и политические деятели, ставившие себе, по-видимому, совершенно другие цели» [4. С. 198]. Приводя и другие примеры несовпадения ставившихся непосредственных целей и получавшихся результатов, Страхов делает вывод, что «в каждой революции, в каждом потрясении нужно непременно различать сознательный повод, отвлеченную идею, во имя которой производится переворот, от тех действительных сил, которые приводятся в движение переворотом. Результат зависит от этих сил, а не от того, что говорят ораторы и пишут журналы. Мы показали бы очень большое малодушие, если бы после стольких опытов все продолжали думать, что всеобщая история может совершаться по некоторой наперед составленной программе, если бы добивались такого совершения и сердились на его неудачу. ...Не умнее ли будем, если мы не станем подетски негодовать на действительность, а будем ее ...исследовать? Можно напиваться не одним вином, можно напиток иными мыслями до потери всякой трезвости, до неумения ясно видеть <...>. Такое пьянство нынче в моде и очень поощряется во всемирной литературе <...>. Нас отрезвляют разве только страшные события, потоки крови, горы трупов, города в пламени, да и то не всегда отрезвляют. Не лучше ли заранее поставить себе правилом — трезвость духа и то смиренное, внимательное изучение действительности, которое одно при-

лично человеку, ищущему правды...» [4. С. 200].

Приведенное рассуждение являет собой один из многочисленных хитроумных способов страховской стилистической, семантической «игры в прятки», которая дает возможность автору не высказывать прямо своей точки зрения, преподнести себя мудрым, объективным исследователем. Хитроумность приемов Страхова проявляется и в том, что противник всяких революций в приведенной эксерпции из текста статьи «Парижская коммуна» соединил несколько мыслей из герценовской статьи «С того берега». На необходимость самого серьезного изучения действительности, в частности честного, требующего смелости анализа произошедшего во Франции в 1848 г., опыта поражения революционных сил, ранее обращал внимание Герцен. Страховские советы обрести трезвость духа, призыв к смиренному, внимательному изучению действительности, на наш взгляд, могут быть интерпретированы как призыв к смирению, созерцательному отношению к существующему социальному порядку. У Страхова, в результате, остается неясным, для чего необходимо объективное изучение действительности, тогда как у Герцена цель изучения произошедших революционных событий 1848 г. была совершенно ясна. Истинным социалистам-революционерам, считал Искандер, необходим был беспристрастный анализ ошибок для того, чтобы избежать их в будущем. Ещё одна «хитрость» герценовского критика может быть обнаружена в приведенной цитате. В работе «С того берега» много внимания уделялось проблеме закономерности исторического развития. Герцен, выдвигая аргументы, выражал несогласие с интерпретацией хода социального прогресса как прямолинейного и запрограммированного процесса. Мы видим, что Страховым используются эти мысли Искандера, но с противоположной целью. Примечательно, что в критике «прогрессистов», концепции социального прогресса, Страхов не использовал данные герценовские идеи и аргументы, наоборот, как отмечалось выше, фактически отождествлял признание прогрессивного

движения истории с его прямолинейной трактовкой.

Страхов определяет революцию 1871 г. как в полном смысле социальную, ибо она была инициируема и руководима социалистами. В чем программа этого движения со страховской точки зрения? Существующие объяснения, по его мнению, не могут приписать Коммуне особенно высоких и светлых целей. Мы видим, что начинается расхождение в оценках между Страховым и Герценом. Отечественный консерватор правильно понял, что главная черта революции 1871 г. — стремление к *социальному* перевороту. Он верно понял также, что ее движущая сила — четвертое сословие, пролетариат. С одной стороны, играя роль беспристрастного аналитика, философ признает, что социальный переворот — цель важная, но, с другой — тут же утверждает, снижая ее значение, что цель и идеалы Парижской коммуны очень далеки от прежних идеалов революции 1789 г. Уже, пишет Страхов, нет речи о правах людей, нет радостных призывов к свободе, равенству и братству, «нет золотых мечтаний фурыеризма о всеобщем счастье». Задача революции, убежден философ, сузилась, так как «дело идет не о достижении людьми каких-либо прав (третье сословие достигло всяких прав), не о счастливом устройстве человечества на земле (третье сословие достигло всякого счастья), дело идет только об одном сословии — о рабочих, и требуется не столько осчастливить его, как спасти от бедствий, не столько наделить правами и властью, сколько защитить от непрерывного гнета капиталов и хозяев. Не новых благ добивается новая революция; она хочет только пособить бедствию, способствовать разрешению вопроса, который как гроза навис над большею частью Европы и грозит не одной Франции...» [4. С. 201].

Претендуя на объективность, отечественный мыслитель заявляет, что против программы ничего возразить нельзя. Рабочий вопрос «способен к огромному развитию». Далее становится ясна его собственная «программа» решения рабочего вопроса. «Можно представить себе целый ряд искусных мер, и частных, и го-

сударственных, которые противодействовали бы великому злу и довели бы его до возможной меньшей степени». Программа, как видим, реформистская, но интересно, что он фактически спрогнозировал путь, по которому пошли западноевропейские государства, капитал — по пути социализации.

Следуя заявленной идее о несовпадении в революции цели и результатов, исследователь задает вопрос: можно ли надеяться, что на этот раз революционерам удастся добиться цели? Ответ, думается, понятен. Не для того хитроумный Страхов сформулировал противоречие, чтобы дать утвердительный ответ на поставленный вопрос. Конечно, с его точки зрения, «результат получится несколько не похожий на исходную точку». Философу ясно, что в революции действуют другие силы, что рабочий вопрос — лишь предлог для «обнаружения стремлений более могущественных». Каких?

Интрига разрешается Страховым следующим образом. Обычно революцию 1871 г. изображают как борьбу сословий, но, по его мнению, это неверно, так как борьба сословий закончена. Но что наступает вместо нее? В революции 1789 г. буржуазия, которая, по убеждению Страхова, *не была сословием в полном смысле слова*, свои интересы представляла как общечеловеческие. В том и была ее сила, что она искренно, горячо провозгласила всеобщее равенство, действительное освобождение всех и каждого. Все политические революции совершались во имя общих целей, и только новая революция прямо заявляет, что она сословная, что ее цель — не право и свобода всех вообще, а благоденствие *одного класса* людей. (Мыслитель, используя тогдашнюю традиционную официальную терминологию, считает сословиями дворянство и духовенство). Таким образом, хитроумный публицист вводит две важнейшие посылки с презумпцией истинности (без всякого обоснования). Из первой посылки — рабочий класс не является сословием, вытекает вторая — борьба сословий закончена. Эти утверждения позволяют рисовать рабочий класс как сугубо эгоистичный. К тому же Страхов не объясняет, что означает благоденствие и

не ставит вопроса: за счёт кого это благодеяние рабочий класс намеревался себе обеспечить?

То, что рабочий не является сословием, объясняется Страховым отсутствием какой-либо «перегородки, каких-либо отличий, отделяющих рабочего от нерабочего». Он утверждает, что, «если не на деле, то в принципе все права уступлены рабочим; самодержавие народа перестало быть пустым словом, а стало действительной властью, и работник наравне с графом подает голос за императора, или за республику» [4. С. 224]. Иными словами, по Страхову получается, что демократические выборы — это и есть, в сущности, народовластие. Если, с его точки зрения, разделение людей, вызвавшее борьбу, имеет не сословный характер. Тогда какой?

Итак, согласно философу, принципиальной отличительной чертой социальной (социалистической) революции является ее несословный характер, т.е. то, что она выражает интересы одного только пролетариата. В развернутой Страховым аргументации обращает на себя внимание обоснование отсутствия каких-либо различий между рабочим и остальными социальными классами. Прежде всего, бросается в глаза, что у Страхова в вопросе о равенстве прав, который у него играет в объяснении целей социалистической революции важную роль, ставится знак тождества между реально полученными рабочими равными политическими правами и уступкой их «в принципе». Да, «в принципе» они были провозглашены Великой французской революцией 1789 г. Примечательно при этом, что сам Страхов одновременно утверждает, что все права в результате этой революции были присвоены буржуазией, которая «низвергла» два стоявших над нею сословия. Утверждение почерпнуто из работы Герцена «С того берега», оно повторено, но оказалось внутренне не принято Страховым, поэтому не осмыслено, отсюда и противоречие в утверждениях. Кроме того, удивление вызывает страховское заявление, что «самодержавие народа перестало быть пустым словом, а стало действительной властью, и работник наравне с

графом подает голос» на выборах. И это при том, что сам мыслитель критиковал выборы, которые, по его мнению, не реализуют даже свою непосредственную функцию — избрание наиболее достойных.

Но, во-первых, у Страхова речь идет только о политических правах, ограниченных к тому же участием в выборах, во-вторых, опять-таки возникает вопрос, насколько это заявление согласуется с вышеприведенным утверждением о буржуазии, ставшей в результате революции полной *властительницей* Франции? Страхов, на наш взгляд, очень поверхностен, что объясняется, вероятно, заданной целью. В данном случае можно вспомнить гораздо более глубокое понимание реального положения с равенством, свободой, которое демонстрировал его друг Ф.М. Достоевский. (В то время, когда писалась статья о Парижской коммуне, они все еще оставались друзьями). Достоевский писал: «Что такое «liberte»? Свобода. Какая свобода? — Одинаковая свобода всем делать все, что угодно, в пределах закона. Когда можно делать все, что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все, что угодно, а тот, с которым делают все, что угодно» [5. С. 105].

Если разделение классов, вызвавшее борьбу, согласно Страхову, имеет не сословный характер, то какой же? Ответ даёт следующий. «Когда политическое и гражданское равенство установилось, образовалось два класса людей: одни — богатые, имущие капиталисты, хозяева, другие — бедные, неимущие, пролетарии, работники. Принцип этого разделения не имеет ничего общего с государственными, юридическими разграничениями». Страхов не видит роли экономических отношений, отношений собственности на средства производства в общественной жизни, хотя, думается, следуя терминологии Герцена, упоминает о противоположном экономическом положении капиталистов и пролетариев, при котором одни — хозяева, другие — работники. Даже исходя из противоположности положения в сфере производства,

можно было задуматься о влиянии этого противоположного положения на характер правовых отношений между этими сословиями. Правовые отношения, очевидно, предполагают связь с государством, с политическими отношениями.

Герцен считал, что существующая «цивилизация — цивилизация меньшинства, она только возможна при большинстве чернорабочих». «Я не моралист и не сентиментальный человек, — писал мыслитель, — мне кажется, если меньшинству было действительно хорошо и привольно, если большинство молчало, то эта форма жизни в прошедшем оправдана. <...> Пока развитое меньшинство, поглощая жизнь поколений, едва догадывалось, отчего ему так ловко жить; пока большинство, работая день и ночь, не совсем догадывалось, что вся выгода работы — для других, и те и другие считали это естественным порядком. Мир антропофагии мог держаться. <...> Работник не хочет больше работать на другого — вот вам и конец антропофагии, вот предел аристократии» [6. С. 43].

По мнению Искандера, события 1848 г. свидетельствуют о том, что пролетарий «спросил, наконец, где же его доля во всех благах, в чем его свобода, его равенство, его братство» [6. С. 40]. В статье «Prolegomena» и других работах он стремился объяснить объективные причины грядущих социальных революций, так как предыдущие, по сути, не реализовали ни свободы, ни равенства, ни братства для большинства. Например, каков оказался результат революции 1789 г. в реализации такой части известного лозунга, как братство? «Нет братства, — пишет Герцен, — между хозяином, который пользуется и злоупотребляет своим правом имущего, и работником, который используется и подвергается злоупотреблениям потому, что он неимущий» [6. С. 508]. Автор статьи о Парижской коммуне не замечает приведенных утверждений Герцена.

По Страхову, получается, что трудящийся сам виноват в том, что больше «не хочет работать на другого», не считает отношения эксплуатации справедливыми. Он, во-первых, предлагает другое, хорошо всем известное объ-

яснение того, почему народ терпел и почему перестает терпеть. К этому объяснению философ прибегает и в критике нигилизма. «От начала веков, — пишет Страхов, — народ безропотно работает. Страдает и гибнет, пока верит во что-нибудь такое, ради чего можно и должно приносить эти жертвы. Он поднимается лишь тогда, когда может отказаться от одного веруемого предмета и устремить свою веру на другой. Не смерть и труд страшны для людей; всего страшнее им то, когда не для чего трудиться и не за что жертвовать собою» [4. С. 226]. Мысль, на наш взгляд, выражена не слишком внятно, и невнятность, думается, не случайна, ибо автор — прекрасный стилист. Сказывается скрытая религиозность отечественного консерватора. С его точки зрения, важнее всего для человека забота о спасении души и вера в её бессмертие.

Приведенное страховское заявление вызывает ряд вопросов. Во-первых, народ поднимается на борьбу всё-таки, когда у него сменяется предмет веры или когда он лишается веры во что-либо вообще? Во-вторых, народ включается в борьбу за изменения своего положения в обществе, за улучшение условий жизни, — разве эти цели не предполагают веру в определенные идеалы, например, — в социальную справедливость, социальное равенство? В-третьих, получается, что народ должен безропотно работать и приносить жертвы вследствие того, что верит в бессмертие души, т.е. понимает, согласно Страхову, высший смысл жизни. Но ведь и те, кто присваивают результаты труда народа, верят в то же бессмертие, что и народ; почему же они не должны работать и приносить жертвы, как это со смирением делает (должен делать) трудящийся?

Страхов в этом заочном диалоге противопоставляет Герцену свой взгляд на причину революционных событий. Буржуазия и пролетариат предстают у него как естественное, неизбежное деление людей: «Они суть не что иное, как простое различие по имуществу, по средствам материального благосостояния, могущее дать и непременно дающее только два отдела, отдел богатых и отдел бедных» [4. С. 225]. Рас-

суждения Страхова по такому важнейшему социальному вопросу настолько поверхностны, что не могут рассматриваться даже как аргументация. Он совершенно не задается вопросом, почему «естественно» возникают два этих «отдела», имущих и неимущих. Поэтому на таком же примитивном уровне рассуждение продолжается дальше: «так точно, сословию умных людей противоположно только сословие глупых, сословию добрых и честных сословие злых и подлых и т.д.». Как видим, мыслитель, взявшийся объяснить социальное явление, грозные последствия которого он отлично осознает, демонстрирует непонимание того, что такое социальная структура общества. Об этом свидетельствуют употребляемые понятия сословия, классы, отделы. Исследователь их не различает, смешивает элементы социальной структуры общества с выделением нравственных типов людей, с различием по умственным способностям. В статье звучит чисто декларативное, не подтвержденное какими-либо доказательствами утверждение, что политические и гражданские учреждения представляют «более глубокий корень» общественной жизни, нежели имущественные различия. По логике Страхова получается действительно так.

Далее движение мысли представителя русского консерватизма XIX в. совершенно предсказуемо. Новая революция восстает против естественного и, в силу своей естественности, неизбежного деления людей. Борьба в этих революционных событиях направлена против «начала несравненно более крепкого и естественного, чем те, против которых восставали прежние революции», поэтому она, по его мнению, будет очевидно бесплодной. Философ претендует на вскрытие сущности социальной (социалистической) революции. *Специфика, сущность этой революции*, состоит в том, что её интерес — не духовное благо, не достоинство человека, а чисто материальный интерес. По убеждению критика революции, цель западноевропейского пролетариата, в сущности, состоит только в том, чтобы отобрать власть и все, что она дает, у господствующего класса и присвоить себе все то, что этот класс имел. Мало

того, утверждал Страхов, вожди революционного движения стараются очистить свое движение от всех других человеческих интересов. Он продолжает в критике левого радикализма свою линию, начатую в журнале «Время», приписывая ему жесткое отделение духовных потребностей и интересов от материальных. Проявлением «очистки» мыслитель ошибочно считает учреждение международного общества, название которого свидетельствует об отказе «вожаков» от всяких национальных интересов, что для неославянофила неприемлемо. Страхову, кажется, изменяет логика. Цель учреждения Международного Интернационала не в «очистке» рабочего движения от всех интересов, кроме материальных, а — в другом. Он сам же на это и указывает, — целью было действительно сделать рабочее движение интернациональным. Мыслитель не понимает, почему рабочее движение принимает, должно принять интернациональный характер.

Отрицание всяких духовных ценностей как целей социальной (социалистической) революции дает возможность Страхову выдвинуть еще одно доказательство её несостоятельности. По мнению русского идеалиста, люди не будут отдавать свои жизни только из-за материального интереса, а за идею — будут. Страхов применяет часто используемый в критике прием: сначала приписать определенную черту, принцип и т.д. критикуемым представлениям, а затем все приписанное критиковать. Революционерам он приписал мещанское представление о целях и идеалах революции. Критик социалистической революции должен был привести доказательство того, что вожди революции отрицали связь между материальными интересами и идейными мотивами. Причем Страхов приводит аргументы, против которых вряд ли найдутся у кого-либо возражения. Мыслитель утверждает, что материальные нужды и жажда благосостояния сами по себе как единственный побудительный мотив не действуют. «Им всегда нужно некоторое освящение, некоторая печать, налагаемая интересом высшего порядка, какою-нибудь духовною потребностью. <...> Чтобы бороться, людям нужна идея, и только под покровом не-

которой идеи материальные побуждения могут действовать с полною своею силою» [4. С. 226]. Не очень ясно, как вожди, по мнению Страхова, отделяли материальные интересы от идей. Создание интернационала было сознательным, следовательно, было осуществлением каких-то важных для создателей идей, целей. Критик не очень озабочен доказательствами выдвигаемых тезисов, в своем подавляющем большинстве они просто декларируются. Но при этом выдвигаемые им утверждения подчиняются вполне четкой логике.

Итак, цели у революционеров низкие, поэтому рабочее движение по своему внутреннему содержанию бессильно. Однако можно возразить, поскольку силу оно в 1871 г. продемонстрировало, что Страховым не отрицается. Он прогнозирует, что еще большую силу оно «получит впереди — от каких-нибудь других стремлений, более могущественных, более способных насытить человеческое сердце». Эти другие, более могущественные стремления, им называются — они уже видны и именуется «жаждой мщенья и наслаждением разрушения». В таких случаях людьми руководят страсти. Рабочие, согласно Страхову, не просто желают своего благосостояния, они ещё и завидуют имущим классам и ненавидят их. И когда они придут к убеждению, что зависть законна, а ненависть справедлива, то этой «идее правды они будут готовы пожертвовать и собой и другими». Хотя и ложным образом они насытят свою жажду справедливости и желание самопожертвования. Следовательно, за революционерами признаются все-таки и духовные интересы, потребности, которые к тому же, например, жажду справедливости, вряд ли можно назвать низкими. Но он их тут же снижает. При этом, утверждает критик, они забудут свою прямую цель «и упьются хоть на минуту сознанием — не того, что они приготовили себе лучшее материальное будущее, а того, что отомстили за великую многовековую неправду» [4. С. 227].

Следуя оценкам французских историков, на труды которых он опирался, Страхов сосредотачивает внимание на данном социально-

психологическом моменте. При этом он использует вырванную из текста фразу Герцена. Искандер писал, что в 1848 г. революция побеждена в Париже, побеждена республиканцами во имя порядка. Какого порядка? С бомбардировок парижских улиц, с обмана инсургентов предместья св. Антония, с расстреливания гуртом, с депортаций без суда начинается не только эра порядка, «но и определяется весь характер предсмертной болезни дряхлой Европы». Она умрет рабством, застоём, византийской болезнью... она умерла бы и свободной, но оказалась недостойной этого. Донской казак в свое время придет разбудить этих Палеологов и Порфиригенов — если их не разбудит трубный глас последнего суда — суда народной Немезиды, который будет над ним держать социализм мести — коммунизм...» [7. С. 199]. Герценовские объяснения революции Страховым интерпретируются по-своему. Искандер утверждает скорый приход последнего суда, суда народной Немезиды. Французский народ, по мнению Герцена, восстанет против великой неправды общественного быта. Он рассматривает революцию как справедливую борьбу народа за создание справедливого общественного устройства. Страхов выделяет из контекста только фразу о суде, который будет держать социализм мести, — коммунизм. В результате, Герцену приписывается мнение, будто коммунизм только социализм мести. Таким образом, у Страхова получается, будто Искандер считал, что революция будет не весть спасения и обновления, а только единственно *суд народной Немезиды*. В результате, в страховской статье делается вывод, что предсказываемый Герценом переворот произойдет не из стремления к справедливости и жажды добра, а только из жажды зла.

В 1865 г. в статье «Письма к путешественнику» Герцен акцентирует мысль, что социализм, страстно увлеченный, с желанием кары и мести — молодой социализм, он выступил «прежде, чем узнал силу свою и определил мысль свою». Но, не воином, не судьей должен он явиться... суд он держал, пусть же он явится исполнителем судеб в ином смысле слова,

пусть он «увенчает здание» и завершит революцию» [б. С. 451]. Но для этого, как доказывал во всех последующих работах Искандер, в том числе отвечая анархистам, нужно много трудиться, «нельзя торопиться и торопить других», переворот, революция должны быть подготовлены. В Письмах «К старому товарищу» автор предупреждал, заменяя в рукописи слово «социализм» на слова «экономический переворот», что он «имеет необъятное преимущество перед всеми религиозными и политическими революциями — в трезвости своей основы. По мере того как он вырастает из состояния неопределенного страдания и недовольства, он невольно становится на реальную почву». Поэтому революция, социализм не могут, по Герцену, утверждаться мстью, быть карой, в таком случае революция обречена на неудачу, при этом он всегда напоминал о событиях 1848 г. Мыслитель, например, пояснял: «Это будет не суд, не расправа, а катаклизм, переворот...» [б. С. 45].

Страхов ставит революцию и революционеров вне нравственности, как и все их противники. Герцен отвечал им всем: «Революция всегда сурова, доблестна по обязанности, чиста по необходимости; она всегда — самопожертвование, ибо она всегда опасность, гибель личностей во имя всеобщего. Разве были безнравственны первые христиане? или гугеноты, или пуритане, или якобинцы? Вот вооруженные заговоры, государственные перевороты — те и вправду не слишком-то непорочны, но ведь это *ретрореволюции*» [б. С. 509].

Следует отметить, что Страховым затрагивается сложная проблема, относящаяся к сфере политической психологии, которая осталась в социальной психологии и политологии слабо разработанной. Все чувства, страсти, которые он описывает, присутствуют в революционной борьбе, любой войне. Однако, на наш взгляд, его анализ все-таки страдает некоторой тенденциозностью, односторонностью в силу сосредоточения только на психологической составляющей. Примечательно, что критик революции описывает чувства и страсти, которые обуяют представителей французского рабочего

движения, и умалчивает о представителях противоположного класса. Они, вероятно, тоже испытывали какие-то чувства по отношению к своим противникам. Получается, что революции возникают только по вине народа. Причем имплицитно народные массы у критика отождествляются с толпой с соответствующей психологией. Однако народные массы и толпа не тождественны друг другу.

В статье «Парижская коммуна» находим и философское объяснение «разгулу дурных страстей». Давая характеристику времени, неославянофил Страхов повторяет сказанное в статье «Опыты изучения Фейербаха» (1864 г.). В Западной духовной культуре отмечалось противоречие между чрезвычайной страстностью и оскудением идеала. Активности, по его мнению, много, но она направлена на ошибочные цели. В ошибочности целей виновата, по представлению Страхова, «ходячая концепция» социального прогресса. Согласно ей, считает философ, чем больше движение, чем обильнее потоки крови, тем сильнее должна быть действующая идея, тем важнее шаг, делаемый человечеством вперед. Корень французской революции, по Страхову, в настроении французского общества, в его нравственном складе и в его понятиях о добре и зле. Примечательно, что при этом он не обращается к работам Герцена, который видел объективные и субъективные причины социальной, как он её называл, социалистической революции. Причем, вскрывая их, Искандер предсказывал грядущую социалистическую революцию. В 1871 г. его предсказание сбывается, во Франции рабочие предпринимают попытку, которая оказалась неудачной, изменить социальный строй. Следовательно, Герцен оказался прав, утверждая, что вопросы, занимающие работников, не разрешены, и *политической* революцией вопросы народного благосостояния не могут быть разрешены [б. С. 450]. Для Страхова произошедшие события — проявление справедливости оценок Запада, которые были даны старшими славянофилами. Они доказывали, что Европа — в кризисе, «Запад гниёт». Славянофильствующий мыслитель, обращаясь к анализу Парижской коммуны, пы-

тался предостеречь отечественных либералов от поклонения Европе. Он писал, что «обыкновенные наши взгляды на Европу до того наполнены рутинной, до того проникнуты предрассудками, что невозможно подумать об этом без горести». Люди, ничему не верующие, отчаянные скептики «верят в Европу так слепо и преклоняются перед нею так низко, как какие-нибудь дикари перед своими идолами. Никакие кричащие факты на них не действуют, никакая очевидность их не вразумляет» [4. С. 237].

Страхов принадлежал к тем теоретикам, которые политический и социальный переворот рассматривали антитетически. Герцен им, в частности заочно Страхову, отвечает, что социализм нельзя противопоставлять политическим переворотам, он, в сущности, их исход, это две стадии одной и той же дороги. В статье «Письма к путешественнику» он, уловив закономерность, объясняет, почему это так: «Все государственные и политические вопросы <...> по мере совершенствования народа стремятся перейти в вопросы народного благосостояния» [6. С. 499]. Отсюда его убеждение, что России социализм не может повредить, потому что освобождение крестьян с землей — это и есть социальный переворот, общинное владение землей — это и есть социализм. «Ненависть к социализму крепостника, оплакивающего землю свою и барщину свою, понятна <...> но наших литературных врагов социализма нельзя понять» [6. С. 448].

Страхов развивает свое представление об органическом, эволюционном движении общества. Автор статьи «С того берега» как бы отвечает Страхову и его сторонникам, но этот ответ Страховым проигнорирован, возможно, потому, что он не смог найти контраргументов. Герцен признаёт, что мысль о крутом насильственном перевороте для многих имеет в себе что-то отталкивающее: «Люди, видящие, что перемена необходима, желали бы, чтоб она сделалась исподволь». Примечательно, что Герценом приводятся типичные для органицистов доказательства. Читаем в работе «С того берега»: «Сама природа, говорят они, по мере того как она складывалась и становилась бога-

че, развитее, перестала прибегать к тем страшным катаклизмам, о которых свидетельствует кора земного шара, наполненная костями целых населений, погибнувших в ее перевороты; тем более стройная, покойная метаморфоза свойственна той степени развития природы, в которой она достигла сознания» [6. С. 46]. «В природе, — добавляет Герцен, мысля диалектически, — консерватизм так же силен, как революционный элемент. Природа позволяет жить старому и ненужному, пока можно...» [6. С. 47]. Революции, согласно Герцену, происходят не потому, что кто-то хочет этого насильственного переворота. Мыслитель спрашивает: «Как вы убедите собственника, ростовщика, хозяина разжать руку, которой он держится за свои монополии и права? Трудно представить себе такое самоотвержение» [6. С. 46]. «Массы хотят остановить руку, нагло вырывающую у них кусок хлеба». У Искандера можно найти ответ Страхову на его обвинения революции в крови, насилии и т.д.: «Восставая против социализма под тем предлогом, что он хочет зря ломать и насильственно строить, люди со всеми своими прогрессивными стремлениями становятся на сторону закоснелого консерватизма и защищают падающие институты, составляющие главное препятствие развитию» [6. С. 450]. «В гонении на социализм, поднятом у нас в подражание Западу, есть что-то бессмысленное и тупое, трусливое и невежественное. Европа боялась социального переворота потому, что он был страшен для нее; встретив отпор, он шел путем отчаяния и насилия на разрушение узкого, но веками слепленного и привычного государственного устройства...» [6. С. 448].

Подводя итог проведенного исследования, можно сделать вывод, что в целом оценка и представление о революции определялись страховской консервативной социально-политической ориентацией. Весьма существенную роль играли также славянофильские убеждения мыслителя и публициста. Революционные катаклизмы, потрясавшие Запад, по его мнению, были выражением духовного кризиса западной цивилизации. Категорически не соглашаясь с Герценом, он считал, что «русской

почве», духовным инстинктам народа чужды социалистические идеи. В России нет, по его мнению, объективной основы для политического радикализма. В отношении страховского анализа революционных событий 1871 г., на наш взгляд, следует констатировать, что Страхову недостает аналитичности и объективности. Его оценки в большинстве случаев выражают его негативное отношение к событиям. Он тенденциозно представляет взгляды Герцена. Исследование Парижской коммуны при понимании значимости события не отличается глубиной понимания сути происшедшего. На наш взгляд, серьезной ошибкой Страхова является то, что в своем анализе он останавливается на уровне нравственно-психологическом. При этом философ не принимает в расчет исторические закономерности, объективные детерми-

нанты тех или иных духовных явлений, политических действий.

Список литературы

1. *Страхов Н.Н.* Библиография. Парижская коммуна <...> // *Заря*. 1871. №10-11. II. С. 1-37. (статья была включена Страховым в сборник «Борьба с Западом в нашей литературе». Кн. 1).
2. *Страхов Н.Н.* Литературная деятельность Герцена // *Заря*. 1870. № 3, 4, 12.
3. *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 2. СПб., 1890.
4. *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом. Изд. 3-е. Кн. 1. Киев, 1897.
5. *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 10 т. М., 1956. Т. 4.
6. *Герцен А.И.* Соч.: в 2 т. М., 1986. Т. 2.
7. *Герцен А.И.* Собр. соч.: в 30 т. М., 1955. Т. 5.

THE VIEWS OF N.N. STRAKHOV ON REVOLUTION: THE DISPUTE WITH A.I. HERZEN

Nina V. Snetova

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The article throws light upon the social views of Russian philosopher N.N. Strakhov. In this article is considered of Strakhov's analysis of the Paris Commune (1871). The author voices an opinion that Strakhov attempts to oppose own view on revolution to Herzen's views. It is demonstrated that the Strakhov's denial of revolution is the result of his organicism and conservative political orientations.

Keywords: Russian philosophy; Strakhov; Herzen; social revolution; Russian conservatism; social progress; historical process; organicism.

УДК 4214(2 Рос-4 пер) 73

БИБЛЕЙСКАЯ ЭКЗЕГЕТИКА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ И ДЕКОНСТРУКТИВНАЯ КРИТИКА Ж. ДЕРРИДА: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

И.В. Рязанов

В статье анализируется совокупность духовных практик, связанных с пониманием и интерпретацией Библейского корпуса текстов в эпоху средневековья. Рассматривается опыт критического сравнения средневековой экзегетики и деконструктивной критики французского философа Ж.Деррида. Полученные результаты исследования позволяют, с одной стороны, выделить библейский источник деконструктивной практики, с другой стороны, указывают на тесную связь взаимоисключающих способов прочтения и понимания Библейского корпуса текстов.

Ключевые слова: Библия; экзегетика; герменевтика; деконструкция; Масоретская библия; Септуагинта; аскетические практики; постструктурализм.

Библия утонула в экзегетике.

Ж. Ле Гофф

Опыт сравнительного анализа библейской экзегетики и деконструктивной критики Ж.Деррида обусловлен тем, что библейский источник текстологической практики французского философа часто не принимается во внимание, когда говорят и пишут о генезисе идей классика постструктурализма. Вместе с тем, не претендуя на новаторство в области изучения его текстологического наследия, актуальным является, на наш взгляд, обращение к библейскому источнику деконструкции.

Греческое слово *exegeomai* (истолковываю), как правило, рассматривают в двух смысловых значениях, в самом широком общекультурном смысле оно органически связано с характерными чертами средневековой цивилизации и вытекающими отсюда установками, направленными на восприятие и понимание *scriptura sacra*-священного текста (текстов). Панорамное исследование средневековой цивилизации научной школой Ж. Ле Гоффа, крупнейшего французского медиевиста XX в., позволило обосновать наличие ментальных структур, которые оказывали значительное влияние на всю книжную традицию средневековья, в том числе

на разнообразные практики толкования библейского корпуса книг.

Реконструируя мифологический, образно-поэтический и интеллектуальный каркас библейской традиции, оказалось, что невозможно одновременно не реконструировать культуру «безмолвствующего большинства», т.е. средневековую культуру на её низшем археологическом уровне, который будет представлен социально-психологическими стереотипами, навыками коллективного сознания и коллективного бессознательного того, что обычно включают в смысловой объём определения менталитета и ментальности. Ж.Ле Гофф, постулируя свою историко-антропологическую задачу, писал: «Более всего мне хотелось изобразить различные аспекты средневековой цивилизации, демонстрируя её ментальность, эмоциональность и установки поведения, которые отнюдь не являются поверхностными или излишними «украшениями» истории, ибо они-то и придавали ей всю её красочность, оригинальность и глубину: символическое мышление, чувство неуверенности или вера в чудеса сказали бы нам больше о Средних веках, чем изошрённо построенные догмы и идеологические анахроничные абстракции» [2.С.7].

Долгое средневековье Ж. Ле Гоффа, археологически-ментальное, затянувшееся с III по самый конец XVIII в., а кое-где в Европе по начало XIX в., не могло не оказывать эффекта обратного воздействия на интеллектуальную атмосферу, в которой ставились проблемы разума и откровения, личного спасения и правильного понимания истин откровения, данных посредством Священного писания и Священного предания.

В этом смысле показательна критическая оценка анахроничных абстракций, данная Э. Жильсоном. В начале своего сочинения «Разум и Откровение в Средние Века» этот яркий представитель неотомизма XX в. указывал, что он «не намерен защищать Средние Века от того, что, несомненно, является их неверной интерпретацией». Более того, теолог утверждал, что он даже не будет пытаться представить какую-либо правильную интерпретацию, поскольку у него её просто нет, но он никогда не сможет принять какую-либо схематизацию исторического образа Средневековья [1. С. 6].

При всей, достойной Сократа, ироничности мы можем зафиксировать у Э. Жильсона, а тем более у Ж. Ле Гоффа основную интенцию, проходящую через всё их творчество, которая связана с метаисторическим подходом. С точки зрения классика медиевистики и теолога XX в. метаисторический образ Средневековья это не более чем миф об истории, сущностно не исторический и лишённый объективного смысла. Иными словами, и первый, и второй авторы постулируют подход, который необходимо обозначить в качестве герменевтики средневековья, без этого подхода невозможно осуществить переход к более частному и узкому смыслу, который они вкладывают, анализируя те или иные интерпретационные техники средневековья.

В интеллектуальной атмосфере Запада второй половины XX в. особое место занимают лекции французского историка и философа М.Фуко, читаемые им в Коллеж де Франс с 1971 по 1984 г. Возьмём для примера лекционный курс М.Фуко за 1981—1982 гг., вышедший под названием «Герменевтика субъекта». Нас

будет интересовать в этом курсе та совокупность аскетических практик и упражнений, которая применима к христианской духовности и определённому способу самоистолкования субъекта. Своеобразным ключом, позволяющим раскрыть специфику христианской духовности по М.Фуко, может быть греческое понятие *epimeleia*-забота о себе. Это понятие явно и недвусмысленно обнаруживает себя ещё в речах Сократа, начиная с диалога Алкивиад, и в дальнейшем эволюционирует в античной философии до самого порога христианства, где и наполняется весьма специфическим смыслом.

В христианской аскетике понятие *epimeleia* (попечение о себе) встречается у Мефодия Олимпийского, Василия Кесарийского. У Григория Нисского в «Жизни Моисея» оно описывается следующим образом: «Бог лишь тогда содействует нашей природе, когда мы достаточно продвинулись в достойной жизни посредством упорства и *epimeleias* —духовной заботы о себе» [5. С. 36]. Забота о себе станет матрицей христианского аскетизма, поскольку «попечение о себе начинается с безбрачия», — так писал Григорий Нисский в XIII книге своего сочинения «О девстве». Как мы видим, *epimeleia* — это начальная форма и первый шаг аскетической жизни.

Начиная с александрийской духовности, которую можно считать питательной средой и приготовлением к христианству, греческая *epimeleia* будет расширять свои смысловые значения, поэтому с точки зрения М.Фуко необходимо в этом понятии различать два начала. Во-первых, некоторую общую установку, определённый взгляд на вещи, способ поведения и поддержания отношений с другими *epimeleia* — это установка по отношению к себе и к миру.

Во-вторых, *epimeleia* — это некоторое особое направление внимания, следовательно, заботиться о себе — означает отвести свой взгляд от внешнего и обратить его на себя самого. Забота о себе предполагала некий способ слежения за тем, о чём ты думаешь, что делается у тебя в душе. В этимологическом смысле слово *epimeleia* состоит в родстве с *melete*, оз-

начающим упражнением и размышлением. В третьих, понятие *epimeleia* подразумевает некие действия, с помощью которых и берут на себя заботу о себе, изменяют себя, очищаются, становятся другими. Отсюда целый набор практик, которым в истории христианской духовности суждена очень долгая жизнь. Например, техники медитации, в центре которых может находиться размышление о смерти, или техники обращения с прошлым, или, допустим, техники досмотра сознания, способствующие удостоверению возникающих представлений.

Придав *epimeleia* структурный вид, М.Фуко формулирует и общий постулат христианской духовности: истина откровения не даётся субъекту просто, так как таковой субъект не может прийти к истине и даже не в праве на неё претендовать. Необходимо, чтобы субъект менялся, преобразовывался, становился отличным от себя самого, ибо, такой как он есть, он не способен к истине. Истина откровения даётся субъекту только ценой введения в игру самого существования субъекта, не может быть доступа к истине без разнообразных форм трансформации.

В христианской духовности человек сам преобразует себя в совокупности практик, обозначаемых в качестве аскезы. Поэтому не случайно, что в самом центре христианской духовности оказывается проблема гносиса. Гностические движения чрезмерно перегрузили познавательный акт, фактически сделали его самодостаточным в открытии истины. В этом смысле показательна оценка французского историка, который пишет: «Гностики обременяют познавательный акт всеми сопровождающими моментами, всей структурой акта духовного. Гносис — это, и есть устойчивое стремление перевести, транспортировать в акт познания обстоятельства, формы и последствия духовного опыта» [5. С. 29]. Действительно, гностицизм в качестве эзотерического религиозно-философского течения возростал на почве тайных экзегетических традиций и в смысле спасительного знания символического и доступного посвящённым покрывал широкий спектр иу-

део-христианских спекуляций, отталкивающихся от Библии.

Вторая часть сочинения русского религиозного философа С.Н. Трубецкого «Исторические основы христианского Богопознания» даёт вполне исчерпывающее представление о гностицизме как историко-культурном явлении. Нас же пока интересует аскетико-монашеская модель, анализируемая в лекциях М.Фуко, исходя из структуры *epimeleia*. Основными особенностями такой модели с его точки зрения являются, во-первых, обратимость *epimeleia*-заботы о себе и самопознания. Эта особенность раскрывается им следующим образом: «познание себя сложным образом увязано с познанием истины, как она дана в Писании через Откровение; самопознание нужно потому, что постичь Слово могут лишь чистые сердцем, но нельзя очиститься, не познав себя, а приступить к очищению сердца и самопознанию можно лишь восприняв Слово. Стало быть, они обратимы, самопознание, познание истины и попечение о себе» [5. С. 282]. Во-вторых, отношение между познанием себя и заботой о себе строится в такой модели на необходимости экзегезы, поясняя этот момент, М.Фуко указывал: «В христианстве познание себя осуществляется с помощью техник, направленных главным образом на то, чтобы рассеять наваждения, опознать искушения, гнездящиеся в душе и сердце, и отвести опасность соращения. И всё это посредством особого искусства истолкования тайных движений души и происходящих в ней процессов, происхождение, сущность и направленность которых подлежат выяснению» [5. С. 282]. В-третьих, самоотречение связывает обратимость истины Писания и самопознания с экзегетическим методом, оно является целью аскетико-монашеской модели. По этому поводу французский историк указывал: «Познание себя в христианстве не так однозначно нацелено на возвращение к себе в ходе припоминания на обретение истины, которую душа когда-то видела и подлинного бытия; если и возвращаются к себе, то главным образом для того, чтобы от себя отречься» [5. С. 283].

Две модели сосуществовали на протяжении всего периода средневековой культуры, модель припоминания и модель истолкования, именно они противостояли друг другу в течение первых веков истории христианства. Первая модель, построенная на теме припоминания, на отождествлении заботы о себе и самопознании, была в своей основе воспринята на границах христианства движением, которое получило название гносис. Во всех гностических движениях обнаруживается одна и та же схема, которую в целом можно считать платоновской, она связана с представлением, что познание сущего и узнавание себя — это одно и то же.

Для гностика вернуться к себе и вспомнить истину означает одно и то же, поэтому все гностические движения оказываются более или менее платоническими. В противовес этой гностической модели, разрабатываемой на границах христианства, и была создана экзегетическая модель, которая нужна была для того, чтобы раз и навсегда отделить от себя гностические движения. Влияние этой модели на христианскую духовность заключалось в том, что познанию себя был придан экзегетический смысл распознавания природы и истоков происходящего в душе вместо того, чтобы понимать самопознание как обретение себя в ходе припоминания. Обе эти модели вместе сосуществовали в христианстве и были переданы всей дальнейшей истории западной культуры.

В своём движении к самоотречению христианская аскетика обозначит очень важную веху в своей истории: ею будет являться феномен признания или исповеди. Иными словами, она потребует от субъекта его объективизации в истинной речи, что станет общим требованием-императивом средневековой культуры. Каноническое установление 1215 г. «Об исповеди, тайне исповеди и обязательности пасхального причастия» под страхом отлучения от церкви потребует от верующего такой объективизации. Гарантией исчерпывающей полноты исповеди будет выступать контроль, осуществляемый священником, он будет побуждать верующего к ответам, расспрашивать, уточнять детали признания, применяя целую технику очистки со-

вести. Экзегетическая модель предложит для пастырской практики вопросительную систему, выстроенную согласно заповедям Бога, семи смертным грехам, а позднее и особому перечню добродетелей, установленных согласно Церкви.

Вот один из примеров руководства по ведению исповеди, предназначавшийся для Страсбургской епархии 1222 г. Этот своеобразный экзамен совести начинался не с оценки деяний, но с помыслов и в отношении их давался следующий порядок: «Надо переходить от простых мыслей к греховным, то есть к таким, которые противны Богу и церкви; затем от греховных мыслей следует переходить к желаниям; затем от мимолётных желаний к желаниям неотступным; затем от неотступных желаний к более или менее греховным поступкам; и только в самом конце исповеди надо подбираться к наиболее тяжким проступкам» [5. С. 284]. Таков был исторический эффект аскетического самоотречения, не только выразивший себя в XIII книгах Исповеди Блаженного Августина, но и экзегетически обосновавший себя в правилах руководства заблудшими душами христиан. Обратной стороной этого эффекта было чувство неуверенности, именно к нему прибегает Ж.Л.Гофф, анализируя средневековую ментальность. «Чувство неуверенности — вот, что влияло на умы и души людей Средневековья и определяло их поведение» [2. С. 393].

Духовным эквивалентом такой неуверенности была неуверенность в будущей жизни, блаженство в которой никому не было обещано наверняка и не гарантировалось в полной мере ни добрыми делами, ни благоразумным поведением.

Страх неизбежно преобладал над надеждой. Ж. Ле Гофф приводит такой пример: «В своей проповеди Бертольд Регенсбургский (XIII в.) возвещал, что шансы быть осуждёнными на вечные муки имеют 100 тысяч человек против одного спасённого, а соотношение этих избранных и проклятых обычно изображалось как маленький отряд Ноя и его спутников в сравнении со всем остальным верующим миром, который может быть уничтожен потоком» [2. С. 393]. Ментальность, эмоции, поведение средневеко-

вого человека формировались в первую очередь в связи с потребностью в самоуспокоении. Именно потребность в надёжном основании приводит к тому, что в богословии практика ссылок на авторитеты находит своё наивысшее воплощение. Она становится основой духовной и интеллектуальной жизни и подвергается жёсткой регламентации. Поскольку высшим авторитетом в эпоху средневековья являлось Священное Писание, его тексты и становятся предметом экзегетики. Первая форма, в которой существовала экзегетика в средневековой культуре, — это перевод. Переводы Священного Писания становятся фундаментом для постановки богословских и философских проблем своего времени. (Для более детальной характеристики библейской текстологии можно обратиться к монографическому учебнику Эмануэла Това «Текстология Ветхого Завета» и книге проф. Брюса Мецгера «Текстология Нового Завета»).

Основой, послужившей для перевода Библии на другие языки, был так называемый *масоретский текст*. Данный термин относится к библейской текстологии к группе тесно связанных между собой рукописей. Многие элементы этих рукописей, включая окончательную форму содержащегося в них текста, определились в раннем Средневековье. Название масоретский текст было дано этой группе рукописей из-за введённого в ней аппарата масоры или масорет. Он означает аппарат инструкций для записи библейского текста и его чтения. Этот аппарат разрабатывался поколениями масоретов, его главной целью было обеспечить точную передачу смысла текста. В течение многих веков масоретский текст был наиболее широко используемой формой Ветхого Завета, поскольку его авторитет признавали все еврейские общины, начиная с II в. н. э. Таким образом, масоретский текст является средневековым представителем одной из групп древних текстов Библии.

Септуагинта — этот термин означает как оригинальный перевод Библии на греческий язык, так и собрание священных текстов на этом языке. Данный текст известен по апокри-

фическому сочинению «Послание Аристея», где как раз и описывается процесс перевода Библии иудаизма в середине III в. до н. э. В период средневековья греческая Библия, как, впрочем, и еврейская, являлись источником экзегетической практики и ключом, с помощью которого решались многие богословские и мировоззренческие проблемы. Особенно это было актуальным в первоначальный период развития христианства, поскольку для большинства верующих текст Священного Писания был именно греческий перевод.

Вульгата — между 390 и 405 гг. отец церкви Иероним перевёл Библию на латинский язык. Степень воздействия этого перевода на различные сферы средневековой культуры трудно оценить. Богословие и язык, характерные для Римско-католической церкви, созданы Вульгатой или восприняты через неё. Латинский перевод, ставший основанием Западной Библии в эпоху средневековья, определил развитие всей богословской и религиозно-философской мысли.

Сохранилось историческое свидетельство человека, создавшего латинский текст Библии. 35-летний Иероним в ответ на просьбу римского папы Дамаса осуществить полную редакцию различных переводов писал: «Ты убеждаешь меня пересмотреть старолатинскую версию, засева за разбор копий Писания, рассеянных по всему миру, и поскольку все они отличаются друг от друга, ты хочешь, чтобы я решил, какая из них согласуется с греческим подлинником. Это труд любви, но труд в одно и то же время и рискованный и дерзновенный, ибо судя других, я выставляю себя на всеобщий суд. Кроме того, как отважусь я изменить язык мира, когда он убелён сединой, и снова вернуть его к ранним дням детства? Найдётся ли человек, учёный или неуч, который, взяв в руки мой перевод и поняв, что прочитанное идёт вразрез с его привычными вкусами, не разразился бы немедля бранью, не назвал бы меня фальсификатором и профаном за то, что я осмелился дополнить древние книги, изменить их или исправить». Экзегетическая практика, начиная с момента создания Западной Библии, определена таким

образом: с одной стороны, спецификой перевода, чтения и письма, с другой стороны, неуверенностью Иеронима, которая станет внутренним самоощущением средневекового человека.

В экзегетическую структуру библейского текста входили также технические и тематические аспекты. Структура перевода Библии включала в себя:

1. *Лингвистическую идентификацию*, поскольку могли существовать различия форм в языке той или иной рукописи. Могли существовать различия и в орфографии, морфологии, в системе огласовок и дополнительных букв и т.д.

2. *Семантическую идентификацию*, так как прежде чем перейти к смысловым эквивалентам, переводчик должен был установить значение каждого из них. Например, некоторые формы глаголов в древнееврейском и греческом языках можно переводить до четырёх значений. Определение смысла многозначных слов во многом строилось на знании и ощущении переводчиком языка перевода.

К техническим формам экзегетики относятся *Глоссы и Схоллии*. *Глоссы* — краткие пояснения к трудным словам или фразам «отцов церкви». На практике авторитет Священного Писания часто заменялся мозаикой глосс. Интеллектуальная деятельность мыслителей средневековья во многом связана с глоссами, которые, как правило, заменяли оригинальный текст. Типичным примером может служить такой памятник средневековой философии, как Сумма теологии Фомы Аквинского, которая представляет собой антологию глосс. *Схоллии* — заметки толковательного характера, которые делались в дидактических целях. К ним примыкают *катены* — цепи последовательных комментариев и *ономастиконы* — лексикографические способы определения тех или иных имён.

В тематическом отношении средневековая экзегетика затрагивала различные аспекты Библии. Например, рассказ о творении. Для христианского сознания всякая возможность смысла, истины и соответствующего ей знания дана лишь в силу того факта, что Бог по свободному, т.е. не обусловленному и благому, ценностно-ориентированному произволению открывает их

человеку. Задача человека в этом смысле состоит в труде восприятия и соучастия в Откровении, высшей реальностью которого является Боговоплощение, соединение божественного и человеческого в сущности слова. В силу чего с христианской точки зрения библейская экзегеза является не только дополнением, но и необходимым раскрытием библейского рассказа о творении.

В многообразной литературе, связанной с рассказом о сотворении, выделяются так называемые шестодневы-толкования на библейское повествование дней творения. Они были созданы знаменитыми церковными писателями на рубеже поздней античности и раннего средневековья. Экзегеты этого времени раскрывали богословский смысл, дополняя библейское сказание данными античного естествознания. Первый из шестодневов, написанный Василием Великим, представляет собой разговорные беседы, весьма свободные по своей форме. Все остальные шестодневы создавались в соответствии с первым (шестодневы Блаженного Августина, Иоанна Экзарха и др.). Существовали различия в толковании. Александрийская школа склонна была считать Шестоднев иносказанием, за которым стоит реальность единовременного творческого акта, а антиохийская школа предпочитала понимать Шестоднев дословно. Сюда же примыкают сочинения христологической и антропологической направленности, поскольку для раскрытия образа Христа и совершенного им восстановления падшего человека необходимо было использовать экзегезу творения.

Таким образом, можно отметить, что, во-первых, тексты толкователей в средневековой экзегетике сами превратились в предмет толкования. Во-вторых, какая-бы техника интерпретации ни применялась (семантическая, этимологическая, буквальная или символическая и спекулятивная), в основе *scriptura sacra* была и остаётся аксиологическая презумпция имманентности смысла. Именно она позволяет развернуть из Библии тот современный смысл, который мы вкладываем и достаём из неё, применяя свои сверхсовременные техники чтения.

Мы оказываемся в ситуации, когда Бог впервые дал скрижали своего завета.

Скрижали были дело Божие, и письмена, начертанные на скрижалях, были письмена Бога. (Исход: 32, 16)

Поскольку становление философии постструктурализма невозможно представить без творчества Ж. Деррида, то актуальным, на наш взгляд, является исследование библейской тематики, связанной с постструктурализмом, так как в творчестве французского мыслителя помимо *M. Destruction*, Хайдеггера и *Abbau*, З. Фрейда можно выделить «библейский» источник деконструкции. Библия у Деррида трактуется как «практика означивания в чистом становлении» или как Текст. Предметом исследования в данном случае можно считать библейские образы, используемые в раннем творчестве философа, которые выполняли функцию теоретического конструкта в самой практике деконструкции.

Во всей совокупности интерпретируемых образов можно выделить четыре базовых образования. Первым можно отметить образ Складки. В постсовременной философии он обретает категориальный статус. Складка у Деррида — это шифр, подчинённый грамматике отражения, сильно радикализованной философом. Всё начинается с отражения, с повтора. Формой отражения являются и письмена Бога: «Еврей избирает письмо — которое избирает еврея». Складка — это почти письмо, почти скрижали, бесконечное письмо. Всё приходит к повтору, даже библейская эсхатология представляет собой повтор, поскольку конец мира означает начало новой жизни.

Второй значимый образ — Книга. Она также отражает себя, причём таким образом, что форма книги представляется как самоотражение. Всё происходит в книге, и всё в ней обитает, в том числе и сами книги. Поэтому книга для Деррида бесконечна, модель мира есть модель книги: «Не книга находится в мире, а мир в книге». Но что, если книга мертва? Деррида отождествляет, центрирует, онтологизирует книгу. Она — эпоха бытия. Кризис онтологии связан с книгой. Её нечитаемость, неразборчи-

вость, её шифр являются условиями самого Логоса. Нечитаемость несоизмерима с Логосом, не существует противопоставления читаемого и нечитаемого, нет симметрии смысла и бессмыслия, есть «бытие, возвещающее о себе в нечитаемом» по ту сторону принципа письма. Конец письма, таким образом, на той стороне письма, вне пределов интерпретации и вне рационального и иррационального.

Образ скрижалей, по мнению мыслителя, является «священным текстом среди комментариев». Он приводит Деррида к формулировке своей герменевтической стратегии. Есть императив интерпретации и необходимость экзегезы, но сама необходимость по-разному интерпретируется: «интерпретация поэта» и «интерпретация раввина». Различие текста и письма, по сути, становится формулой: «две интерпретации интерпретации». Бог возвестил дважды — первичные и новые скрижали, речь и письмо, исток и повторение. Таким образом, письмо вторично, оно — пустыня, отделяющая евреев от Бога. Еврей идёт по следам письма, соединяя несоединимое, исток и повторение. Письмена Бога выступают как условие его присутствия, его знак и мир его знаков, одновременно и завершение, конец эпохи знака, когда человек блуждает в пустыне Текста в поисках Бога.

Образ пустыни трактуется как существующий всегда без себя, всегда без места. Он функционирует как онтология отсутствия. Еврей оберегает пустыню, поскольку она «оберегает его речь, которая лишь в пустыне и может говорить». Письмо прочерчивает пустыню, в которой всегда есть предел, межа, граница. Принцип прерывности, выделяемый Деррида, противопоставляет Письмо и Природу, Жизнь и Смерть, Присутствие и Отсутствие, Бытие и Ничто. Всё это приводит к дифференциации присутствия и Бога, и человека. Присутствие может быть только в отсутствии, так как «сам Бог проявляется как то, что он есть, в различении». Бог и человек — между ними всегда существует онтология отсутствия, выраженная знаками или следами отсутствия.

Таким образом, библейский источник деконструктивной практики обозначает для

Ж.Деррида логическое завершение традиции, связанной с реконструкцией и переводом, а также воспроизведением имманентного смысла. Другими словами, суть деконструктивной практики заключается в изначальной деонтологизации языка, данной человечеству в скрижалях библейского завета.

Список литературы

1. *Жильсон Э.* Разум и откровение в Средние века. Христианское братство «Путь к Истине» // Богословие в культуре Средневековья. Киев, 1992.
2. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
3. *Мецгер Б.* Текстология Нового Завета. М.: Библийско-Богословский институт св. Апостола Андрея, 1996.
4. *Тов Э.* Текстология Ветхого Завета. М.: Библийско-Богословский институт св. Апостола Андрея, 2001.
5. *Фуко М.* Герменевтика Субъекта: курс лекций. СПб.: Наука, 2007.

BIBLICAL HERMENEUTICS AND EXEGESIS CONSTRUCTIVE J. DERRIDA: THE PROBLEM OF COMPARATIVE ANALYSIS

Ivan V. Ryazanov

Perm State Agricultural Academy, 10, 25 Oktyabrya str., Perm, 614000

The article is dedicated to the overall analysis of the totality of spiritual practices which are connected with understanding and interpretation of biblical texts during the Middle Ages. Medieval exegesis is critically compared with Jacques Derrida's deconstructive criticism. Research results make it possible, on the one hand, to single out the source of deconstructive practice, and on the other hand, they point out close relations between mutually exclusive ways of interpretation and understanding of the biblical texts.

Key words: the Bible; exegesis; hermeneutics; deconstruction; Masoretic Bible; the Septuagint; asceticism; post-structuralism.

УДК 94(3):008.001

КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРХЕТИПА ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ В МИФОЛОГИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Л.Л. Леонова

Статья посвящена культурологическим аспектам архетипа Великой Матери в древневосточных цивилизациях. Автор анализирует истоки возникновения архетипа, его содержание и функции, а также проявление его в мифологических системах.

Ключевые слова: архетип; коллективное бессознательное; символ; картина мира; социальная значимость; функция; опыт; сознание; истина.

Одним из архетипов коллективного бессознательного является Великая Мать. Вопрос о происхождении данного архетипа представляется сложным и неоднозначным. По-видимому, из общего представления о материнском начале, любви и самопожертвовании рождается сам облик Великой Матери, а в материнской символике раскрывается её невидимая власть над миром и человеком.

С. Гроф отмечает, что среди многообразия архетипов имеются универсальные архетипы с обобщенными биологическими, психологическими и социальными ролями. К таковым он относит архетип женщины, наделяя его дополнительными психологическими характеристиками — Добрая, Ужасная, Любящая. Гроф определяет сущность архетипа женщины как:

- единицу коллективного бессознательного, хранителя коллективного человеческого опыта;
- непрерывно меняющуюся форму с изменчивыми функциями, способными корректироваться и меняться в зависимости от условий жизни социума;
- сферу проявления человеческой психологии, которая стимулирует желания, влечения, поведение и мировосприятие людей;
- сущность, способную проявлять себя и свои свойства только в рамках коллективного бессознательного [2. С.115-175].

Такое понимание архетипа Великой Матери размывает её внутренние границы и затрудняет дальнейшее изучение. Поэтому перечень приведенных Грофом особенностей данного архетипа нельзя считать достаточно полным.

Великая Мать выступает в роли главной жизненной силы именно там, где имеется рождение и возрождение, но в то же время она может олицетворять собой и разрушительное, гибельное начало, подобно богиням Сохмет и Кали, Эрешкигаль и Инанне.

Каждый человек отводит в своей жизни существенное место матери, любя её и заботясь о ней. Позитивное отношение к родной матери и её архетипу формирует отношение человека и к самому себе, и к миру, и обществу, и другим людям. Именно материнский образ является главной психологической опорой личности, её достоянием и ценностью. Именно материнский образ наполняет содержанием образы богинь Исиды и Иштар, Девы Марии и Нут. Материнское начало — это та сфера бессознательного, в котором формируется и рождается сознание.

Архетип Великой Матери в процессе своего исторического развития весьма существенно изменился, когда патриархат заменил матриархат. Э. Фромм обращает внимание на то, что в вавилонской мифологии победа мужских богов над Великой Матерью Тиамат (правительницей Вселенной) фиксирует именно эту замену. Подобное повторяется и в Ветхом Завете, и в древнегреческой мифологии, нарушая естество-

венный природный закон: Ева появляется на свет из ребра Адама, Афина — из головы Зевса. Подобное нарушение порождено завистью древнего человека к женщине, которая в силу своей детородной функции обладала весьма существенными преимуществами социального характера по сравнению с мужчинами. Зависть такого рода весьма типична в период перехода власти от женщины к мужчине.

Боги-мужчины, сотворившие из Тиамат небо и землю, привели хаос природных стихий в определённый порядок, но без женской рождающей способности обойтись так и не смогли.

Образ женщины-матери является прототипом всех великих и малых богинь, матери-земли, родины-матери, всего того, что обладает чертами материнства, и в целом — Великой Матери. Великая Мать, рождающая и вскармливающая, порождает их всех, она есть тот первообраз, пронизывающий собой всю человеческую жизнь. Сопоставление и отождествление женщины и матери-земли стало началом для формирования архетипа Великой Матери, но богиня-мать появилась гораздо позднее. В большинстве древневосточных культур единственной женщиной, к которой необходимо относиться с почтением и преклоняться перед ней, является мать. Поэтому богиню и сравнивают с матерью.

По представлениям некоторых древневосточных культур из тела матери был создан весь мир. «...Проворно набросив на Тиамат сеть, вогнал ей в глотку Вихрь, а потом пронзил её чрево стрелой. Победитель вырезал праматери богов сердце и торжествуя наступил ногой на распростёртое безжизненное тело. ...Всех до единого страшилищ переловил и заковал в кандалы победоносный Мардук. После этого он вернулся к телу убитой Тиамат и рассёк его пополам. Одной половиной, словно тентом, Мардук покрыл небо, защитив землю от небесных вод, а из второй половины создал круглую плоскую землю, плавающую в Мировом океане». [3. С.243-244].

Мардук, сражавшийся со своей матерью Тиамат, из её тела сотворил Вселенную. Возможно, победа Мардука знаменует собой тор-

жество патриархата, но дело не только в преодолении женского господства — вся эта грандиозная космогоническая драма мистериальна в своей основе, она показывает рождение в муках и страданиях нового молодого мира. В этом отношении её можно считать религиозным актом.

В мифологических представлениях о богинях мифотворцы чаще всего придерживаются диалектических установок, исходят из двойственности всего сущего, наличия в нем мужского и женского начала. Эти начала проявляются в характере поведения различных богинь, особенно богинь — воительниц.

Каждая культура создает свой особенный образ Великой Матери, но он практически всегда взаимосвязан с мифологическими установками и представлениями о социальной роли женщины Богини, созданными фантазией людей. Они реальны виртуально в силу того, что дублируют женщин, хотя в процессе мифологизации их образы существенно трансформируются и наделяются всевозможными чудесными свойствами.

Великая Мать выступает символом вечности человеческого бытия, являясь его залогом — ведь пока она существует, жизнь не прекратится и не исчезнет; именно поэтому она неизменна и бессмертна. Великая Мать не является единственной ипостасью женского начала, но она по праву может считаться символом вечности человеческой жизни, она уничтожает страх людей перед возможной гибелью человеческой цивилизации.

Среди созидательных функций Великой Матери выделяются следующие:

- как супруга бога — творца она участвует в сотворении мира;
- кроме этого, она участвует в создании населяющих землю живых существ;
- она покровительствует культуре как творческой силе социума;
- она дарит людям законы и тайные знания;
- она тождественна природным циклам смерти и воскрешения;
- она источник жизненной силы и бессмертия;

- она участвует в религиозных мистериях и тайных языческих культах.

Женское начало в религиозных восточных культах выражает себя в тяготении к спокойствию и миру, рождению и воспитанию божественного потомства. Здесь мы видим стремление идеализировать женское начало как основу мира, стабильности, созидания.

Великая Мать может изображаться в облике кормящей матери, а её дитя — божественный правитель, и его роль в управлении страной требует безоговорочного подчинения. Так, богиня Мут в религиозном пантеоне Мероэ всегда считалась Божественной Матерью фараона и неперменной участницей цикла рождения и воспитания наследника. Мут кроме статуса Великой Матери имела титул «владычицы неба», ей отводилась одна из главных ролей в коронации Царя. Египетскую богиню Исиду, культ которой также был популярен в Мероэ, называли матерью царя. Её изображали в погребальных ритуалах, сравнивая с луной и солнцем. Египетская богиня Хатхор также почиталась в Мероэ как Великая Мать; при этом она пользовалась особым почётом и уважением.

Зороастрийская богиня Анахита выступает во многих ипостасях — будучи богиней любви, она творит мужское семя, делает легкими роды, наполняет молоком материнскую грудь, покровительствует домашнему очагу и семейному счастью. Она появляется в облике прекрасной девушки знатного рода, и все боги склоняются перед её величием и красотой. В сущности, она и есть Великая Мать, олицетворяющая жизненную силу, любовь и счастье.

Роль Великих Матерей в жизни древних народов выражалась в том, что они рожали богов, занимавших в религиозном пантеоне то или иное место. Астарта в финикийской мифологии — мать бога Мелькарта, покровителя города Тира. По одному из вариантов финикийской мифологии Астарта была матерью Геракла. Финикийцы считали, что она является Афродитой.

В буддизме великой богиней считается абсолютная пустота, социальным лицом которой является иллюзия (Майя). Пустота не есть не-

бытие — это сама жизнь, но не материальная и не мирская. Богиню пустоты можно лицезреть в свете, струящемся от Будды. Майя как олицетворение иллюзии — многофункциональный архетип: она дарит просветление и освобождение, создает из хаоса порядок, обучает, защищает и помогает познать истину; кроме этого, она является матерью всех Будд, носительницей света, добра, знания и мудрости. Одна из самых важных её функций — освобождение темных сил бессознательного внутри человека, чтобы его сознание пробудилось. Именно благодаря этому она рождает человека вторично — как сознательное существо. Этот мистический акт напоминает героическое деяние Дурги — великой богини — воительницы, супруги Шивы — когда она отрубает голову быку (демону), олицетворявшему жестокость и невежество.

Фигура Великой Матери и её многочисленные ипостаси имеют символическое значение, как все сакральные образы. Символы Великой Матери, воплощенные в различных богинях, способствуют постижению её многоаспектной функциональности, значимости, востребованности. К символике данного архетипа можно отнести:

- землю (в качестве вечно рождающего материнского лона);
- воду (вхождение в материнскую утробу, таинство зачатия и рождения);
- корову (праматерь всего сущего);
- сосуды (различные формы материнского тела);
- христианскую церковь (любящая, прощающая);
- дом (как материнское лоно);
- гробницу (переход в духовную жизнь).

Роль архетипа Великой Матери велика еще и потому, что в ней олицетворяются разные грани человеческого характера: милосердие, всепрощение и жертвенность, жизненная сила и стойкость, доброта и мужественность. Жизнеутверждающая функция данного архетипа очень точно отражает и социальные конфликты, и судьбу женщины как в древнем, так и в современном мире. В этом её непреходящая актуальность.

Список литературы

1. *Антоян Ю.М.* Великая Мать. Реальность архетипа. М.: Логос, 2007. 280 с.
 2. *Гроф С.* Области человеческого бессознательного: данные исследований ЛСД. М.: Наука, 1994. 421 с.
 3. *Овчинникова А.Г.* Легенды и мифы Древнего Востока. Феникс. СПб.: Северо-Запад, 2006. 463 с.
 4. *Фромм Э.* Душа человека. М.: Алетейя, 2002. 321 с.
-

**CULTURAL CHARACTERISTICS OF THE ARCHETYPE OF THE GREAT MOTHER
IN MYTHOLOGY OF ANCIENT EAST CIVILIZATIONS**

Lyudmila L. Leonova

Perm State Agricultural Academy, 10, 25 Oktyabrya str., Perm, 614000

The article is devoted to the cultural aspect of the archetype of the Great Mother in ancient oriental civilizations. The author analyzes the origins of the archetype, its contents and functions, as well as its manifestation in the mythological systems.

Key words: archetype; collective unconscious; symbol; picture of the world; social significance; consciousness; truth.

УДК 316.42

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ф.Х. Юлдашева

Рассматриваются некоторые проблемы взаимодействия глобализации и цивилизации. Показано, что не только глобализация является результатом взаимодействия цивилизаций, но и цивилизация есть результат развития глобализации. Процесс глобализации не рождает столкновения цивилизаций, поскольку любая цивилизация основывается на культуре, религии и духовных началах, несущих в себе позитивный и прогрессивный потенциал.

Ключевые слова: глобализация; цивилизация; культура; процесс; взаимодействие цивилизаций; мировая цивилизация; субъект; столкновение цивилизаций.

В настоящее время феномен глобализации находится в центре внимания социально-философских наук. Глобализация возникла в ходе закономерного процесса исторического развития. Тенденции к глобальным изменениям проявлялись на всем протяжении исторического развития человечества. Сегодня все сферы общественной жизни, социальное пространство мира охвачены данным явлением. Независимо от желаний и отношения к проблемам глобализации все страны и народы оказались «втянутыми» в данный процесс, испытывая на себе его результаты и последствия. По этой причине перед всеми государствами и нациями естественно возникает вопрос: как использовать возможности данного процесса, как к нему адаптироваться, выжить и защититься от его негативных последствий.

Современная интеграция выступает основой глобализации. Она всегда происходила естественным путем: в неё не вмешивались субъекты. В глобализацию же, в отличие от интеграции, стали вмешиваться субъекты — некоторые государства и политические силы, заинтересованные в осуществлении своих экономических, военных и геополитических целей. Когда эти субъекты диктуют свои условия другим странам и народам, они придают глобализации искусственный характер. Ярким примером то-

му являются события, происходящие в последнее время в Ираке, Афганистане, Киргизии и в других регионах мира. Многие страны оказываются перед выбором, к которому они не готовы.

Современной глобализации присущи такие черты, как многогранность, противоречивость, динамичность, непредсказуемость. С одной стороны, она несет в себе огромные возможности для человеческого развития, а с другой, ставит некоторые народы и страны в зависимость от экономически развитых государств. Это проявляется в том, что результаты и последствия глобализации носят одновременно позитивный и негативный, повсеместный и локальный, объединительный и разъединительный характер. Глобализация может нести в себе как созидательный, так и разрушительный потенциал. Она может одновременно приводить как к интеграции, так и к дифференциации социальной жизни. Глобализация амбивалентна, ее последствия не только негативны, они также создают условия и широкие возможности выбора для развития общества и личности.

В настоящее время существует множество подходов к проблемам глобализации. Одни теоретики рассматривают ее как объективный и закономерный процесс, другие считают, что она происходит только под влиянием субъек-

тов. Некоторые полагают, что глобализация выступает как вестернизация Запада. Одним из таких толкований является понимание глобализации как взаимодействия цивилизаций. Следует отметить, что влияние глобализации особенно ощущается в культурно-духовной сфере. Всякая глобализация протекает параллельно с взаимодействием цивилизаций и культуры. Она способствует развитию такого взаимодействия.

«Цивилизация» сегодня превратилось в одно из часто употребляемых понятий. По словам французского историка Л.Февра, данное понятие впервые было употреблено во Франции в 1766 г. и английскими просветителями в 1773 г. [5. С. 242–247]. Известный арабский ученый Ибн Халдун под цивилизацией понимал совместную социальную жизнь людей и называл ее «умрон». По Ибн Халдуну, в основе «умрон» находится совместная деятельность людей, которая имеет две формы или ступени развития общества: бедуинскую жизнь и городскую жизнь [4. С. 340–341]. Как известно, Л.Морган и Ф.Энгельс под цивилизацией понимали стадию развития человечества, следующую за варварством. Начиная с 1819 г. понятие «цивилизация» стало употребляться многими исследователями как развитие общества вообще. Для Н.Данилевского цивилизация — «культурно-исторический тип», для О.Шпенглера — «великая культура», для П.Сорокина — «культурная суперсистема», для Ф.Броделя — «культурно-историческая зона». И.Василенко цивилизацию представляет как единое целое, основанное на совокупности религиозных, языковых, культурных традиций, достигнутых обществом [1. С. 350]. Ю. Яковец о цивилизации говорит следующее: «Этот термин используется... в двух смыслах: мировые и локальные цивилизации. *Мировая цивилизация* — этап в истории человечества, характеризующийся определенным уровнем потребностей, способностей, знаний, навыков и интересов человека, технологическим и экономическим способом производства, строем политических и общественных отношений, уровнем развития духовного производства; по сути дела, речь идет о сверхдолгосрочном (многовековом) историческом цикле. Сме-

на мировых цивилизаций выражает поступательное движение исторического прогресса, саморазвитие человечества» [3. С. 41.]

Как нам представляется, термин «цивилизация» является слишком абстрактным и предполагает объединение в единую систему разных национальных культур, расположенных на значительном пространстве. Например, понятия «христианская цивилизация», «западная цивилизация» или «мусульманская цивилизация» включают десятки национальных культур. Получается, что в единую систему объединяются разные языки, образы жизни, духовные традиции, обычаи и др. Объединение такого количества культур в единое целое придает им несколько искусственный характер и с самого начала вынуждает исследователя включать разные культуры, имеющие разные метафизические основания, в единую систему. Например, по смыслу более узкое понятие «европейская цивилизация», чем «христианская цивилизация», уже предполагает объединение культур разных европейских народов и стран. Они имеют разные истории, различны их образы жизни, языки, традиции, моральные установки, менталитет. Вместе с тем данное понятие претендует на объединение разных по сущности культур. С позиции пространства и времени сложно определить границы цивилизации. Например, когда идет речь о буддистской, христианской или исламской цивилизации, не остается не только национальных, но и этнических границ. Миллионы людей могут объединяться вокруг Будды, Аллаха или Христа.

Сегодня смысл термина «цивилизация» не соответствует его историческому употреблению. Не следует употреблять понятие «цивилизация» по отношению к отдельно взятой национальной общности, отдельной культуре. К какому типу цивилизацию нужно отнести, например, отдельно взятую национальную культуру?.. Что касается термина «локальная цивилизация», то, с точки зрения ряда исследователей, он означает отдельно взятую цивилизацию: «*Локальные цивилизации* выражают культурно-исторические, этнические, религиозные, экономико-географические особенности от-

дельной страны, группы стран, этносов, связанных общей судьбой, отражающих и преломляющих ритм общеисторического прогресса, то оказываясь в его эпицентре, то удаляясь от него. Каждая локальная цивилизация имеет свой ритм, более или менее синхронизированный с ритмом мировых цивилизаций» [3. С. 42.]. Согласно С. Хантингтону, локальная цивилизация — великая и сложная организация, которая влияет на целостность мира и отличается значительной культурной общностью.

Нам представляется, что термин «локальная цивилизация» имеет смысл употреблять по отношению к отдельно взятой культуре. Вместе с тем утверждения о существовании локальных цивилизаций в некотором смысле противоречат эволюционной теории истории. Сегодня уже сложно говорить о локальной цивилизации, так как не остается ни одной традиционной культуры, которая осталась бы вне влияния глобализации. Тем не менее каждая локальная цивилизация соотносится с мировой цивилизацией в силу того, что она локальная и особенная. В то же время она отличается от других своей спецификой. По справедливому утверждению В.Ф. Шаповалова, любая страна или нация на определенном этапе своего исторического развития может стать элементом определенной цивилизации, быть близкой к ней или сама превратиться в отдельную цивилизацию [7. С. 119]. Страны или народы, которые мы условно объединяем в одну цивилизацию, отличаются от друг друга в культурном отношении. Они, как правило, одинаковы только в религиозном смысле. Кроме того, любая цивилизация означает расцвет и развитие общества. С этой точки зрения в истории любой культуры были эпохи расцвета или упадка. Иногда на первое место выходила религия, иногда наука. Выходит, что одна цивилизация (исламская или христианская) включает в себя культуру более миллиарда людей.

Некоторые культуры, которые сегодня понимаются как цивилизации, вначале имели характер именно культуры. Постепенно временные и пространственные границы данной культуры расширились, и она превращалась в цивилизацию.

Но в их основе, как правило, не находились лишь отдельные элементы — религия, наука, мораль, искусство. На наш взгляд, не целесообразно ставить в основу цивилизации что-то одно — религию, науку или другое явление. В зависимости от особенностей эпохи в основе цивилизации доминирующим ее элементом иногда выступала религия, иногда наука. Обратимся к вопросу о распространении ислама. Его границы значительно расширились в течение полувека. По утверждению Ибн Халдуна, события, произошедшие в Мекке и в Медине в 20-30-х гг. VII в., в течение всего каких-нибудь двадцати лет привели к переменам всемирно-исторического значения. Исламская религия очень быстро распространялась, она охватила огромные территории и множество народов. А потом превратилась в основу мусульманской цивилизации. В эпоху распространения ислама, конечно, религия была основой этой цивилизации, но затем (в эпоху Восточного Ренессанса) наука заняла ее место. Значит, следует выделять события, имевшие всемирно историческое значение в развитии цивилизации. Сколько бы они не продолжались во времени, они могут проявляться в течение определенного времени в качестве основы цивилизации.

Многим известна теория о столкновении цивилизаций С. Хантингтона. Эта теория утверждает, что между цивилизациями существует вековые исторические, традиционные, религиозные, языковые различия. Они имеют долгую историю и с течением времени могут усиливаться и приводить к столкновению цивилизаций. С точки зрения автора, войны произошли в последние сто лет именно по этой причине. Столкновения между культурами, полагает он, станут доминирующим фактором всемирной политики и завершающим этапом эволюции глобальных противоречий [6]. Похожие пессимистические прогнозы давал и О. Тоффлер. Говоря о трех волнах — цивилизациях (аграрная, индустриальная и новая волна — цивилизация), он утверждал, что новая цивилизация противоречит традиционному обществу, формирует новый образ жизни и тем самым приведет общество в состояние «шока».

В истории человечества и разных культур всегда происходили войны, кровавые политические события. XX век вывел такие события в разряд глобальных. В первой мировой войне приняли участие 38 стран и более 70 млн людей, погибло более 10 млн чел. Статистика второй мировой войны еще более ужасающая: в ней участвовало 61 государств с более 80 % населения мира. Численность участников достигла более 110 млн чел., погибло около 65 млн чел. Но какими бы великими не были эти войны, в них не происходило столкновения культур или цивилизаций. Можно сказать, что многие войны последних столетий происходили в рамках единой цивилизации. При этом они не являлись столкновением культур, цивилизаций, религий, науки. Во второй мировой войне против гитлеровской Германии воевали европейские государства, на территории которых распространено христианство. Эти события происходили в рамках единой христианской цивилизации. Даже война между Англией и Францией, которая вошла в историю под названием «Столетняя война», происходила в системе единой цивилизации, и ее нельзя называть столкновением культур или цивилизаций. Еще один, более древний, пример: Великий шелковый путь сыграл огромную роль в истории многих народов. В результате соединения Востока и Запада через этот путь в Европу пришла новая культура. По сведениям римского ученого Г. Плиния, шелководство пришло на Запад в V в. до н. э. За ткани из шелка, которые привезли в Римскую империю, было потрачено 3,5 тыс. золотых монет. В результате этого появился дефицит монет. Тогда правительство было вынуждено принять постановление, которое ограничивало ввоз шелковых товаров. Как утверждает А. Ходжаев, в результате распространения ислама в Китае сформировалось новый этнос — «дунгане», «тунаган» (буквально тун-ночь, остался на ночь, ночевал), в состав которого входили арабы, персы, турки. Сегодня их число составляет более 8 млн [2. С. 91]. Значит, в названном явлении именно религия сыграла главную роль. Монгольское нашествие сыграло двойную роль в истории многих народов. Даже

такое нашествие нельзя назвать столкновением цивилизаций. Все войны, которые произошли в истории человечества, происходили по вине разных политических субъектов и были столкновениями военно-политического характера. Они не решали задачи, относящиеся к цивилизации. В названных войнах главную роль играли цели и интересы разных личностей (пусть даже великих). Инициатором таких войн являлись не главные субъекты цивилизации-нации, народы или культуры, а некоторые военно-политические лидеры, партии. Их главной целью, как правило, был захват новых земель и богатств.

Между цивилизациями, на наш взгляд, не может быть столкновений. Независимо от того, что находится в основе цивилизации — религия, наука, искусство или мораль, все эти цивилизации основываются на культурных, духовных ценностях общечеловеческого порядка. Сущность любой ценности, как правило, является позитивной (поэтому она и ценность), ценность несет в себе прогрессивный потенциал и служит гуманизму. Культура или религия ни одной нации не содержит в явном виде идей, взывающих к войне или столкновению. Все религиозные системы пропагандируют гуманизм, доброту, мир и любовь, отвечают интересам разных народов. Элементы, на которых основывается любая цивилизация, в сущности, имеют как бы потенциал, уже объединяющий людей независимо от их принадлежности к той или иной национальности. Значит, данные элементы сами способствуют взаимодействию цивилизаций и культур.

В рамках одной цивилизации могут взаимодействовать несколько культур. Тому является примером взаимодействие исламской культуры и культуры Центральной Азии, которая повлияла на особенности самого ислама. Здесь, как известно, распространился мазхаб Ханафия. Это произошло при государстве Саманидов, которое включало города Самарканд, Шаш, Фергана. Саманиды не вели строгую политику в отношении религии и официально не вводили какой-нибудь мазхаб. Гибкость, либерализм, толерантность и удобность данного

мазхаба послужили тому, что его учение само собой получило распространение. Появился «культурный слой», могущий толчок цивилизации, который построил основу Восточного Ренессанса. Средняя Азия дала миру таких последователей этого мазхаба, как Абу Мукотил ас Самарканди, Абу Бакар ас Самарканди, Абулмуин ан Насафи, Абу Наср аль Мотуруди, аль Бухари, ат Термизи, Накшбанди и многих др. Бурханиддин Маргинани и Абу Наср аль Мотуруди были самыми видными представителями данного мазхаба. Их произведения «Хидоя» и «Китоб ат тавхид» являются великим достижением исламской культуры. Сама исламская религия претерпела огромное влияние местной культуры, традиций, морали, адатов на местах своего распространения. Хотя ислам пришел сюда с захватом, через два-три поколения сам ислам получил здесь сильную энергетическую подпитку со стороны ученых и с научной базой возвратился из Центральной Азии в Мекку и Медину. Исследователи называют такое явление диффузией культур.

Цивилизация — понятие слишком абстрактное. Его нельзя применять к отдельно взятой культуре. Такое понятие включает в себя несколько культур, распространенных на огромной территории. Вместо термина «столкновение цивилизаций» целесообразно употреблять «этнические конфликты». Данное понятие, полагаем, более адекватно проявляет сущность противоречивых феноменов, происходящих во многих точках мира на этнической основе.

Взаимодействие цивилизаций появилось не вчера. Сама история человечества и появившиеся в свое время новые цивилизации тоже являются результатом взаимодействия цивилизаций. Появление новой цивилизации есть ответ другой цивилизации (Гойнби). Необходимо отметить, что история взаимодействия цивилизаций древнее, чем история глобализации. Сама глобализация появилась в результате взаимодействия цивилизаций, а не наоборот. В зависимости от исторических и локальных условий и особенностей в отношениях «цивилизация-глобализация» и «глобализация-цивилизация» иногда на первое место выходило первое, ино-

гда второе. Значит, представление глобализации как столкновения цивилизаций не соответствует действительности. Глобализацию необходимо рассматривать как результат взаимодействия цивилизаций и культур. После того, как глобализация стала самостоятельным явлением, она сама стала влиять на цивилизацию. В настоящее время они выступают как диалектически взаимосвязанные явления. То, что сегодня называют столкновением цивилизаций, есть не что иное, как взаимодействие культур, которое сформировалось в течение веков. Такое взаимодействие происходило всегда, на всех этапах развития истории. Насколько вечна история человечества, настолько вечны и эти взаимодействия. Только в настоящее время они становятся более глобальными и противоречивыми в результате искусственного вмешательства в них ряда субъектов.

Исходя из вышесказанного, цивилизацию можно определить как состояние, уровень, определяющий смысл исторического развития общества. В этом смысле цивилизация означает социально-экономическое, политическое и культурно-духовное развитие общества.

Во взаимоотношениях глобализации и цивилизации, в зависимости от социально-исторических условий, иногда глобализация играет главную роль, иногда цивилизация. Они являются диалектически взаимосвязанными объективными процессами. Культура постепенно может стать цивилизацией. Любая цивилизация на первоначальном этапе своего развития появлялась как культура. С развитием глобализации она становится цивилизацией. Таким образом, цивилизация является результатом развития глобализации и наоборот.

Список литературы

1. *Василенко И.А.* Политическая глобалистика. М.: Логос, 2000. 360 с.
2. Национальная энциклопедия Узбекистана. Ташкент, 2007. 383 с.
3. Основы философии современности. К итогам XX века. М.: Флинта-Наука, 1998. 267 с.
4. Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М.: Наука, 1982. 440 с.
5. *Февр Л.* Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Бои за историю. М., 1991. С. 239–281.

6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.

7. Яковец Ю.В. История цивилизаций. М.: Владос, 1997. 352 с.

TOWARD THE RELATION BETWEEN GLOBALIZATION AND CIVILIZATION

Farida Kh. Yuldasheva

Andijan State University; 129, University str., Andijan, Uzbekistan, 710000

Some problems of interaction between globalization and civilization are considered. Not only globalization is a result of interaction between civilizations, but civilization is studied as a result of globalization. The process of globalization is not the reason of antagonism among civilizations, as any civilization is based on culture, religion and spirituality carrying positive and progressive potential in itself.

Key words: globalization; civilization; culture; process; cooperation of civilizations; world civilizations; antagonism among civilizations; subject.

УДК 141.7+159.97

ПОНИМАНИЕ ПСИХИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНИ МИШЕЛЕМ ФУКО: ОТ КРИТИКИ ПСИХИАТРИИ К ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМУ

И.И. Сидоров-Моисеев

Исследуется развитие взглядов М. Фуко на проблему психического заболевания. Обосновывается закономерность перехода от критики классической психиатрии к постструктурализму. Анализируется критический подход М. Фуко к экзистенциально-феноменологической психиатрии, психоанализу и другим направлениям, расшатывающим устои западной метафизики, закономерно приводящим к появлению постструктурализма.

Ключевые слова: постструктурализм; психиатрия; философия; экзистенциализм; безумие; психоанализ.

М. Фуко проделал колоссальный путь в изучении культуры, открыв дорогу к новому, постструктуралистскому миропониманию. Он явился своеобразным мостом в современность, новую реальность, которую еще только предстоит осознать. Вопреки расхожему мнению постструктурализм стал закономерным итогом развития западноевропейской цивилизации. Он не преодолен, не понят и не прочитан сегодня, хотя существует уже многие десятки лет. У М. Фуко, в отличие от многих других постструктуралистов (Ж. Деррида, Р. Барта, Ж. Делеза и прочих), четко прослеживается путь его развития, причины прихода к направлению, в рамках которого затем будет работать немало философов и деятелей культуры. М. Фуко внимательно изучает историю, философию и культуру прошлого, психиатрию, психоанализ, экзистенциальную и феноменологическую психологию и многое другое, вырабатывая в конечном итоге свой уникальный подход. Центральной для него всегда оставалась проблема свободы личности и ее выражения, способы ее подавления в современном мире [1]. Мыслитель пришел к выводу, что власть подавляет свободу через отделение, изоляцию того, что она называет безумием. Неразрешенная в рамках разных направлений проблема психического заболевания и привела во многом к появлению постструктурализма.

«Психическая болезнь и личность» — первая работа философа, позволяющая проследить не только эволюцию его взглядов, но и сложный путь исследования им антропологических, психологических, психиатрических, физиологических теорий, своеобразное переосмысление которых и привело к зарождению его уникальной концепции:

В работе исследуется сквозная для всего творчества Фуко тема — психическое заболевание, но здесь оно еще не столько безумие со всеми социальными отсылками, со всем комплексом отчужденности от общества и со всей своей историчностью, сколько психическая болезнь, несущая за собой длинный шлейф теорий, стремящихся отразить ее природу и сущность [2].

В своей первой книге М. Фуко (преподаватель психологии в университете г. Лилль) исследовал самые разные концепции и подходы, пытаясь «пробраться» через них к сущности такого феномена, как психическое заболевание. Но ни одна теория в полной мере не устраивала мыслителя, которому еще только предстояло совершить переворот в философии, кроме того, многие методы психиатрии вызвали у него неприязнь, когда пытались «уничтожить болезнь, уничтожив больного» (наиболее вопиющий пример, но отнюдь не единственный — лоботомия). Фуко рассматривает органический

Игорь Игоревич Сидоров-Моисеев — клинический психолог, младший научный сотрудник Отделения психоанализа УМО Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского; 119991, Москва, Кропоткинский пер., 23; e-mail: Igor_sidorov@me.com; Igor_i_s_m@yahoo.com.

подход к природе психических заболеваний, экзистенциально-феноменологическую психиатрию, психоанализ и другие теории, выявляя достоинства и недостатки каждого подхода.

Особенно критически молодой преподаватель психологии относится к органицистским объяснениям в психиатрии. Данный подход основан на вере в параллелизм органических и психических явлений, на вере в то, что психическая болезнь есть лишь следствие каких-то проблем и болезней в организме. Автор же «Психической болезни и личности» полагает, что психическое заболевание прежде всего является общественно-историческим явлением: представление о сумасшествии менялось в истории и было связано с пониманием того, чем является «норма» для данного общества. Против органического подхода (популярного и сегодня) мыслитель выдвигает ряд важных возражений. В первую очередь речь идет о произвольном с точки зрения философа параллелизме между психической и органической психопатологией. Здесь мы встречаем, по сути, своеобразный порочный круг, когда для доказательства параллелизма ученые необоснованно применяют методы органической патологии к психическим заболеваниям:

Если психическое заболевание очерчивают с помощью тех же концептуальных методов, что и органическое, если психологические симптомы разделяют и соединяют так же, как органические, то это прежде всего потому, что наделяют болезнь, психическую или органическую, естественной сущностью, проявляющейся в специфических симптомах [3]

Мыслитель полагает, что речь идет об «абстрактном параллелизме», который оставляет проблему «человеческого единства и психосоматической целостности открытой» [4]. Существует миф, который мыслитель хочет развеять, о том, что для психической патологии требуются те же методы, что и для органической, «однако психология так и не смогла предложить психиатрии того, что дала медицине физиология — инструмент анализа, который, устанавливая пределы расстройства, позволял бы про-

гнозировать функциональное влияние этого нарушения на целостность личности» [5].

Для самого Фуко психоз — это не только отсутствие тех функций и способностей, которые есть у здорового человека, но и усиление простых, стойких и автоматических функций психики. Поэтому психическая болезнь — это не органическое поражение, уничтожающее личность, а регрессивное движение в эволюции личности. Эта регрессия начинается с неврозов и потери душевного равновесия и может закончиться деменцией, где «больше не существует никакой инстанции растормаживания» [6]. Но это психологическое объяснение болезни не может быть признано полным: оно дает нам описание патологии болезни, но ничего не говорит о ее причинах и условиях.

Проблема поиска причин появления психического заболевания заставляет Фуко обращаться к другим концепциям, которые не медикализировали бы психоз, не редуцировали бы его до уровня специфических соматических дисфункций, как это делает классическая клиническая психиатрия. В этой связи особый интерес вызывает у французского философа экзистенциально-феноменологическая психиатрия, берущая свое начало в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера (философа, которого М. Фуко особенно почитал), феноменологии Э. Гуссерля, экзистенциализме Ж.-П. Сартра. Данное направление имеет много ответвлений, но что их объединяет — убежденность в уникальности каждого человека, ценность для исследования конкретной жизненной ситуации.

Одним из крупнейших представителей данного течения является Л. Бинсвангер, развивающий антропологический подход и применяющий экзистенциальный метод анализа, основанный на аналитике «Dasein» М. Хайдеггера. Именно с изучения его работ начинается особый интерес М. Фуко к психиатрии. Именно этот гуманистический подход представляется Фуко одним из наилучших способов опровержения традиционной, «научной» психиатрии, подавляющей, по мнению мыслителя, свободу личности [7]. Экзистенциальная психология позволяет взглянуть на болезнь не только как на

какую-то аномальность, но и как на нечто, имеющее свою логику и смысл, поэтому она дает возможность исходить из самого субъекта, понять его, а не просто «излечить». Для непростой позиции Фуко безумие, как уже отмечалось, это то, что специально отчуждается разумом, т.е. это и есть разум (эта идея появится в более поздних произведениях философа), поэтому важность экзистенциального подхода для понимания постструктурализмом психического заболевания сложно переоценить (например, постструктуралист Ж. Делез будет отыскивать в шизофрении позитивные аспекты, взламывающие, взрывающие механическое и безжизненное общество).

М. Фуко анализирует, как понимается психическое заболевание экзистенциальной психологией, и обращает внимание на трактование восприятий как темпоральных и пространственных феноменов. Экзистенциальные психологи исследовали нарушение больными восприятия времени, когда, например, исчезает восприятие прошлого, или, как показывает Л. Бинсвангер в работе «О скачке идей», когда «время представляется раздробленным». Фуко, ссылаясь на данного мыслителя, приходит к выводу, что время шизофреника разворачивается «...между раздробленным тревогой временем и бесформенной, заполненной бредом вечностью» [8]. Также Фуко переходит к анализу понимания больным пространства, указывая на сходство с пониманием времени, приводя в пример потерю ощущения дистанции, слуховые галлюцинации, проходящие вокруг больного, распадение пространства на фрагменты, исчезновение границ и т.п. [9]. После этого анализа восприятия больным пространственно-временных структур мыслитель указывает, что «существует не только пространственно-временная среда — Umwelt, которая несколько изменяет свою экзистенциальную структуру в процессе болезни, но и Mitwelt — социальный и культурный мир» [10], в котором другой утрачивает свою социальную реальность, вписанность в мир больного: не происходит коммуникации, диалога, взаимного участия. В этом слу-

чае Другой необходимо превращается в Чужого.

Больной может утратить веру в существование Другого и реальности в целом. Фуко обращает внимание и на странное ощущение больным самого себя, например, когда тело кажется особенно твердым или тяжелым или человек боится земли, некоторой устойчивости, ему кажется, что он парит вне какого-либо модуса существования (случай с Э. Вест у Бинсвангера). Постепенно автор книги «Психическая болезнь и личность» подходит к пониманию исторического характера болезни. Он спрашивает: «...не является ли то, что мы называем миром больного, лишь произвольным отрезком в его истории или, по меньшей мере, предельной точкой, в которой завершается его эволюция» [11]. М. Фуко для прояснения приводит пример Рудольфа (больного Р. Куна), который в детстве много часов находился рядом с трупом собственной матери, не понимая сущности смерти. Именно это, по мысли философа, могло привести к тому, что окоченевшее мертвое тело наделялось больным определенным смыслом и значением, что и привело к развитию некрофилии и тяги к убийству. Можно другими словами сказать, что на каком-то этапе развития индивида история для больного останавливается, создавая совершенно особый мир.

Подход экзистенциально-феноменологической психиатрии является основой формирования учений и направлений, критикующих классическое понимание психического заболевания, отбирающих у «научной психиатрии» монополию на истину (ведь классическая психиатрия претендует именно на знание, некоторое объективное понимание того, чем является психическое заболевание и что делать с ненормальным). Трудно переоценить значение экзистенциально-ориентированных мыслителей для концепции М. Фуко. Вот что пишет о связи данного течения и подхода Фуко О.А. Власова: «Концепция истории Фуко, таким образом, имеет весьма сходную с экзистенциальным анализом двухуровневую структуру. Место фундаментальной онтологии Dasein занимает историческая эпистемология, пространство

Сущего заполняет пространство Истории, на место экзистенциальных а priori приходят а priori исторические, а между двумя уровнями как связующее звено стоит выражение, обеспечивающее трансцендентально-имманентный и конституируемо-конституирующий характер связи. Эта по своей сути феноменологическая схема, несмотря на последующую «нелюбовь» Фуко к феноменологии, сохраняется как ядро его исторической эпистемологии» [12]. На данном примере хорошо видно, что понимание болезни экзистенциальной психологией оказывает влияние на особенное, постструктуралистское миропонимание, на отношение данного направления к истории, политике, культуре.

Подход экзистенциальной психологии оказал огромное влияние на становление взглядов М. Фуко. Теперь следует рассмотреть отношение Фуко к психоанализу. В работе «Психическая болезнь и личность» отношение к нему достаточно позитивное (хотя следует напомнить, что взгляды и предпочтения Фуко часто менялись), ибо, по мнению мыслителя, именно Фрейд обратил внимание на исторический аспект человеческой психики («но гениальный ход Фрейда заключается в том, что он смог достаточно быстро преодолеть эту эволюционистскую перспективу, разработав понятие либидо и получив посредством него доступ к историческому измерению человеческой психики» [13]), и выделил тревогу особым смыслообразующим феноменом. Психоанализ допускает возможность изучения и понимания взрослого индивида через психологию ребенка. Французский философ, например, пишет о некоторых аспектах учения Фрейда: «История либидо, его развития, его последовательных фиксаций — это набор патологических возможностей индивида: каждый тип невроза является возвращением к какой-либо стадии либидинальной эволюции» [14], — именно в открытии индивидуальной истории для науки о психическом видит заслугу психоанализа Фуко. Отдавая должное психоанализу, мыслитель выделял ряд положений в нем, которые назвал мифом: например, идею «либидо» как некоторой изменяющейся и прогрессирующей сущно-

сти, определяющей индивида. Также он называет мифом положение о схожести больного, первобытного человека и ребенка.

Таким образом, психоанализ обращается к индивидуальной истории и в ней находит причину заболевания. Фуко считает, что этого недостаточно — чтобы обнаружить истоки психических патологий, нужно расширить горизонт истории. И это должна быть уже не просто история болезни конкретного человека, а история самой болезни как социального феномена. Французский мыслитель обращается к примерам из социологии и культурной антропологии, чтобы показать, что представление о норме и патологии существует не онтологически, а в контексте цивилизационных форм. Истоки психической болезни не в эволюции больного, а в эволюции представления о человеке как о психически нездоровом. Эта вторичная рефлексия — рефлексия не над тем, о чем говорится, а над тем, кто говорит, что говорит и зачем — становится основой фукианского метода, который и открывает путь постструктурализму, ставящему всегда в центр своего анализа сам знак, а не его референт.

В своей первой книге этой истории представлений о безумии М. Фуко уделяет всего несколько страниц — пока перед нами обзор, который еще нельзя назвать ни археологией, ни генеалогией знания. Автор «Психической болезни личности» замечает, что если до XVIII в. в носителе безумия (*folie*) видели одержимого (*possédé*) inferнальными силами, то в эпоху Просвещения появляется фигура безумного (*insensé*) как лишенного (*dépossédé*) света разума. В следующем веке к этому «лишенному» решили проявить «гуманность» — его нужно было интернировать в лечебницу, где он был бы окружен заботой врачей. Теперь сумасшедший (*dément*) — это, прежде всего, утративший право на свободу — самое естественное право буржуазного мира — и ставший чужаком, отчужденным (*aliéné*).

Это описание используемых в разный период понятий для обозначения безумного на первый взгляд может показаться не более чем исторической справкой. Но, как замечает Ко-

лин Гордон [15], ассистент Фуко в Коллеж де Франс и переводчик работ мэтра на английский, подход французского мыслителя является настоящим разрывом с традиционной историей психиатрии. Психиатрия хочет убедить нас в том, что существуют научное и донаучное понимание психического заболевания: если все рассказы об одержимости — это плод средневекового мистицизма, то альенизм — это рождение научного, клинического подхода. Фуко же не видит этого прогресса и рядопологает *possédé* и *aliéné*. Более того, «наплыв шизофрении [широко распространенная практика распознавание шизофренических симптомов в психозах и неврозах] в клинические картины может быть не только уходящей к Блейлеру модой в психиатрии, но и результатом постоянно усиливающегося отчуждения, что поражает больного всеми социальными табу: помещая его за скобки, общество отмечает больного стигматами, в которых психиатр читает знаки шизофрении» [16].

Вместе с тем, разумеется, представления раннего Фуко о безумии еще содержат множество наслоений традиционного дискурса о психической болезни. Так, в первом издании «Психической болезни и личности» присутствует шестая глава «Психология конфликта», в которой через обращение к физиологии Павлова создается концепция психической болезни как патологии функционирования нервной системы, при которой нарушается «нормальная диалектика возбуждения и торможения» [17].

Таким образом, как замечает современный французский философ П. Машри, представленный в этой ранней работе фукианский «анализ опирается на два предположения» [18]: на психологию, развертываемую в социально-историческом контексте и потому свободную от предубеждений, накладываемых на нее требующей исключения психиатрией, и на физиологию возбуждения и торможения, объясняющую болезнь как реакцию защиты. Эта двойственность будет преодолена уже в «Истории безумия в классическую эпоху»: Фуко уже не будет претендовать на знание не только физиологии болезни, но и ее психологии — он станет

археологом самой претензии на знание о болезни.

Видно, какой путь проделал мыслитель для выработки подхода, который будет назван постструктурализмом. Исследования проблемы психического заболевания, критика классического подхода привели мыслителя к осознанию ограниченности всего фундамента западной метафизики. Фуко обнаружил, что под маской гуманизма, заботы о внутреннем здоровье система, сложившаяся в западном обществе, подавляет личность и полностью поработочает человека. Объявляя кого-либо безумцем, система лишает его прав и изолирует, стремясь сделать «нормальным» либо уничтожить (лоботомия), подчинить не только тело, но и сознание. Уже экзистенциально-феноменологический подход, психоанализ и антипсихиатрия были шагами по пути к постструктурализму, шагами, направленными на разрыв с прошлыми установками, которые казались чем-то понятным и разумным. Фуко акцентировал внимание на том, что нет универсального понимания болезни, ибо ее определение связано с конкретными социально-историческими условиями. Он также заложил основы для понимания безумия именно как неразумия, того, что противостоит подавляющему и деспотичному Разуму, которому поклоняется западное общество. Эта мысль будет активно развиваться другими постструктуралистами, в частности Ж. Делезом, однако основы данного миропонимания заложил именно М. Фуко, во многом отталкиваясь от критики классической психиатрии.

Список литературы

1. Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время. М.: Алетейя. 2010.
2. Власова О.А. Ранний Фуко: до «структуры», «археологии» и «власти» // Фуко М. Психическая болезнь и личность. СПб., 2009. С. 14.
3. Фуко М. Психическая болезнь и личность. СПб.: Гуманитарная Академия, 2009. С. 74.
4. Там же.
5. Там же. С. 82.
6. Там же. С. 111.
7. Власова О.А. Ранний Фуко: до «структуры», «археологии» и «власти» // Фуко М. Психическая болезнь и личность. СПб., 2009. С. 31.

8. Фуко М. Психическая болезнь и личность. СПб.: Гуманитарная Академия, 2009. С. 152.
 9. Там же. С. 152-154.
 10. Там же. С. 154.
 11. Там же. С. 159.
 12. Власова О.А. Ранний Фуко: до «структуры», «археологии» и «власти» // Фуко М. Психическая болезнь и личность. СПб., 2009. С. 48.
 13. Фуко М. Психическая болезнь и личность. СПб.: Гуманитарная Академия, 2009. С. 14. С. 115.
 14. Там же. С. 95.
 15. Gordon C. Histoire de la folie: an unknown book by Michel Foucault // Rewriting the history of madness: studies in Foucault's 'Histoire de la folie'. London, 1992. P. 23.
 16. Фуко М. Психическая болезнь и личность. СПб.: Гуманитарная Академия, 2009. С. 180.
 17. Там же. С. 205.
 18. Macherey P. Aux Sources de "L'Histoire de la Folie": Une Rectification et ses Limites // Smart B. Michel Foucault: Critical Assessments. London, 1998.
-

CONCEPTION OF MENTAL DECEASES BY MICHEL FUKO:
THOROUGH CRITICIZING PSYCHIATRY TOWARDS POSTSTRUCTURALISM

Igor I. Sidorov-Moiseev

Moscow Serbsky Institute for Social and Forensic Psychiatry; 23, Kropotkinskiy side street, Moscow, 119991

In this paper we have undertaken the examination of the development of Fuko's views on the problem of mental deceases, as well as thorough explanation to the appropriateness of transition in criticizing psychiatry and then poststructuralism, and analysis of the Fuko's critical approach to the existential-phenomenological psychiatry, psychoanalysis and other schools which undermines the traditions of western metaphysics. And all that made it natural to the appearance of the poststructuralism.

Key words: psychiatry, poststructuralism, philosophy, existentialism, insanity, psychoanalysis.

УДК 159.983+101.8

РАЗЛИЧИЕ, СОБЛАЗН И СОБЫТИЕ В ФИЛОСОФСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРАПИИ: КРИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК «ИНВЕРСИРОВАННОЙ АУТОПСИХОТЕРАПИИ ПСИХОТЕРАПИИ»

С.В. Вайнштейн

Предпринято феноменологическое исследование психотерапии нашего времени как тематического региона, высвечиваемого анти-феноменологическими понятиями. Критикуется способность психотерапии к обоснованию самой себя в многообразии «рыночного плюрализма» и единстве «родового монизма» с опорой на допущение трансцендентальной истины в психотерапии. Укорененность психотерапии в современности рассматривается как предпосылка возможности использования современных философских категорий для предельного осмысления психотерапии. Предложены некоторые конкретные выводы в направлении общей методологии современной психотерапии. Современные тексты по психотерапии приводятся как примеры обсуждаемых вопросов.

Ключевые слова: история психотерапии; методология психотерапии; постмодернизм; психологизм; ситуация постмодерна; феномен психотерапии; философия психотерапии.

Поводом для представляемого ниже текста послужила публикация «Психотерапевтический очерк методологии психотерапии» [10]. Моя реверсия авторской (пере)формулировки предмета и метода затрагиваемой работы не преследует каких-либо глубинных целей, но призвана прояснить лежащие на поверхности причины того, что маркируется словосочетанием «постмодернизм в психотерапии». Наша критика является в большей мере «идеологической», чем «университетской» (в терминах Р. Барта), поэтому автор здесь отказывается от привычной обезличенности стилистики научного текста в пользу личной вовлеченности в философский дискурс о психотерапии. Как будет видно далее по тексту, различие «мы» и «я» здесь выступает важной, хотя пока и периферической, методологической предпосылкой. Тем не менее наша статья пишется, а не случается, т.е. здесь выражаются *результаты проведенного исследования*, а не потребность «говорить — лишь бы только наперекор» [10. С. 21]. Поскольку «смещение — “от произведения к сообществам” — говорит о росте символического и ре-

альной значимости политического» [7. С. 452], постольку политическая декларация личного местоимения, равно как и «гендерной принадлежности», не снимает необходимость академической аргументации, существенной для идеологии научного сообщества.

Психологизм в философской методологии психотерапии неизбежно ведет к невозможности обсуждения фундаментальных вопросов. Взяв ad hoc одну из терапевтических моделей [22], возможно вообразить примеры психофилософологизмов. Так, нарциссическое высказывание типа «постмодерн и хаос в психотерапии существует только в головах психотерапевтов, не овладевших собственной профессиональной идентичностью», закрывает доступ к ресурсам диалога на нелегком пути разработки предельно обобщенных оснований психотерапии как *практики*. Невротическое утверждение типа «постмодернизм суть конфликт между желанием психотерапии оставаться вместе с клинической философией современности и потребностью разработать собственную философию, современную самой себе», ограничивает

Вайнштейн Сергей Викторович — старший преподаватель кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: psytab@psu.ru.

высший уровень методологии дидактической деятельностью творческого освоения философских идей психотерапевтами и интеллектуального наставничества психотерапии философов. Это тупик для обретения самостоятельности и зрелости *теории* психотерапии. Наконец, шизоидная констатация типа «постмодернизм закончился и нам ничего не остается кроме как прилагать яростные метафизические усилия по его удержанию, чтобы хоть как-то справляться с ужасом бытия-вне-времени», вообще исключает из сферы общеметодологического анализа этот любопытнейший эпизод *истории методологии* психотерапии.

Соответственно, прояснение ситуации нуждается в преодолении психологизма. Эта задача требует своеобразного ελοχη, т.е. воздержания от «естественных» для данной темы психотерапевтических и психологических методов исследования высказываний. Таким образом, построение обсуждения по типу конфронтации субъектных позиций, эмпатии к субъективному взгляду и претендующих на объективность интерпретаций (аналогических, генетических, динамических), равно как анализ интенций, дискурса и тем более категоризация содержания (контент-анализ), сознательно исключаются. Еще *менее* продуктивной в данном случае видится *естественная* для строгих наук критика уместности языка а la Alen Sokal et Jan Bricmont [4], обреченная промахиваться мимо «эстетствующего иррационализма» в силу собственной укорененности в классической рациональности.

Философская методология при таком подходе становится проектом по установлению возможности истории, теории и практики психологической терапии, ведомым тоской по аподектической очевидности. Философские понятия, используемые на этом уровне методологии, имеют отношение к современной психотерапии лишь постольку, поскольку они имеют отношение к современности. Разработку философской методологии при этом необходимо отличать от построения клинической философии как освобождения «от доверия к старым категориям Негативного» [24. С. 9]. Клиническая

философия в современности уже имеет место, но она не тождественна философской методологии *современности* психотерапии, как и *современность* психотерапии, выступающая предметом нашего исследования, не тождественна современной психотерапии в ее позитивной эмпирической сложности. *Современность* как единая возможность, уместность и *своевременность*¹ психотерапии полагается трансцендентальным основанием множеству современных «психотерапий».

Различие как диагностика

В соответствии с рассматриваемой проблемой обозначим два различия: между «постмодернизмом в психотерапии» и «ситуацией постмодерна в психотерапии» и между философией и психотерапией. Первое различие суть тривиальная аллюзия (симптом), второе — сложная референция (проблема), которые в совокупности составляют простейшую диагностическую схему методологического замешательства психотерапии.

Постмодернизм выражает известное суждение «сколько психотерапевтов — столько и психотерапий» (см., например, [20]), т.е. радикальный плюрализм, фундирующий какофонию субъект-центрированной полифонии. Попытки «эмпирического позитивизма» обосновать

¹ В таком понимании предмет исследования ближе к англ. Timeliness, нем. Zeitnähe и фр. Opportunité, т.е. рус. своевременности. Тем не менее термин современность видится более подходящим для артикуляции коннотации совместного бытия сущих в оппозиции, но не противоречии, денотации своего бытия сущего. Каждому языку философствования приходится «выбираться своей колеёй», но в общем язык понятен.

психотерапию на пути точных замеров по воспроизводимым протоколам (т.е. верифицируемо-фальсифицируемым) любопытны в демонстрации собственной (не)продуктивности. Но они сохраняют за собой впечатление прогресса научного знания о психотерапии (по крайней мере, в виде накопления фактов в рамках конкретных научных теорий), одновременно утверждая регресс философского понимания психотерапии. Когнитивная нейропсихология становится «нулевым участком» («ground zero») эмпирического для высоты «сдвоенных башен» («twin towers») рационального (напр., глубинной и вершинной психологии — в терминах Л. С. Выготского). Электроэнцефалография кросс-частотных сопряжений (cross-frequency coupling) дельта и бета колебаний в ходе групповой когнитивно-поведенческой терапии социально-тревожных расстройств показывает снижение корреляций ритмов головного мозга у экспериментальной (психотерапевтической) группы до уровня, статистически значимо не отличающегося от показателей контрольной группы. Это позволяет ученым сделать вывод об эффективности терапевтического воздействия, признавая при этом, что когнитивно-поведенческая терапия, равно как и медикаментозное лечение, имеют краткосрочный эффект [33]. Иными словами, основанное на естественнонаучном познании технологическое освоение «души ожидающей услуги восстановления доброго здоровья» (ψυχή θεραπεία) приводит пока лишь к утверждению психотерапии как случайного воздействия: эффект есть, но его устойчивость во времени сомнительна. Особую внутреннюю проблему когнитивно-поведенческой методологической программы внешнего обоснования составляет, как отмечают сами авторы упомянутого исследования, неоднородность психотерапии как «независимой переменной». Феномен «неоднородности» требует некоторого исторического прояснения.

Процесс дифференциации психотерапевтических теорий и техник начался одновременно с достижения психоанализом статуса школы,

т.е. появления первых самостоятельных «выпускников». Их неудовлетворенность первой европейской версией психотерапии вела к разработке новых подходов (А. Адлер, К. Г. Юнг, К. Хорни, В. Райх, М. Босс, Ф. Перлз, В. Франкл, А. Эллис — лишь некоторые примеры «бывших» психоаналитиков). Впрочем, и самого Фрейда, похоже, не очень устраивали базовые принципы утверждаемой им же техники: из 43 случаев анализа (1907-1939) принцип анонимности был нарушен в 100% случаев, принцип нейтральности — в 37 случаях (86%), конфиденциальности — в 23 (53%). Оригинальный метод Фрейда был утерян и не может быть воспроизведен — такой вывод делают некоторые историки психиатрии [32]. Если интерпретировать такое положение дел как преодоление непреодолимых методологических пределов, то получается, что первым «постмодернистом» психотерапии был ее основатель, хотя плюралистом его назвать нельзя (дружба с Л. Бинсвангером — исключение, подтверждающее правило). Такая интерпретация игнорирует внимание к понятиям в классических психоаналитических текстах, их динамике, отношениям и обоснованию, что вновь погружает нас в психологизм. Очевидно одно: диссонанс психотерапии — естественное звучание при ее исполнении.

В свою очередь, ситуацию постмодерна можно обозначить как дискредитацию представлений о том, кто такие психотерапевты и что означает быть психотерапевтом (ср. [21. С. 29]), т.е. преодоление психотерапевтической классики. Речь идет, прежде всего, о кризисе медицинского позиционирования психотерапии, ее локализации в одном дисциплинарном поле с неврологией и психиатрией. В этом контексте родитель современной психотерапии З.Фрейд формально не вступает в противоречие ни с О. Брейером, ни с Э. Крепелином. Все трое выражают психотерапию как врачебную практику, укорененную в онтологии изолированного индивида и эпистемологии экспертного взгляда от третьего лица. Классический взгляд психотерапевта конституирован по типу пози-

тивного взгляда медицины патологических реакций (ср. [25]). Способность и «*производственная необходимость*» решения психотерапевтических задач (инструментальный аспект) и установление психотерапевтических отношений (социальный аспект) психологами, педагогами, социальными работниками и другими уничтожает монополию врачей на этот вид профессиональной деятельности.

Особенно обращает на себя внимание случай философского психологического консультирования (*philosophical counseling*). В наше время (возрождение «консультационной функции» философии по этическим и экзистенциальным вопросам (именно это конкурентное преимущество прописывается философами консультантами) манифестирует несколько событий. Появление специальной услуги на рынке связывают с публикацией в 1980 г. заметки в популярном журнале, где философское консультирование было представлено как процесс «личного путешествия», в котором «коуч — консультирующий философ — фасилитирует процесс» [31. С. 60]. Институционализация произошла в 1982 г. с учреждением Немецкой ассоциации философской практики. В 1994 г. прошла первая международная конференция в Ванкувере. Первая коллективная монография вышла в свет в 1995 г. [35]. Сегодня в интернете представлено как минимум 11 сообществ, 8 журналов, 9 личных сайтов [37]. Этот проект подвергся резкой критике со стороны британской академической философии относительно границ применения рационального мышления, необоснованности претензий на этическую экспертизу и саму потребность населения в таких услугах, хотя и указывалось, что в Германии и Франции спрос может быть выше. Согласованность позиций практикующих философов примерно такая же, как и в психотерапии [34]. Периодически проводятся конференции; декларируются образовательные минимумы для консультантов, программы подготовки и этический кодекс [28]. Иными словами, имеются существенные признаки психотерапевтического сооб-

щества, соответствующие абстрактной всеобщности «капитало парламентаризма» (термин А. Бадью) новейшего времени.

Благодаря тому, что «философы “производят поверхность”», на которых возможны понимания и коммуникативные действия», современный «философ некоторым образом замещает собой психоаналитика» [7. С. 6]. Некоторый образ в приведенном выше примере философского психологического консультирования обретает конкретные очертания. Для психотерапевтов путь начинается из другой точки. Психотерапии предстоит выход на «поверхность» философии. Интенция субъекта (Я), обращенная к лавинообразному росту выражения философских интенций других субъектов (Других Я), рискованна растворением идентичности субъекта. Возможная стратегия достижения условия взаимопонимания и взаимодействия, при сохранении идентичности, — движение по смысловой поверхности философии в поиске «описаний» и «предписаний». Следует установить имеющую место конституцию отношений субъекта (Я) к интересубъективности (Мы) в регионе психологической терапии.

Один из способов справиться с пролиферацией фигур психотерапии в ситуации утраты монополии медицины приводит к своеобразной «герменевтической индивидуации», т.е. технике реконструкции Мы в Я, сопряженной с парадоксальным совмещением исторической объективации традиции и отказа от признания объективности традиций. «Если возникает понимание — все, это уже мое». Поскольку «кто что сказал запомнить уже не возможно», постольку «я просто обречен на создание своей индивидуальной философии. Есть философия Канта, а “кантианцы” — это бред» [26. С. 9]. Так конституируется *личная философия* психотерапевтической *практики* как исходная точка интенции психотерапии к философии, но возведение ее в ранг философской методологии психотерапии суть вульгарный психологизм, при котором компаративистика и герменевтика психотерапии становятся бессмысленными, т.к. первая избыточна, а последняя ограничена субъек-

тивностью. Поэтому здесь очень важно «уважение к индивидуальному мнению и признание личной власти каждого» [26. С. 7] как этическое основание интерсубъективной матрицы философских исследований психотерапии. Тем не менее, оставаясь только лишь на этом уровне методологии психотерапии, мы остаемся заложниками культурного релятивизма и, перефразируя А.Бадью, не можем продвинуться дальше тривиального утверждения различных личных философий психотерапии, структура которых в себе не содержит каких-либо истин (ср. [29, С. xii]). Вообще, перефразировать и переводить — это все что остается здесь для компаративистики и герменевтики. Дескриптивная и нормативная функции методологии требуют большего, а именно *философского понимания различия*. Они требуют, стало быть, расширения смыслового горизонта настолько, чтобы можно было помыслить описание (дескрипцию-симптом) как выражение связности сущих, а определение (норму-проблему) — как указание на существо самого процесса осуществления сущего, его бытия во всей конкретности и отличия от других сущих [14. С. 649-650], т.е. требуется вхождение в философию. Психологические эссе значимы, но философские исследования также важны. Таким образом, личная философия психотерапевта необходимое, но не достаточное условие разработки философского уровня методологии.

Осмысление различия в нем самом, отвергающее примат образца над образом, разрушает тождество [8. С. 89]. «Различие (как интенсивность) эксплицируется в режиме расследования его экстенсивности» [12. С. 17]. Различие современной психотерапии отвергает оригинал клинической модели Фрейда, становясь интенсивностью различения, эксплицируемой психотерапевтическими направлениями, школами и взглядами. Различие «постмодернизма» и «ситуации постмодерна» в психотерапии суть (анти)репрезентация, так как присутствующее тождество, подобие и аналогия при отсутствии оппозиции предиката зеркально отражают ре-

жим подчинения различия дефициту репрезентации.

Диагностика в психотерапии становится вниманием к процессу разворачивания различия-в-себе, т.е. интенсивностью, а не репрезентацией. Если диагностика сливается с процессом терапевтических отношений, становясь тем самым динамической диагностикой, то возникает вопрос о конституции терапевтических отношений.

Соблазн как терапевтические отношения

«Инверсированная аутопсихотерапия психотерапии» задается метафорой психотерапии как личности, обрекающей себя на хронические страдания, усиливаемые собственными грандиозными попытками самостоятельно со всем справиться в гордом одиночестве. Психологизм, предполагающий такой суровый диагноз, преодолевается тематизацией психотерапии как сообщества. Предельные уровни выражения и осмысления жизни сообществ, достигшие пика к эпохе рождения психотерапии, — политическая экономия и идеология. Вообразим психотерапию как одну из идеологий XX в., овладевающую массами, а политическую экономию — как ее конкретное приложение. При этом сформулируем оба термина идейно и экономно. Политическую экономию, вслед за Аристотелем, — как вопрос о механизмах организации общения ради общего блага (Πολιτικά), противопоставленного семейному общению, с необходимостью включающей вопросы приобретения, пользования и управления собственностью (Οικονομικά). Поставив в эту формулу на место общения отношения психотерапевт-клиент, а на место собственности — личность, получим настолько же точное, насколько и абстрактное, определение психотерапии. Археологический формализм, если проводить его последовательно, предполагает понимание идеологии, вслед за А. Дестютт де Траси, как учение об идеях, их выражении и допускаемых ими дедукциях (Ιδεολογία). Тогда идеология становится здесь синонимом теории психотерапии. Достигнутое

формальное определение утаивает определенное содержание¹.

Отсылка к истокам значений — лишь методический прием избегания репрезентативного различия производственных отношений (производства, распределения, обмена, потребления, по К. Марксу) и терапевтических отношений (желания, нейтральности, переноса, абстинентности, по З. Фрейду). Их параллелизм и оппозиционность в сфере общественного производства сегодня уже не имеют никакого значения: «денежные механизмы остаются абсолютно безразличны к анальным проекциям тех, кто их осуществляет» [9. С. 53]. Утверждение желающего производства как конституции поля общественных отношений — проблема социальной философии современности. Желание как категория философской методологии психотерапии — глобально. На данном этапе требуются более локальные понятия. Поиск такого понятия обращает исследование по конституции современной психотерапии к эскизу истории «политической судьбы терапевтических отношений».

Историческому взгляду на психотерапию полное избегание философской традиции не удаётся. В этой истории обнаруживается, что различие-репрезентация предшествует различию-интенсивности. Тогда послание («message») Фрейда уместно понять в качестве результата, снимающего противоречия (со)единения идей философских проектов А.Шопенгауэра и Ф.Ницше и натуралистических теорий Ч.Дарвина и Э.Геккеля [27], равно как и послание («message») Маркса можно свести к синтезу объективного идеализма Г.В.Ф. Гегеля и проектов просвещения, социализма и натурфилософии Ж.Ж.Руссо и Л.Фейербаха. Редукция массивных «данных» к классическим («экспертным») схемам делает историческую ситуацию понятной. Особенно в эпоху массовых информационных проводников («mass

media age»)². Но это понимание, при всей своей значимости, не продвигается дальше констатации дефицита свободы объяснения и провокации профицита свободы изменения.

К началу XX столетия противоречие между естественным и гуманитарным (человеческим) в человеке для самого человека становится труднопереносимым. Принадлежность к млекопитающим сохраняется, а объем культурного наследия растёт. Как выходцы из наёмников буржуазии начинают освобождать пролетариат, так и субъект начинает освобождать желание, преодолевая идеологию собственного «класса». Соппротивление единичного порядку всеобщего нарастает и приводит к революции желания. Открытие психологических защит (сопротивления) Фрейдом как результат осмысления клинического материала (индивидуальных случаев) манифестирует феномен «экономии Ego»: дело теперь не в том, чтобы объяснить, что есть Я, а в том, чтобы изменить способы, какими Я сохраняет себя в мире и вкладывает себя в мир. Философская проблема обоснования субъекта становится психотерапевтической проблемой удержания субъекта в качестве проводника рациональной воли.

Субъект, с которым имеет дело психоанализ, суть субъект своей истории, «отчужденный» от нее вследствие «объективации» противоречий собственной структуры (ср. [1. С.336]. Логика общественного производства субъекта как исторического существа предполагает «определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения» [19. С.7]. Логика символического производства субъекта как существа личной истории предполагает «вытеснение, благодаря которому известные душевные побуждения подлежат исключению не только из сознания, но и из других областей влияния и действия» [23. С.593]. И в том и в другом случае речь идет о

¹ К вопросу «что такое “психотерапии” указывают разнесенные по ячейкам таблицы» [9. С. 30]

² Результаты поисковых запросов Google: Фрейд 2,200,000 ссылок (0.15 сек); Freud 25,500,000 (0.06); Маркс 8,700,000 (0.14); Marx 42,900,000 (0.08). (дата обращения: 30.04.2011).

необходимом и объективном. Свобода определяется через осознание того, о чем идет речь.

Символический капитал инвестируется в античные формы (Эдип, Нарцисс и т.п.). Я, по мере накопления своих символов, «эксплуатирует» Оно и наращивает собственную продуктивность, присваивая архаичное в качестве «добавленной стоимости». Сверх-Я, в свою очередь, представляет репрессивную идеологию «класса», эксплуатирующего Я. Эксплуатация эксплуататоров, хоть и создаёт видимость справедливости, осложняет несоответствие желания и свободы (Оно и Я) конфронтацией свободы и порядка (Я и Сверх-Я). Известный фрейдистский тезис декларирует задачу освобождения личности за счет присвоения желания путем смены места дислокации Я. Основной «экономический» механизм регулирования отношений — требование признать и принять свои инстинкты, какими бы чудовищными они не казались, — переносит «центр сознания» вместе с Я на место Оно. Движение «материальных сил» осуществляется в рамках структуры личности пациента (пока еще пациента), что предполагает упомянутые выше принципы анонимности, конфиденциальности и нейтральности как механизм нейтрализации «материальных сил» врача (пока еще врача). Врач исключается как субъект изменений в жизни пациента с целью включения пациента как субъекта собственной жизни, т.е. проводника рациональной воли. Пациент должен сам стать субъектом психоаналитической техники. *Я должно экспроприировать символический капитал Оно, которым оно (Я) и так владеет как способом производства самого себя.*

Тотальный крах рационального и торжество иррационального. Репрессивные структуры деконструированы, желание освобождено. Плата за освобождение: распад и фрагментация социального. Такова предельно краткая история взлета и падения идеологической программы первой «политической экономии» терапевтических отношений.

Позднее в проекте возвращения к этой программе будет предложен термин «анализант» (Ж.Лакан) для соответствующего определения клиента в психоанализе, зеркальный определению психотерапевта как аналитика. Теперь уместна дефиниция психотерапевта в терминах зеркального и образного, соответственно, терапевтические отношения уместно определить «как некую идентификацию во всей полноте смысла, (...) как трансформацию, происходящую с субъектом, когда он берет на себя некий образ» [15. С.10].

Рождение метафоры психотерапевта как «пустого зеркала» предполагает осмысление, которое полностью переворачивает «экономическое» понимание терапевтических отношений и снимает проблему рациональной воли субъекта, формируя новейшую рациональность психотерапии.

Зеркало — «очарование недостающего измерения», то, «что нас околдовывает» [2. С.127]. Здесь легко оступиться и упасть в психологизм, увидеть терапевтические отношения как соблазнение в межличностных отношениях. Но соблазн здесь продуктивен именно как философская категория, так как он противостоит логике экономии Еgo. Инвестиция как «загрузка либидо» суть психическая экономия влечений, в то время как «игра, ставка и вызов — это уже фигуры страсти и соблазна (...); всякий денежный, языковой, сексуальный или аффективный материал получает совершенно различный статус в зависимости от того, мобилизуется ли он в инвестицию или же обращается в ставку» [2. С.244]. Признание приоритета знаковой стоимости над потребительной — переход к современной идеологической программе. К психотерапевтическим отношениям теперь не применима гипотеза потребительной стоимости, которая «приписывает предметам функциональный статус, связанный с техническими операциями, а тем самым — статус опосредования «природных» потребностей индивида» [13. С.174]. Как исключение трудовой теории стоимости есть исключение наиболее сущест-

венного в политической экономии [1. С.296], так и исключение психоаналитической теории влечений из терапевтических отношений элиминирует их прежнее понимание.

Это более не отношения рационального обмена, но отношения дарения и принесения в жертву. Как психодиагностика в терапии перестает быть дифференциальной (подобие уже не имеет отношения к другим), становясь интенсивностью динамики отношений (бесконечной дифференциацией в пределах одного и того же), так и сами отношения, включившие в себя диагностику, перестают быть последовательностью процедур соответствующих диагнозу интервенций с целью изменить символический порядок, становясь нейтрализацией порядка символического.

Для Ж.Деррида дар — «это то, что ни на что не обменивается, то, что “раздвигает” символический порядок. Дар “проваливается” сквозь символическую реальность» (цит. по [11. С.127]). Для Ж. Бодриера соблазн «есть лишь то, что помещает видимость тайны внутрь циркуляции и движения. Его цель — не желание, а видимость и исчезновение» (цит. по [6. С.126]). Терапия проходит сквозь все наращенные слои символического, чтобы оказаться в точке сейчас. Разворачивающееся между клиентом и терапевтом *hic et nunc* имеет приоритетное значение относительно задачи радикального прорыва к аподектически достоверной реальности.

Сопутствующие знаки и сигналы символической вселенной при этом сохраняются. Только теперь они локализованы в новом горизонте. Открывающийся в этом горизонте смысловой ландшафт размечается линиями собственных логик. Топологию («перипетии понятия») соблазна, согласно Ж.Бодриеру, следует отслеживать в перекрестной игре трех взаимоисключающих логик: дуальности, полярности и дигитальности.

Дуальное отношение игры, ритуала и правила — исходная точка терапевтических отношений — запрос клиента. Полярное отноше-

ние, управляющее Законом как общественным договором, т.е. смыслом социального, воплощается в терапевтическом контракте. Наконец, дигитальное отношение (точнее, «уже не “отношение” даже, а что-то типа соединения в техническом смысле» [2. С.269]), запрограммированное пространством нормы и моделей, есть сакральное наследие психоаналитической нейтральности терапевта, направленное на корректную «оцифровку сигналов» клиента. Связка Запрос — Контракт — Нейтральность становится психотерапевтической экспозицией философской категории соблазна. Оформленные в различии-репрезентации эти понятия тождественны своим онтологическим референтам. При переходе к онтико-онтологическому различию (М.Хайдеггер) запрос, контракт и нейтральность становятся выражением связности сущих (клиента и терапевта), а проблема, сеттинг и отношения определяются как указание на существо самого процесса осуществления сущих (психотерапии). Артикуляция различия-интенсивности, переводящего диагностику в динамический регистр, отрицающего приоритет образца над образом, нивелирует терапевтическое значение нейтральности в прежнем ее понимании. Современный холодный соблазн политического как техническое воспроизводство (Ж.Бодриер применяет к соблазну генеалогию искусства В.Беньямина) [2. С.309], фундаментализированный объективной психической экономией вытеснения, теряет свое онтологическое значение вместе с деконструкцией собственного фундамента. Нейтральность, ведомая требованием адекватности, становится не адекватной современности. «Больше истины» создает «эффект игрового дистанцирования от события» [2. С.276]. Реальное и настоящее ускользает от искусственности мнимой нейтральности. Конкретно-методологическая схема психотерапевтических категорий остается неполной: запрос — проблема, контракт — сеттинг, нейтральность —?

Возникает вопрос, каков онтологический статус *настоящего*, находящегося по ту сторо-

ну структуры нейтральности в пространстве между терапевтом и клиентом, т.е. вопрос о том, что раскрывается в *hic et nunc*.

Событие как психотерапевтический альянс

Ситуация современности в представленном эскизе выглядит так, будто зависимость психотерапевтической истины от психотерапевтического знания (заботы об онтологии и эпистемологии) уничтожена. Вопрос о продуктивности освобождения психотерапии от собственной теории и практики (пример философского психологического консультирования) для развертывания подлинно современной психотерапии остается открытым (ср. с философским призывом Бадью [3. С.64]).

Утверждение математического дискурса о психотерапии пока что сомнительно относительно психотерапии как таковой, хотя прецеденты имеются. Пример: исследование с намеком на традицию формализма К.Левина и приложением к модели психодинамики одной из психотерапевтических модальностей. Гештальт-психология здесь по «непонятной»¹ причине отождествляется с гештальт-терапией (психология приводится по текстам, представляющим терапию). Подкрепление цитатами из Первого послания Коринфянам (фрагмента, где речь идет «О девстве и браке», т.е. 7:31) и упоминание идей Бхагавадгиты позволяет сделать вывод о катарсисе как одновременной полной интроекции объекта и полной проекции себя в объект. При этом «точка катарсиса есть когнитивно-волевой баланс, равновесие делания и знания, деяния и познания» [17. С. 419]. Зачем описывать (структурировать) слияние в терминах интроекции и проекции, ориентируясь на формулы термодинамики, а катарсис переводить из традиционного эстетического регистра в этический и гносеологический, остается неяс-

ным². Вероятно, математический формализм претендует стать условием удостоверения *πράξις* и *γνώσις* психотерапии, т.е. ее истины.

Отходя от тенденциозных феноменов современности психотерапии, попытаемся приблизиться к тенденциям философской презентации современности. Несмотря на «феноменологическое недоверие» идея события как единицы, разрывающей множество, особенно в ориентированной на субъект искусства и проводимую им истину интерпретацию (А.Бадью), кажется привлекательной для философской методологии психотерапии. Фактичность тематизации психологической терапии как искусства (напр., Р. Мей, Дж. Бьюдженталь), несмотря на все возможные оппонирования, не требует отдельного удостоверения. Репрезентативное различие искусства и психотерапии снимается интенсивным различием эстетических аспектов психотерапии. Эстетическое нуждается в субъекте. Эстетическое измерение психотерапии требует введения субъективности терапевта в пространство психотерапии, придания ей такого же фундирующего значения, какое имеет субъективность клиента.

Понимание присутствия субъективности терапевта в психотерапевтическом альянсе су-

² Неясно, в чем дефицит теории гештальт-терапии при понимании слияния (конфлуенции), проекции и интроекции как традиционных инструментальных терминов, описывающих динамику терапевтического контакта в точке сейчас (различие-интенсивность психодиагностики) в рамках модели «поле организм-среда». Также неясно, в чем недостаток формального терминологического определения катарсиса. В рамках модели «цикла контакта» катарсис можно определить как полный контакт фигуры актуального отношения с фоном личной истории, стирание границ между фигурой и фоном — слияние. В то же время само катарсическое переживание, рассмотренное как цикл контакта, может регулироваться как конфлуенцией, интроекцией, проекцией, так и ретрофлексией. Пример: клиент выражает злость и обиду (проекция) к значимому персонажу из детства (интроекция) в рыдании (слияние с детским переживанием, конфлуенция взрослого человека с «внутренним ребенком»), но рыдания периодически сдерживаются прикрытием рта рукой и задержками дыхания (ретрофлексия).

¹ Видимо, автор просто не различает психологию, психотерапию и философию (религии, в данном случае).

щественно отличается от понимания психотерапевта как искусственного, но объективного управляющего психотерапевтическим процессом [5. С. 56]. Новая рациональность вне логики психической экономии формирует новую трактовку функции терапевта вне логики аналитической нейтральности.

Психотерапевт, по аналогии с художником и художественным творением, не причина «истины» психотерапии, но только лишь проводник «истинной» психотерапии (ср. [36. С. 48]). Такой подход требует определения истины в психотерапии как того общего, что есть между всеми «психотерапиями», вне зависимости от изолированности, (мульти)модальности, интегральности и пр., как самой возможности «психотерапий». Требуется не только признание трансцендентальности истины психотерапии, но и указание на то существенное, в чем она проявляется.

Антидисциплинарная (внемедицинская) конституция психотерапевтических услуг и антисубъективная (вне субъективности терапевта) конституция психотерапевтических отношений намекает на психотерапевтическое событие как на «нечто вроде разрыва в мировом континууме», «который появляется, но также исчезает» [30]. Понятие события у Бадью, в первом приближении, фундирует истину. «Истина конституирована исключительно разрывом с порядком, который поддерживает ее, [но] никогда как эффект этого порядка» [29. С. XII]. Разрывом, который «реконфигурирует порядок реальности, и условий, структурирующих наш доступ к реальности» [3. С. 64], является событие.

Осмысление события в местном культурно-историческом ландшафте в целом когерентно озвученному подходу. «Становящееся событие настоящего — *раскол, слом, переход, бытие-между, граница, предел* — невозможно конструктивно представить в терминах недавно господствующего философского говорения» [7. С. 454] (курсив автора. — С.В.). Различие состоит в том, что французская версия «онтологии, ис-

ключающей онтологию», апеллирует к структурам и формам математического (рационального), в то время как российская версия «аксиологии, включающей онтологию», обращается к структурам и формам эстетического (эмпирического). *Настоящее* психотерапевтического альянса высвечивается категорией события, имеющей как рациональную, так и эмпирическую тематизацию в философской современности. Хотя событие и не сводится к intersубъективности, оно «находится *между* — в пространстве встречи и понимания» [7. С. 31] (курсив автора. — С.В.). Intersубъективная конституция психотерапевтического альянса играет такую же роль, как и intersубъективная конституция психотерапевтического сообщества, т.е. пока клиент и терапевт *понимают* друг друга *в самом наивнейшем смысле*, а сами терапевты способны к *коммуникации* друг с другом *в самом общем* значении, условия возможности настоящей (аподектически достоверной) терапии выполняются. Пока психотерапевты хоть как-то понимают друг друга и своих клиентов, а клиенты находят своих терапевтов независимо от того, что сами терапевты думают друг о друге, констатация кризиса психотерапии — лишь риторическое преувеличение.

«Размышлять и чувствовать, осмыслять и переживать» — истинное содержание терапевтического альянса. Поиск ответа на вопрос о том, что здесь первично, конституирует внутрикорпоративную (между терапевтами одной «модальности») игру в «философскую партийность». Этим можно заниматься внутри терапевтических сообществ, если внешнекорпоративные (между терапевтами разных «модальностей») игры в «психотерапевтическую партийность» наскучили. Для «возвращения к истине» современности психотерапии важно, чтобы наскучили политические декларации схизиса, хаоса, постмодерна и т.д. «Аmplифицируем» декларации, чтобы «завершить гештальт» нашего исследования (т.е. попробуем вернуться к психологизму).

«Постмодернизм в психотерапии» как декларация на границе феноменов современности

В метафоре терапии как «изолированной и расщепленной личности» уместно декларировать: «Интерсубъективная продуктивность на место субъективного нарциссизма; там, где было фаллическое, должно стать генитальное», т.е. философии психотерапии, играющей призрачными признаками собственной личной идентичности (субъективный регистр), пора взрослеть и осваивать явные социальной идентичности явления (интерсубъективный регистр). Простой лозунг: «Шаг назад к корпоративной идентичности, два шага вперед: через осмысление философии собственной психотерапии к общему обсуждению философии психотерапии». Своеобразный герменевтический круг тогда представляется движением от Я к Другому через Мы, возвращающимся снова к Я.

В этом циклическом движении видится возможность выйти из психологизма замкнутых в себе индивидуальных психотерапий-харизм, требующих друг от друга коммуникации собственными методами (мифология, мультимодальность и пр.) в сферу философии общей методологии интерсубъективных психотерапий-сообществ. Иносказательно: подняться над «ризоматическими джунглями», впрочем, обнаруживающими, как было показано, свое происхождение в «генетическом коде» теории и практики психоанализа, и увидеть их с высоты философских категорий.

Возможно, на этом пути удастся преодолеть циничный скепсис конкретной методологии в отношении институционального познания, метко выраженный российской психотерапией современности в обесценивающем требовании понимания того, «что «диссертация на соискание» и есть «диссертация на соискание»: цирковой номер академического вытья среди академических волков, с которых стало бы и «Бытие и время» послать в Межрайонный институт птицеводства на предмет оценки народ-

нохозяйственной полезности в соответствии с утвержденной формой» [16. С. 9]. Философское стремление к истине требует нейтрализации («выключения», но не «исключения») социальных, политических, экономических знаков современности.

Преодолевая психологизм в философской методологии психотерапии, важно не дойти до другой крайности, а именно психологических фило-софизмов, ярко и развернуто представленных «метапсихологическими» построениями «экстремальной психологии». «Научный проект психологии бытия конкретного человека в мире», определяющий «событие человека (...) с точки зрения темпорального сингулярного события бытия сингулярного человека в “событии”, то есть многообразии опыта бытия» [18. С. 8-9], порождает массу вопросов к «постмодернистской психологии или неклассической психологии, уходящей корнями в культурно-исторический подход Л.С.Выготского (*sic!* — *C.B.*)» [18. С. 13]. Что скрывается за постструктуралистской экзистенциально-образной риторикой тавтологий данного проекта — отдельный вопрос, выходящий за рамки целей и предмета данной статьи. Остается лишь констатировать, что на этом фоне «инверсированная аутопсихотерапия психотерапии» показывает себя как «эстетический инструмент», хотя и кажется на первый взгляд «методологической игрушкой».

Затронутые категории философии современности, даже в первом приближении к своей поверхности, показывают себя возможными условиями понимания истории методологии, теории и практики психологической терапии. Несмотря на то, что конец деклараций не предвидится, наличие трансцендентальных оснований стабилизирует ситуацию.

Список литературы

1. Арон Р. Мнимый марксизм. М.: Прогресс, 1993. 384 с.
2. Бодрийар Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. 318 с.
3. Брейссер Р. Презентация как анти-феномен в «Бытии и событии» Алена Бадью // Журнал со-

- временной зарубежной философии «Хора». 2008. № 1. С.63-80.
4. *Брикмон Ж., Сокал А.* Интеллектуальные условия. Критика философии постмодерна. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. 248 с.
 5. *Бьюдженталь Д.* Искусство психотерапевта. М.: Корвет, 2008. С. 56-72.
 6. *Вульф К.* Соблазн гиперреального // Журнал современной зарубежной философии «Хора». 2009. № 2. С. 123-134.
 7. *Грякалов А.А.* Письмо и событие: Эстетическая топография современности. СПб.: Наука., 2004. 406 с.
 8. *Делез Ж.* Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. С. 45-95.
 9. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 34-82.
 10. *Динабург С.Р.* Психотерапевтический очерк методологии психотерапии // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2011. Вып. 1 (5). С. 21-31.
 11. *Дьяков А.В.* Философ — это гений места (Беседа с А.А. Грякаловым) // Журнал современной зарубежной философии «Хора». 2007. № 1-2. С.122-137.
 12. *Железняк В.Н., Пономарева С.В., Цырлина Я.Э.* Проблема категорий в свете новейшей философии // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2010. Вып. 3 (3). С. 12-18.
 13. *Колесников А.С.* Стратегии Жана Бодрийера // Журнал современной зарубежной философии «Хора». 2008. №2. С. 172-176.
 14. *Комаров С.В.* К новой онтологии субъективности // Метафизика и феноменология субъективности: Исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб.: Алетейя, 2007. С. 632-726.
 15. *Лакан Ж.* Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я // Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. М.: Логос, 1997. С. 7 — 15.
 16. *Папуш М.* Психотехника экзистенциального выбора. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. 544 с.
 17. *Сочивко Д.В.* Психодинамическая модель «эмоционально-волевого двигателя» в человеческом поведении // Математическая психология: Школа В.Ю. Крылова / под ред. А.Л.Журавлева, Т.Н.Савченко, Г.М. Головиной. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 408-419.
 18. *Магомет-Эминов М.Ш.* Позитивная психология человека. От психологии субъекта к психологии бытия: в 2 тт. Т.1. М.: Психоаналитическая ассоциация Российской Федерации, 2007. С. 8-43.
 19. *Маркс К.* К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е. изд.Т. 13. М.: Изд-во политической литературы, 1955. С. 1-10.
 20. *Муллан Б.* Психотерапевты о психотерапии. М.: Класс, 1999. 480 с.
 21. *Уилер Г.* Гештальттерапия постмодерна: За пределами индивидуализма. М.: Смысл, ЧеРо, 2005. 489 с.
 22. *Федорус И.В.* Шизоидный, нарциссический и невротический способы организации поля межличностного взаимодействия: материалы сообщений / ред. Д.А.Леонтьев, Е.С.Мазур, А.И.Сосланд. М.: Смысл, 2001.
 23. *Фрейд З.* «Я» и «Оно» // Толкование сновидений: сб. произведений. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 590-606.
 24. *Фуко М.* Предисловие к американскому изданию «Анти-Эдипа» // Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 5-10.
 25. *Фуко М.* Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. 310 с.
 26. *Хломов Д.Н.* Философия гештальт-подхода // Гештальт 2007. Ч. II. Вторая: Философия и этика в гештальт-подходе. М.: Московский Гештальт Институт, 2007. С. 5-13.
 27. *Элленбергер Г.Ф.* Открытие бессознательного: история и эволюция динамической психиатрии. Ч. 1: От первобытных времен до психологического анализа. СПб.: Академический проект, 2001. 560 с.
 28. American Philosophical Practitioners Association [Электронный ресурс]. 2011. URL: <https://www.appa.edu/> (дата обращения 5.04.2011).
 29. *Badiou A.* Being and Event. NY: Continuum, 2005. P. xi-20.
 30. *Badiou A.* The Subject of Art // The Symptom, 6, Spring, [Электронный ресурс] URL: www.lacan.com/symptom6_articles/badiou.html (дата обращения 12.10.2010).
 31. *Hersh S.* The Counseling Philosopher // The Humanist. 1980. V. 40. №3. P. 32-33,60.
 32. *Lynn D.J., Vaillant G.E.* Anonymity, Neutrality, and Confidentiality in the Actual Methods of Sigmund Freud: A Review of 43 Cases, 1907–1939 // American Journal of Psychiatry. 1998. V. 155. P. 163-171.
 33. *Miskovic V., Moscovitch D.A., Santesso D.L., McCabe R.E., Antony M.M., Schmidt L.A.* Changes in EEG Cross-Frequency Coupling During Cognitive Behavioral Therapy for Social Anxiety Disorder // Psychological Science, published online 4 March 2011 [электронный ресурс] URL: <http://pss.sagepub.com/content/early/2011/03/04/0956797611400914> (дата обращения: 28.03.2011).
 34. *Perring C.* The Limits Of Philosophical

- Knowledge: Implications For Philosophical Counseling // *Revue-E-Journal* [Электронный ресурс]. 2004. URL: http://web.ustpaul.ca/Philosophy/revue/articles/2004_perring.html (дата обращения: 5.04.2011).
35. *Raabe P.B.* A Philosophical Counseling Website [Электронный ресурс]. 2010. URL: <http://www.ufv.ca/faculty/philosophy/raaber/index.html> (дата обращения: 5.04.2011).
36. *Soruan V.H.* The Truth of Badiou's Return to Modern Art // *Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология.* 2010. Вып. 3 (3). С. 44-51.
37. International Societies for Philosophical Practice // The Society for Philosophy in Practice [Электронный ресурс]. 2011. URL: <http://www.practical-philosophy.org.uk/joomla> (дата обращения: 5.04.2011).
-

DIFFERENCE, SEDUCTION AND EVENT OF PHILOSOPHICAL METHODOLOGY FOR PSYCHOLOGICAL THERAPY: CRITICAL ESSAY ON "INVERSION OF AUTO-PSYCHOTHERAPY FOR PSYCHOTHERAPY"

Sergey V. Weinstein

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

Article represents phenomenological research for our-time psychotherapy as a thematic region constituted by anti-phenomenological notions. Critique of psychotherapeutic ability to self-foundation by diversity of "market pluralism" and unity of "generic monism" is performed due to affirmative assumption of transcendental truth for psychotherapy. Psychotherapeutic foundations in timelines considered as the premise for feasible use of contemporary philosophical notions to ultimate understanding of psychotherapy. Some concrete resumes towards general methodology for psychotherapy are offered. Contemporary psychotherapeutic texts exemplify discussed issues.

The initial differentiation of philosophy, psychotherapy and philosophy for psychotherapy enables establishing a redundancy of "postmodern". Psychotherapeutic difference takes in as intensiveness of explications for history of conceptions and actuality of positions. Articulation of difference-intensiveness brings to interpretation of axial psychoanalytical program in terms of decay and fragmentation of social structure due to deconstruction of repressive structures for desire. Overcoming strategy leads to involvement psychotherapist subjectivity with retention of neutrality. Modern rationality for psychotherapy appeals to event in intersubjective space as evidence of truth for psychotherapy.

Keywords: history of psychotherapy; methodology of psychotherapy; postmodern; psychologism; postmodern condition; phenomenon of psychotherapy; philosophy in psychotherapy.

УДК 82-1/9: 82(091): 821

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТСКОГО РОМАНА В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Х.И. Алиева

Статья посвящена особенностям жанра экзистенциалистского романа в английской литературе. Главный представитель этого направления — писатель и философ Колин Уилсон говорит о новом понимании свободы, которая состоит в расширении и углублении сознания различными методами психоанализа, психотерапии и размышления.

Ключевые слова: экзистенциализм; писатель; книга; роман; философия.

Экзистенциализм (от лат. *exsistentia* — существование), философия существования, — направление в философии XX в., рассматривающее человека как уникальное духовное существо, способное к выбору собственной судьбы. Пессимистические мотивы, характеризующие человеческое существование (пессимистический экзистенциализм), преобладают, потому что экзистенциалисты разрабатывали свои учения в эпоху крупных исторических потрясений после Первой мировой войны и Второй мировой войны. Одной из важных тем в философии существования является тема человеческой коммуникации, взаимообщения или интерсубъективности. Человек в экзистенциализме изначально выступает как социальное существо. В отчужденном бытии, например в толпе, в массе, каждый поступает так, как поступают остальные, следуя моде, установившимся схемам общения, обычаям, привычкам. Проблема человека, стоящая в основе философии экзистенциализма, во все времена была одной из основных проблем художественной литературы. С изменением общества меняется и роль человека в нем, что тотчас находит своё отражение в художественном мышлении. В связи с тем, что в 50-е гг. XX в. общество перешло на новый этап (в системе общественно-экономических отношений), проблеме человека стало уделяться пристальное внимание. Существование в художественном сознании эпичности, производственная тема, событийность сменились описанием духовного и эмоционального мира человека. Расширение роли человека еще больше

усиливает его роль и обуславливает отражение на этом новом этапе развития общества человеческих отношений и характеров. Все художественные поиски направлялись на отображение в образе человека жизненно важных проблем: новые условия требовали изображать не только положительные качества человека, но и его внутренний мир и особенности характера. Человеческий характер в целом отражен со всеми положительными и отрицательными качествами, поскольку во всех обществах главной целью человеческого существования является не только и не столько стремление к бытию, но и к обретению свободы (личной и общественной) и тем самым к самоформированию. Не случайно, что основой системы философии экзистенциализма являлся человек. Экзистенциалисты ищут ответ на вопрос «что есть человек?» и по-своему определяют, какое место в мире он занимает.

Во многом бессмысленная гибель миллионов людей на полях сражений и другие трагедии XX в., конечно, отразились на таком мировоззрении. Однако надо отметить, что в 60-х гг. в Англии появился и оптимистический вариант экзистенциализма. Один из главных представителей — писатель и философ Колин Уилсон считает философию Хайдеггера нигилистической и пессимистической и поэтому не имеющей будущего.

К. Уилсон говорит о новом понимании свободы, которая состоит в расширении и углублении сознания путем различных методов психоанализа, психотерапии и медитации. Уилсон

написал шеститомную работу «Посторонний». Посторонний — прототип нового человека с развитым интеллектом, контактирующего со сферой подсознательного как источником космической энергии. Герой Уилсона занят поиском и осуществлением смысла человеческого бытия. Сам К. Уилсон заявляет, что развивает оптимистический вариант экзистенциализма.

Экзистенциалисты не просто описывают факты, но явно выражают протест против массовой, бульварной культуры. Тем не менее характерно, что, выступая против массовой культуры, сам экзистенциализм стал впоследствии модой и элементом той же самой массовой культуры (Ж. П. Сартр, С. де Бовуар, А. Камю). Значительно шире, хронологически и географически, распространены умонастроения экзистенциалистского толка, помимо французской (А. Мальро, Б. Виан, отчасти Ж. Ануи), американской (Н. Мейлер, Дж. Болдуин), английской (А. Мердок, У. Голдинг, К. Уилсон), японской (Кобо Абэ), и в других литературах. Зачастую, однако, причастность к экзистенциализму отвергается самими писателями, что делает его границы зыбкими, а отнесение к нему тех или иных имен спорным.

Предельная напряженность переживания кризиса цивилизации XX в. как невозможного износа в ней всех духовных смыслов ценностей; тщетные намерения преодолеть трагизм «человеческого удела», перестраивая изнутри миросозерцательные установки самой личности, нравственно «выпавшей» из привычного социума и покинутой в одиночестве среди враждебности сущего, — все эти признаки, особенно выпукло обозначающиеся в экзистенциализме, побуждают усматривать переключку с ним всякий раз, когда произведения крупных мастеров слова обнаруживают сходное звучание независимо от возникновения на той же духовно-исторической почве. Экзистенциалисты стремились достигнуть ясности относительно безнадежной неясности мира. Понятно, что подобная «ясность» обуславливает зашифровку того, что не понятно, зато пережито самой личностью, в зримых «иероглифах» — мифологемах, сопрягающих предельную осязаемость деталей с фантастичностью целого и либо заимствованных у древних («Мухи» Сартра, «Антигона» Ануя), либо придуманных заново («Чума» Камю, «Повелитель мух» Голдинга,

«Женщина в песках» Кобо Абэ). Идейные истоки экзистенциализма — философия жизни, феноменология Гуссерля, религиозно-мистическое учение Кьеркегора. Именно С. Кьеркегор впервые сформировал понятие «экзистенция». Экзистенция — способ бытия человеческой личности. Согласно представителям философии существование экзистенции, представляет собой то центральное ядро человеческого «Я», благодаря которому «Я» выступает не просто как нечто всеобщее (общечеловеческое), а именно как конкретная неповторимая личность.

Экзистенция — это не сущность человека, ибо последняя означает нечто определенное, заранее данное, а напротив, □ «открытая возможность». Вместе с тем Кьеркетор обращал пристальное внимание на неустойчивость человеческого бытия, его обреченность на смерть, фиксируя это в понятии «страх», «сомнение», «трепет». Чрезвычайно сложная и полная противоречий человеческая жизнь не поддается, по мнению экзистенциалистов, определению усилиями рассудка.

Крупнейшим экзистенциалистским романом Уилсона был и остается роман «Паразиты сознания» (1967), вышедший незадолго до «Философского камня». По форме это произведение можно причислить к жанру научной фантастики: именно так и воспринимают книгу до сих пор многие ее читатели. Вместе с тем значение «Паразитов сознания» выходит далеко за пределы этого вида литературы, хотя Уилсон и пользовался его приемами и структурами. Приемы и мотивы научной фантастики не могут затушевать глубокий философский смысл изображаемого в этом непростом и насыщенном произведении.

В сложной ткани романа, действие которого происходит на рубеже XX и XXI столетий, главная тема — борьба археолога Остина и группы высокопросвещенных и смелых ученых с загадочными существами, проникающими в мозг человека, паразитирующими на нем и доводящими сотни людей до самоубийств, причина которых никому не понятна. «Паразиты» мирятся со всем застойным и рутинным, но преследуют тех, кто творчески и смело мыслит, они мешают человеку в его движении вперед, порождают страшное общественное зло, разрушительные войны и, в конечном итоге, преждевременную смерть людей. Понятно, что

«паразиты» — лишь символические существа. Борьба с ними рисуется как необыкновенно трудная, почти невозможная для людей слабых. Победить вампиров человеку очень трудно, поскольку он находится под сокрушительной властью инерции, умственной лени и непреодолимой привычки: «Когда наш мозг «свеж», не охвачен сонливостью и полон активности, сила его огромна. Но сила эта ослабевает, когда человек попадает под власть ежедневной рутины. Впервые мысль о создании романа о силах, мешающих человеку «парить в небе, подобно птице», появилась, когда Уилсон создавал «Введение в Новый экзистенциализм». Там он писал: «Может показаться, что существует какая-то таинственная сила, которая сдерживает человека, мешает ему полностью овладеть своими возможностями. Иногда, кажется, что внутри самого человека гнездятся невидимые существа, задача которых — помешать ему ощутить свою свободу. Если бы человек мог полностью осознать наличие этого врага в своем собственном сознании и направить на него всю батарею своего внимания, вопрос был бы решен — началась бы новая ступень в эволюции человека — фаза подлинно человеческого».

«Человек — это целый континент, но его самосознание не больше, чем садовая полоска при доме», — излагает Уилсон сходные мысли уже в романе. «Это вызвано тем, — продолжает он, желая точнее передать свой замысел, — что человек почти целиком состоит из неосуществленных возможностей. Люди, которых называют великими, это те, у которых хватило мужества реализовать хотя бы некоторые из своих возможностей. Так называемый «средний человек» слишком робок, чтобы сделать попытку себя проявить. Он предпочитает уют садовой полоски при доме».

Познать мир и себя — главная задача человека, и она осуществима, подчеркивает Уилсон: «Ведь главная беда в том, что мы все прикованы к сегодняшнему дню. Мы поступаем как машины, и наша свободная воля минимальна... у нас гораздо меньше силы воли, чем мы думаем. А не иметь воли — это не иметь свободы. Нами управляет привычка. Наше тело как робот, который выполняет то, что выполнял вчера или за последний миллион лет» [5. С.33].

Из всех этих размышлений писателя очевидно, что задача его — заставить читателя взглянуть в будущее, а будущее, в его понимании, — лучезарное существование людей, освобожденных от сил инерции, которые символизируют «паразиты сознания». Главная сила романа — в теме борьбы человека против собственной неполноценности, борьбы с обыденщиной и обывательщиной, убивающими в нем инициативу к деятельности, творческие порывы. Именно эта тема обеспечивает «Паразитам сознания» право на долгие годы жизни, определяет его значение по сравнению со многими другими произведениями писателя.

Философская концепция, которую К. Уилсон иллюстрирует на страницах этой книги, отмечена несомненным гуманизмом, верой в человека, его высокое предназначение во вселенной, в его безграничные возможности, прежде всего возможности мозга, и связанные с ними перспективы его дальнейшей эволюции. Оптимистический взгляд автора на историю человечества и смысл существования, его мироутверждающие установки противоречат философскому пессимизму и негативной концепции самоуничтожения человеческой цивилизации, получившее широкое распространение на Западе, особенно после второй мировой войны. Колин Уилсон писал о проблемах человеческого существования, имея в виду и человека XX века и человека вообще. Учитывая фактор среды, класса, исторического времени, писатель говорил о натуре человека и натуре как природе с точки зрения вневременности.

Писатель учитывает и сложность ситуации в послевоенном мире (на это указывает изображенный им вариант скатывания человечества к непосредственной угрозе термоядерного конфликта), и несовершенство человеческой природы. Писатель не признает неизбежности новой мировой войны, неотвратимости всеобщей гибели, делающей всю историю человечества бессмысленной прелюдией к тотальному концу, писатель верит в силы добра и прогресса. Поскольку в романе речь идет о развитии человеческого сознания, естественно, что автор сосредоточивает внимание на духовной, интеллектуальной сфере жизни человека, т.е. в соответствии со своим замыслом делает идеальное, духовное главным предметом своего повество-

вания и в известной мере пренебрегает материальной стороной жизни.

Писатель считает, что важнейшая задача человека — понять свою двойственность. У К. Уилсона основной силой, препятствующей нравственному прогрессу, выступает незнание человеком себя. Неспособность увидеть в себе и добро, и зло ведёт к отсутствию личной морали, нравственных критериев, идущих изнутри. Люди и сами оказываются жертвами неспособности понять собственную природу и вырастающую на её основе диалектику прогресса. Писатель считает, что человек ошибочно относится к миру природы, не зная собственной природы, из-за узости сознания. Критерием героя становится у Уилсона нравственная личность.

В своём романе «Паразиты сознания» писатель пишет: «... создавая роман, я стараюсь передать в нём всю глубину содержания, не упуская в то же время из виду необходимость развлекать читателя» [5. С.128]. Через глубокое чувство одиночества, отрешённости и отверженности в этом мире хаоса и абсурда, к свободе личного выбора и ответственности за поступки себе подобных — таков путь К. Уилсо-

на. Уилсон, прежде всего, шёл от Сартра и Камю, в переломные периоды переосмысливая свою концепцию, наполняясь новыми художественными идеями. В отличие от других писателей-экзистенциалистов, произведениям которых присущи пессимизм и скептицизм, К. Уилсон в последний период своего творчества пришёл к выводу, что возможности разума поистине безграничны, а, осваивая природу, человек завоёвывает и новые рубежи в собственном развитии.

Список литературы

1. *Ивашева В.В.* Современная английская литература. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. 123 с.
2. *Корнилова Е.В.* Современная художественная литература Англии. М.: Прогресс, 1960. 342 с.
3. *Лега В.П.* История философии. М.: Искусство, 1991. 355 с.
4. *Михайловский Л.Г., Засурский Я.Н.* История зарубежной литературы 20-го века. М.: Прспект, 2003. 544 с.
4. *Уилсон К.* Паразиты сознания. Киев: София, 1994. 320 с.

PECULIARITIES OF A GENRE OF EXISTENTIALISTIC NOVEL IN ENGLISH LITERATURE

Khuraman I. Aliyeva

Azerbaijan University of Languages, Baku

The article is devoted to the peculiarities of a genre of existentialistic novel in English literature. One of the main representatives was the writer and philosopher Colin Wilson. C. Wilson speaks about new understanding of freedom which consists of expansion and deepening of consciousness by various methods of psychoanalysis, psychotherapy and meditation.

Key words: existentialism; writer; book; novel; philosophy.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.97+616.8

ASSESSMENT AND TREATMENT OF DYSLEXIA*Evelin Witruk*

This article will overview the current state-of-the-art of the different methods of assessment and treatment of dyslexia. On the basis of the modification and extension of the multilevel model of Valtin (1989, modified by Witruk, 1993b) the methods were discussed regarding their main aims. Assessment and treatment methods were described regarding the primary causes (biological risk factors), secondary causes (partial performance deficits), primary symptoms (reading and writing failures) and regarding the secondary symptoms (emotional and behavioural disorders).

Key words: Multilevel model of dyslexia; magnocellular deficit; partial performance deficit; working memory; complex training programme.

1. Definitions

The history of the dyslexia research is controversial and led to many contradictory theories and results up to the present day. It is now just over 110 years since Morgan (1896) first published his famous account of Percy, a dyslexic boy of 14 years. The state-of-the-art of dyslexia research can be characterised by the distinction of scientists in groups of protagonists of a visual versus a phonological/auditory deficit on the one hand and in groups of protagonists of a low, basic level versus a higher level deficit on the other hand. A lot of opposite results and theories lead to the question about the specificity and homogeneity of different deficits in dyslexic individuals. The model of Habib (2000) gives an integration of perceptive and cognitive deficits on the basis of a common temporal processing deficit, which can be analysed on a low, basic level and/or on a higher complex level of performance. The individual combination of partial deficits on the low and the higher level produces the specificity of the symptoms.

Dyslexia is defined by the World Health Organisation (WHO) as a restricted developmental disorder in the acquisition of reading often

connected with a disorder in acquisition of writing. These disorders are usually contrasted by the better, normal or over-averaged intelligence. During the last century hundreds of scientists searched the specific sources of these disabilities. A lot of opposite results lead to the question about the dyslexia specificity and subtype specificity of deficits. The different prevalence rates of dyslexia in the world varied from 1 % in Scandinavian countries, 2 % around the region of Beijing, 3-5% in Germany, 8-10 % in UK and USA lead to the question of the cultural/language impact on the development of dyslexia. The relation of boys to girls is about 4:1.

2. The multilevel model of dyslexia

The multilevel model of dyslexia calls for two causal and two symptomatic levels which are superimposed in time, with one flowing from and having repercussions on the others (cf. Table 1).

On the level of primary causes, it is assumed that there exist biological risk factors interacting with environmental stressors and believed to express themselves in functional and structural neuro-anatomical characteristics of dyslexic individuals. The intervention on this level can aim

at the compensation or at the restoration of these biological risk factors.

On the one hand, the secondary causes that grow out of the primary ones refer to partial performance deficits in the fields of visual and auditory perception, motor patterns and long-term and working memory. Here, the treatment involves a functional training, which is highly selected in the main imported deficit function and assumes a generalisation and stabilisation of the complex action system of reading and writing. In principle, the cause levels can be identified even before such children start formal education.

Table 1. Multilevel model (developed by Valtin, 1989, modified by Witruk, 1993b)

		Assessment	Treatment
Causes	Primary	Biological risk factors	Compensatory training
	Secondary	Partial performance deficit	Training of basic functions
Symptoms	Primary	Reading and writing tests	Rehabilitative exercises of reading and writing
	Secondary	Personality questionnaire, observation	Complex training, Psychotherapy

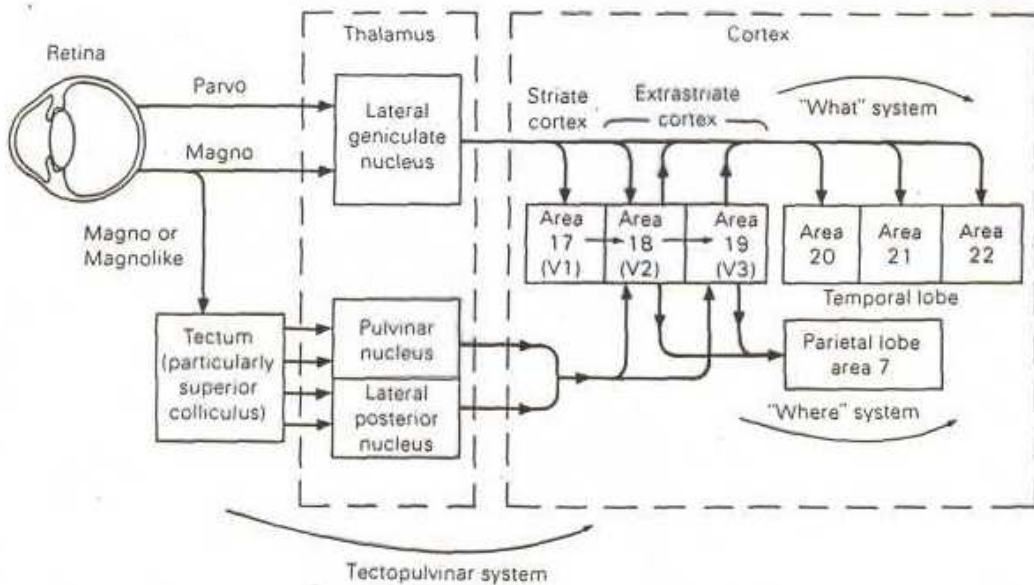

Fig. 1. Schematic figure of the visual system

On the other hand, primary symptoms can be detected only in the specificity of failures in reading and orthography, for example on the basis of error, time and eye movement analyses. In time, these latent failures and the responses from these children`s environment lead to a vicious circle of secondary symptoms made up of the four stages of anxiety, blocking, avoidance, compensation and lowering of motivation, as described by Betz and Breuninger (1982). These effects underscore the existential observational relevance of written language and the consequences of its impairments. Secondary symptoms may have repercussions on primary symptoms and on such causes as

destabilisation and blocking, though there has hardly been any research on this yet.

Thus, the psychopathology of dyslexia provides some clues about possible working memory deficits and the way they must be integrated into a person`s overall pattern of disability. Let us now examine, with the help of a demand-related information processing approach, the relevancy of working memory to the regulation of our behaviour.

3. Assessment and treatment regarding primary causes

The genetic basis of dyslexia was discussed by the familial clustering and the concordance between parents and children (44 % in Schulte-Koerne et al., 1998) and between monozygotic twins (90 %) in comparison to dizygotic twins (32 %). The primary reasons of dyslexia seem to be represented in genetic anomalies on the chromosomes 6 and 15 (Wilcke & Boltze, 2010).

The most spectacular evidence on the international research area has been presented by Galaburda and Livingstone (1993). They compared brain sections of 5 dead dyslexic adults with those

of 7 healthy individuals of comparable age and occupations. When they compared these brains of each group, they detected disorganised magnocellular layers in the dyslexic geniculate laterale with smaller cells which seemed highly variable in size and shape. By contrast, they found no peculiarities in the parvocellular layers, which are mainly responsible for colour perception, while the magnocellular layers are responsible for contrast perception and hence the recognition of script (see Figure 1, 2a and 2b).

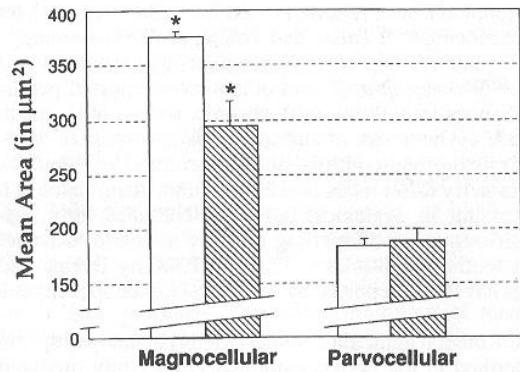
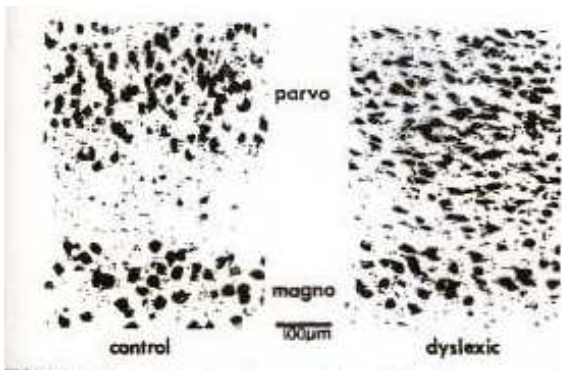

Fig. 2a and 2b. Significant smaller magnocells in dyslexic adults but the same size of parvocells (Galaburda & Livingstone, 1993)

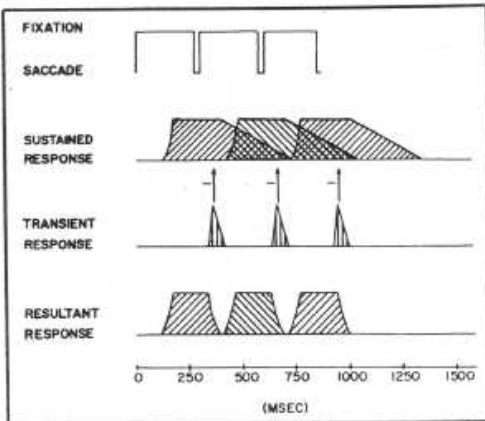

Fig. 3a

Details concerning the Breitmeyer effect are shown in Figure 3a and 3b.

Regarding the magnocellular deficit hypothesis of dyslexia positive and negative evidence was presented. Our research included the interaction

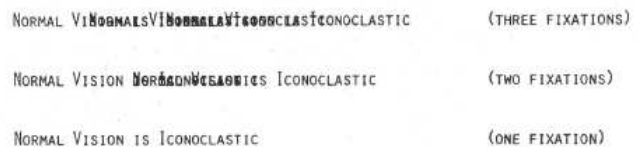

Fig. 3b

Fig. 3a. The Breitmeyer effect — interaction effect between the parvo- and magno-system in the visual system [Note: Sustained Response = Parvo System (P); Transient Response = Magno System (M)].

Figure 3b. The overlapping/smearing effect as a result of the Breitmeyer effect.

hypotheses of the magno- and the parvocellular systems measured by the visible persistence duration.

Visible persistence is one of the effects of the early or low level visual processing. Impairments

of the early visual functions in dyslexics have been found with a variety of tasks, in particular with tasks involving dynamic stimuli like flicker fusion tasks and coherent, apparent and real motion perception tasks. Lower temporal and spatial contrast sensitivity and longer duration of visible persistence as deficits in dyslexics could be shown, which are linked to abnormalities in the magnocellular pathway. This weakness in the transient system was investigated in its direct impact on the temporal processing of information by Galaburda and Livingstone (1993), Stein and Walsh (1997), Eden (1996). For example Chase and Jenner (1993) found only deficits in contrast fusion tasks, but not in colour fusion tasks in dyslexics. Another group of authors explain the indirect impact on the impairment of the interactions between the magnocellular, parvocellular and the koniocellular pathways, which are investigated only for the both first by Breitmeyer and Ritter (1986) and Slaghuis et al. (1996). A new approach to the magnocellular deficit is linked to the concept of attention spotlight. Vidyasagar and Pammer (1999) proposed how magnocellular input may be vital for controlling sequential attention during reading by a magnocellular mediated feedback input to the striate cortex. Some studies can not verify the magnocellular/transient deficit theory, for example Walther-Müller (1995), Gross-Glenn et al. (1995) or can show that the presence of a magnocellular deficit depends on the type of dyslexia, for example Spinelli et al. (1997).

Some studies are based on the assumption of a deficit in the interaction of the magno- and parvocellular pathways in dyslexia and its consequences for the visible persistence as an effect of early visual functions. Visible persistence may be defined as any continued visible response to a stimulus after stimulus offset that is phenomenally indistinguishable from that occurring during the actual presence of the stimulus (Haber and Standing, 1970). In this sense visible persistence is the amount of time for which a visual stimulus continues to be seen after it has been terminated. Breitmeyer and Ritter (1986) and Lovegrove (1996) suggested that after a saccade has been made from one fixation point to another, magno/transient channels inhibit parvo/sustain

channels so that the previously fixated stimulus does not remain visible and mask the next stimulus which is fixated. Such masking would interfere with reading. When dyslexics' eyes move across a line, the high visible persistence masks the currently fixated text and makes it difficult to identify letters or words. Therefore the visual deficit can be explained on the basis of this theory as an inadequate inhibition of the parvocellular system by the magnocellular system. Studies of Lovegrove (1996), Slaghuis et al. (1996), Slaghuis and Ryan (1999) show an increased duration of visible persistence in dyslexics in comparison to normal readers. The authors explain the longer duration of visible persistence in dyslexia as a consequence of a disorder in transient channel inhibition of sustained channels. Cestnick and Coltheart (1999) could find no group and no subtype effect, but Slaghuis and Ryan (1999) could show a significant subtype effect of an increased visible persistence in dyslexics.

In our experiments the role of visible persistence in dyslexia as a biological factor, which is cultural independent, was investigated by using the Ternus apparent movement tasks, which are used as a measure of duration of the visible persistence and as an index of the integrity of functioning of sustained and transient channels in dyslexia. Only in one of three subtypes of dyslexia we could find a significant increased visible persistence as a biological risk factor for the "smear over effect", which was first found by Breitmeyer and Ritter (1986).

A very strong other assumption has been developed during the last twenty years about the hemispheric co-ordination deficit in dyslexia. Research by Larsen, Hoiem, Lundberg and Odegaard (1990) pointed to symmetric patterns of the left and right Planum Temporale in 15-year-old dyslexic children, who also had phonological deficits and who were either left-handed or both left- and right-handed somewhat more frequently than a control group. For the diagnostics it is possible to estimate the hemispheric co-ordination and dominance relation by the Hand Dominance Test (HDT) developed by Lienert (1976).

An additional biological basis of dyslexia was found by Robinson (2001) regarding an immune system dysfunction in the visual deficit subtype of

dyslexia, indicating differences in connective tissue turnover due to infection or stress, which can cause a macular degeneration of the eye.

Examples of *treatment methods* regarding primary reasons are the following ones:

- Coloured glasses, transparencies and coloured paper of books should reduce the contrast and therefore the magnocellular activation. A compensation of the magnocellular deficit is expected.
- Reading windows should reduce the Breitmeyer- or “smear over effect”.
- Prism glasses were developed for the stabilisation of the fixation point on the line.
- The cinesiological training like the “Brain Gym” program from Dennison and Dennison (1991) is based on the assumption of a hemispherical co-ordination deficit and wants to activate both hemispheres in the same time by special body exercises (e.g. symmetrical and cross-middle movements of the arms and legs).
- Dietary intervention, targeting specific biochemical anomalies were also investigated as a feasible treatment option.

4. Assessment and treatment regarding secondary causes — Partial performance deficits

The secondary causes of dyslexia were proofed in partial deficits in basic functions and not in complex actions of reading and writing. In principle, primary and secondary causes can be identified even before such children start formal education. Intervention and prevention can therefore also start before. Partial deficits can involve auditory and/or visual perception, tactile perception, working memory, long-term memory, motor functions and integration functions (Figure 4).

Partial deficits are related to basic functions, which are preconditions for higher complex activities like language, reading and writing (Figure 5).

The results regarding the deficits of auditory or phonological working memory seem to be present with relatively high consistency (Witruk & Ho, 2010). Deficits of visual working memory appear to depend strongly on the types of material used.

Studies in which visual but nameable stimuli were used could be related to phonological decoding and to the phonological loop. The lower automation of Central Executive processes in dyslexics can be verified.

4.1. Working memory in dyslexia

Impairment of working memory performance in dyslexic children and adults has been found for visual and auditory presentation of stimuli with different paradigms and types of material.

4.1.1. Visual working memory in dyslexia

Regarding deficits in visual working memory, several results are available. So and Siegel (1997) found deficits for Chinese poor readers in visual working memory tasks (free visual reproduction of character lists with and without phonological, visual and semantic similarities). Ho and Bryant (1997) have reported that early visual memory skills are predictive of later reading performance in Chinese. Recent findings of Ho and her colleagues (2002, 2004, 2006) also suggest that the major difficulties of Chinese dyslexic children lie in visual-orthographic processing while some dyslexic children have difficulties in visual motion perception.

Ellis (1981) reported four visual matching experiments based on the Posner Paradigm with different material in which he was not able to find deficits for dyslexics if the two stimuli were not nameable. Significant deficits for dyslexics were shown if the visual stimuli were phonologically similar letters. He interpreted these results as naming deficits. Vellutino’s findings (1987) also speak against a general deficit of the visual working memory. His dyslexic children were able to reproduce unknown Hebrew words and letters just as well as normal reading children. If the word list was in English, the dyslexic children performed significantly poorer than the control group. Vellutino’s interpretation refers to a deficit of dyslexics during storage and recall of linguistic information. Likewise Barnea, Lamm, Epstein, and Pratt (1994) mainly found deficits for Hebrew speaking dyslexic children with series of lexical and visual stimuli.

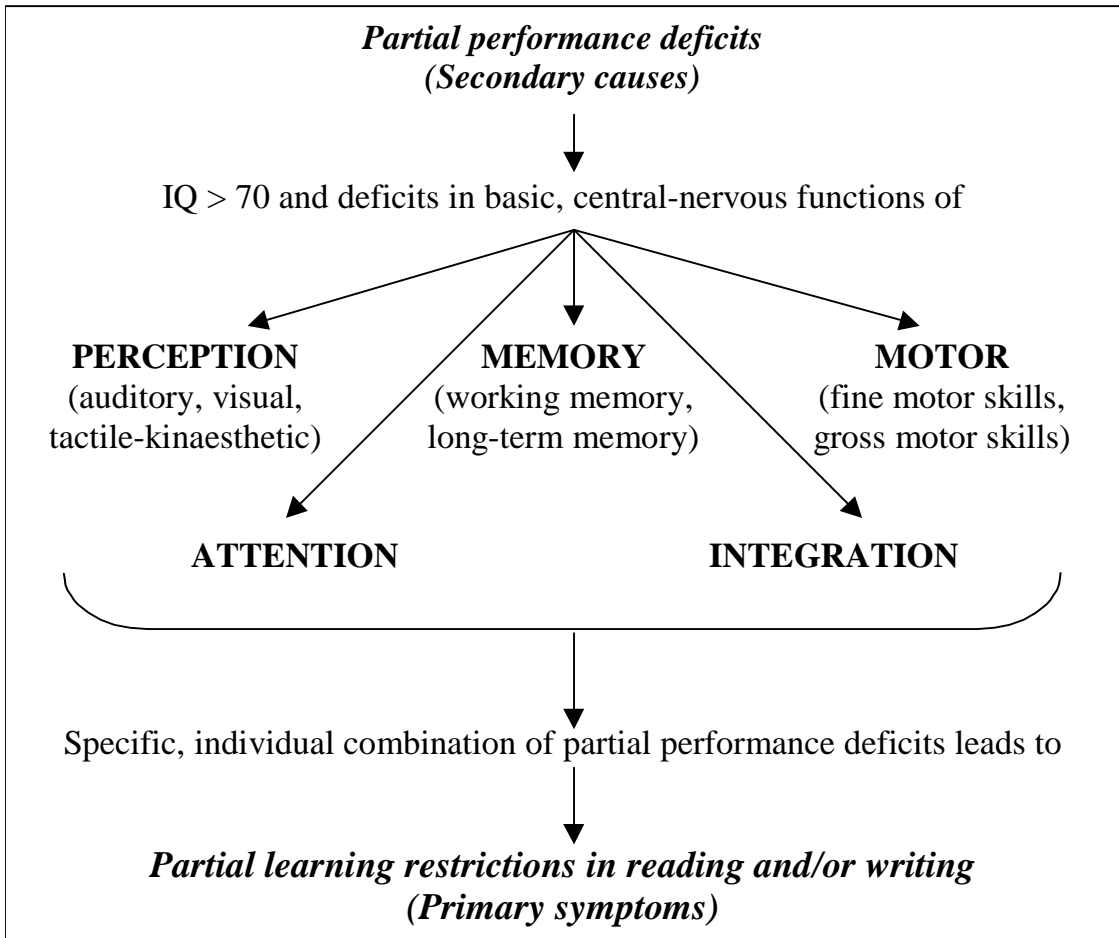

Fig. 4. Partial performance deficits

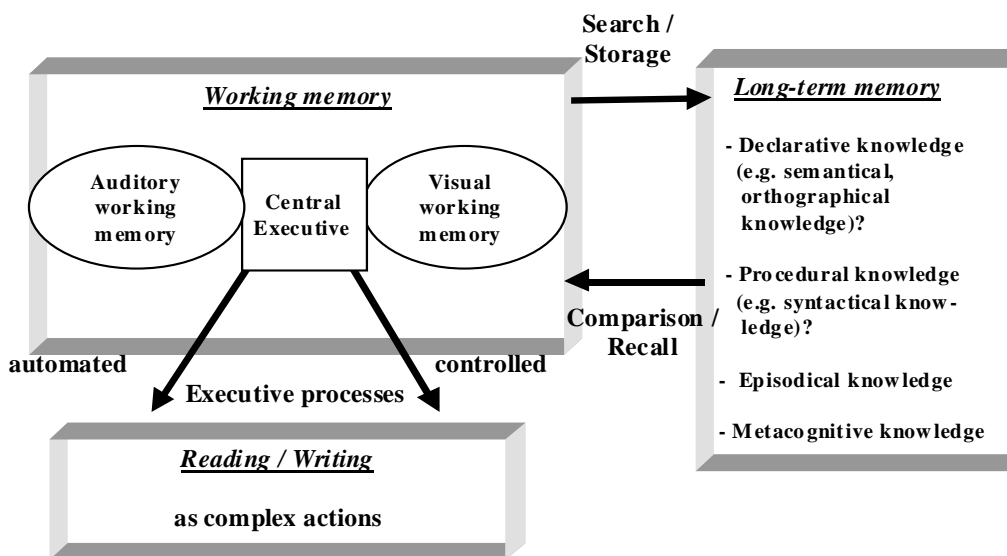

Fig. 5. Working memory functions during reading and writing (Witruk, 2003)

Using visual matching tasks, Willows, Kruk, and Corcos (1993) found deficits of dyslexic children with letters from the — to them unknown — Hebrew alphabet. These deficits in accuracy and speed were stronger in 6-year-old children than in 8-year-olds.

Compensation effects for deficits of visual working memory were shown in a study by Witruk and Rosendahl (1999) for visual matching tasks and visual serial recall tasks. For these visual working memory tasks they found significant adaptations towards the control group in a longitudinal and cross-sectional comparison between 7- and 9-year-old dyslexic children. For visual matching tasks Witruk (1993a, 1999) and Witruk, Ho and Schuster (2002) found a material-specific, nongeneral deficit in dyslexic children. For the accuracy parameter, significantly higher error rates were observed for dyslexic children with letters and dot patterns but not with line patterns.

4.1.2. Auditory working memory in dyslexia

The current discussion explores whether the reading and spelling difficulties of dyslexic children are based on auditory working memory deficits or on specific phonological working memory deficits with linguistic material like phonemes, syllables or words. Some studies show that the dyslexia deficit is based on the auditory field in general and also involves phonology. For example, Lachmann (2007) found a lower Mismatch Negativity in dyslexic children in comparison to nondyslexic children for linguistic stimuli but also for tone series. Mismatch Negativity represents auditory perception, discrimination, and memory processes on different levels (prior to semantic representations). Measured as a component of an acoustical evoked potential, it represents vast pre-attentional stimulus discrimination and memory comparisons. Auditory working memory deficits for nonlinguistic material were also found by Fischer (2007) for tone pairs, by Helenius, Uutela and Hari (1999) and, Hari and Renvall (2001) for tone series. Schulte-Koerne (2001) found that a smaller value of the Mismatch Negativity occurs in German dyslexic children compared to nondyslexic children for the passive perception, discrimination and memory

comparison of verbal stimuli but not for nonverbal, auditory stimuli (sine tones).

Regarding the deficits of phonological working memory, research evidence has been more convergent. The most often used paradigm is the so-called memory span for numbers, words, and pseudowords. Deficits in phonological abilities and of phonological working memory in dyslexic Canadian children are described by Siegel and Linder (1984). Ho, Law and Ng (2000) and Ho and Lai (1999) were able to validate these phonological deficits in Chinese dyslexic children. According to Everatt, Groeger, Smythe, Baalam, Richardson, and McNamara (2001), phonological working memory deficits on sequential information (such as in digit span tasks) could be the root-cause of some other deficits and are evident across child and adult populations.

Gathercole and Baddeley (1993) found delays of development regarding articulation speed, rehearsal of nonwords, and memory span for words in 8-, 11- and 15-year-old dyslexic children. Phonological deficits which were found in 8- and 11-year-old dyslexic children were not found in 15-year-old dyslexic children. Thus, with regard to phonological working memory, one can call it a later onset in the tendency of compensation. Gathercole, Alloway, Willis and Adams (2006) found that phonological working memory skills represent an important constraint on the acquisition of skills and knowledge in reading and mathematics.

4.2. Central Executive functions in dyslexia

Proof of deficits in dyslexics in relation to Central Executive functions were found only in a few investigations. Schneider (2001) reported a stronger activation of the frontal lobe in dyslexic children during mental rotation and sound connecting tasks. She interpreted these results as a stronger involvement of the Central Executive in dyslexic children on the basis of an inefficient automation. The tasks used by Siegel and Ryan (1989) involved executive functions during word recognition after sentence completion and counting. They found generalized working memory deficits in dyslexic children (age 7-13), while children with arithmetic deficits had only a deficit in processing numerical information.

4.3. Intervention regarding secondary causes

- Tachistoscopic visual perception training (Gutezeit, 1977) is based on a very short presentation (0.5 sec.) of single words and word groups, which can be repeated until the child or the children group can read or write

them. The training can be realized by an overhead projector or by a PC with LCD projector. Gutezeit has evaluated this training for dyslexic children of the 3rd grade and found significant improvements of the reading and writing performance.

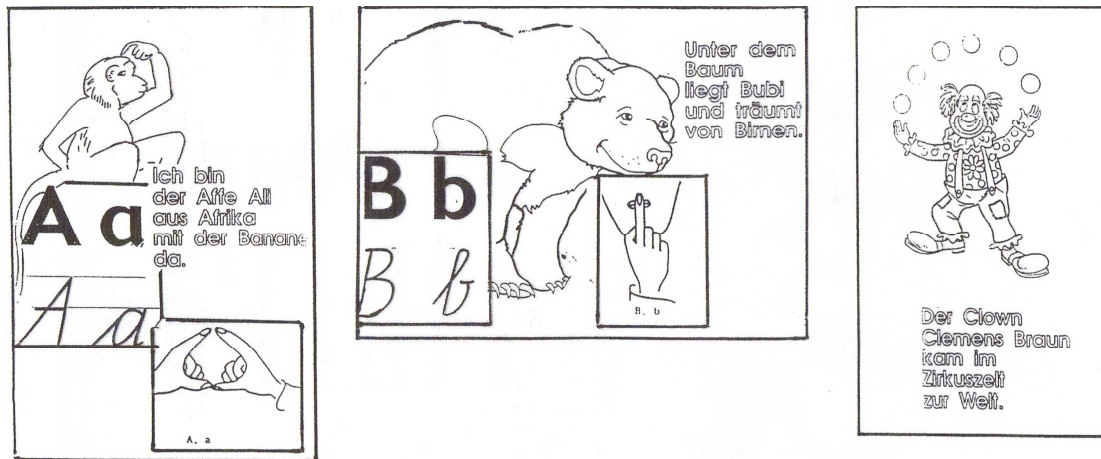

Fig. 6. Special learning material in the rehabilitative classes

- Working memory training (Witruk, 2003)
- Visual perception training (Frostig, 1974)
- Training of auditory functions (Warnke, 1998)
- Training of integration functions (Karma, 2003)

5. Assessment and treatment of primary symptoms — Failures in reading and writing

The diagnostic criteria in the ICD 10 are based on the analysis of failures in reading and writing in comparison to a better intelligence. This discrepancy between the IQ and reading and writing performance is the basic assumption. Sometimes this discrepancy is quantified. The typical errors in reading and writing are:

- Loss of letters, word parts, whole words,
- Reversal errors of letters or mirror errors (like “u” and “n”, “b” and “d”),
- Adding of letters, word parts or whole words,
- Low reading speed,
- Low level of reading understanding.

5.1. Assessment of primary symptoms

For the assessment of the primary symptoms it is necessary:

Fig. 7. Reading exercise for dyslexic children “Which letter is in which picture?” (von Maydell & Vogel, 1977)

- to measure the reading performance with a reading test (for example the Zurich Reading Test (ZRT) from Linder and Grisseemann, 2000),
- to measure the writing performance with a writing test (for example the Westermann writing test (WRT 6+) from Rathenow, Vöge and Laupenmühlen, 1980),

- to use a combined reading and writing test like the Salzburg reading and writing test (SLRT) from Landerl, Wimmer, & Moser (1997) and
- for the proof of the discrepancy to use an intelligence test like the Cultural Fair Test (CFT) from Weiss (1987).

5.2. Intervention regarding primary symptoms

- Special rehabilitative classes (2nd and 3rd grade) offer particular didactics developed by Weigt (1994) with script oriented playing therapy, with additional supporting hand signals, graphical signs for peculiarities of orthography and with a morphemic rule system for the better understanding of the construction of the German script. These special rehabilitative classes were evaluated by Witruk (1993b). A very good impact on the school

career and the personality development of the dyslexic children could be found.

- Reading and writing learning institutes offer special didactics.

6. Assessment and treatment of secondary symptoms

Secondary symptoms can be developed in dependence on the feedback of the environment. The interactive behaviour of parents, peers and teachers with the dyslexic child has a high relevance for its self-esteem. The labilisation and the decrease of the self-esteem are the beginning of the development of emotional and behavioural disorders.

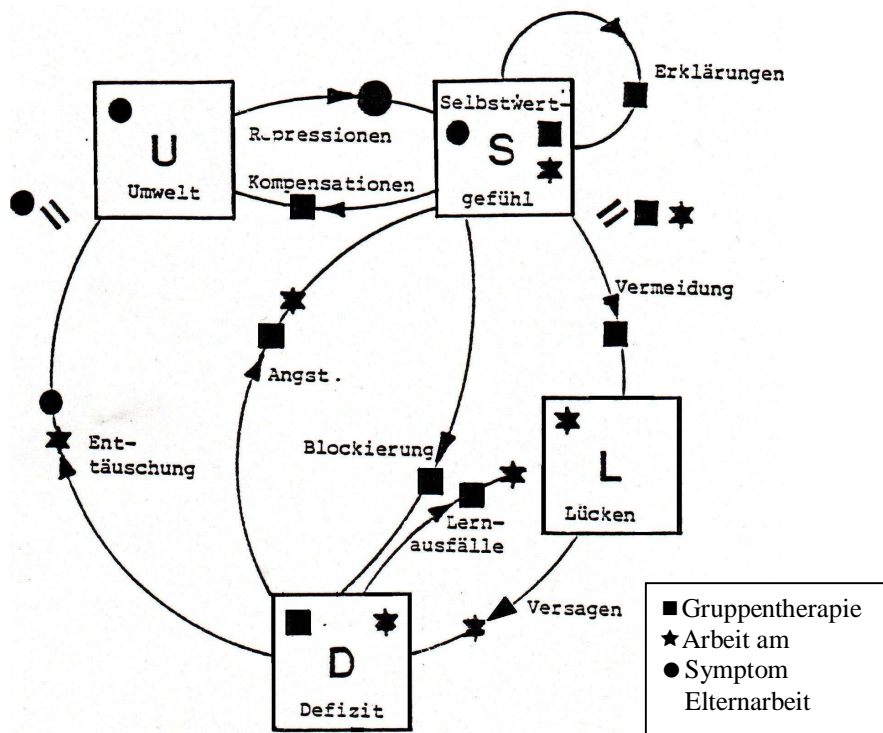

Fig. 8. Complex training programme developed by Betz and Breuninger (1982)

Betz and Breuninger (1982) describe four stages of the development of emotional and behavioural disorders:

1. After the first weeks in school negative attributions (of the failures) developed by the child and by the environment are starting. The first supporting activities by the parents will be experienced by the child as repression.

2. The dyslexic child tries to get success by the producing of compensating behaviour like clownery, violent behaviour or stealing presents for peers. But often the environment can not accept this behaviour and punishes it.
3. In the third stage the anxiety increases and leads to avoidance behaviour like absence

from school, blocking and avoidance of reading and writing demands.

4. In the fourth stage these disordered emotions and behaviour will be stabilized by the decrease of motivation, disidentification and the misunderstanding of the environment (for example the mistrust of parents in cases of successful performance of the child).

If a dyslexic child has reached this fourth stage it is not possible to exercise reading and writing but it is necessary to reduce the disordered behaviour and the anxiety and to stabilize its self-esteem. That means a psychotherapy or a complex program including the parents are strongly recommended.

Intervention regarding secondary symptoms

- The complex training programme developed by Betz and Breuninger (1982) is integrating three modules:
 1. Group psychotherapy with children differentiated in children with high anxiety and children with violent behaviour,
 2. Parent working meetings with psycho-education, exchange of experiences and information about the progress of the intervention,
 3. Training of the orthography by using special didactics of success (for example exercise by self-control system, optimization of the learning organization, registration of correct responses — not of errors — in the dictate).
- Single- or group psychotherapy of the dyslexic child (client-centred, non-directive psychotherapy, behaviour therapy or psychoanalyses) or systemic therapy are integrating the whole family.

References

1. Barnea A., Lamm O., Epstein R., & Pratt H. Brain potentials from dyslexic children recorded during short-term memory tasks// *International Journal of Neuroscienc.*1994. V. 74, P. 227-237.
2. Betz D., & Breuninger H. *Teufelskreis Lernstörung.* München: PVU.1982.
3. Breitmeyer B. G., & Ritter A. Visual persistence and the effect of eccentric viewing, element size, and frame duration on bistable stroboscopic motion percepts// *Perception & Psychophysics.* 1986. V.39 (4). P. 275-280.
4. Chase C., & Jenner A. R. Magnocellular visual deficits affect temporal processing of dyslexies. In P. Tallal, A. M. Galaburda, R. R. Llinás, & C. von Euler (Eds.), *Temporal Information Processing in the Nervous System: Special Reference to Dyslexia and Dysphasia//Annals of the New York Academy of Sciences.* Vol. 682, New York.1993.P.326-329.
5. Cestnick L., & Coltheart M. The relationship between language processing and visual processing in developmental dyslexia// *Cognition.* 1999.V. 30, 71(3).P. 231-55.
6. Dennison P. E., & Dennison G. *Lehrerhandbuch Brain-Gym.* Freiburg. 1991.
7. Eden G. Verbal and visual problems in reading disability// *Journal of Learning Disabilitie.*1996.V. 29 (1). P. 5-6, 16.
8. Ellis N. Visual and name coding in dyslexic children// *Psychological Research.*1981.V. 43.P. 201-218.
9. Everatt J., Groeger J., Smythe I., Balaam S., Richardson J., & McNamara S. Dyslexia and deficits in short-term memory: phonological versus sequential explanations. Abstract on 5th BDA International Conference. York, 2001.
10. Fischer B. Studien zur sprachfreien auditiven Differenzierung bei Legasthenie// *Forum Logopädie.*2007.V. 3(21).P. 30-35.
11. Frostig M. *Visuelle Wahrnehmungsförderung. Übungs- und Beobachtungsfolge für den Elementar- und Primarbereich. Anweisungsheft und Heft 1 — 3.* (für deutsche Verhältnisse bearbeitet und herausgegeben von Anton und Erika Reinartz). Hannover: Schroedel, 1974.
12. Galaburda A.M., & Livingstone M. Evidence for a Magnocellular Defect in Developmental Dyslexia. In P. Tallal, A. M. Galaburda, R. R. Llinás, & C. von Euler (Eds.) *Temporal Information Processing in the Nervous System: Special Reference to Dyslexia and Dysphasia.* Annals of the New York Academy of Sciences. New York: The New York Academy of Sciences. 1993.V. 682. P.70-82.
13. Gathercole S. E., Alloway T. P., Willis C. S., & Adams A. M. Working memory in children with reading disabilities// *Journal of Experimental Child Psychology.*2006.V. 93. P. 265-281.
14. Gathercole S. E., & BaddeleyA. D. *Working memory and language.* East Sussex, Hove: Lawrence Erlbaum Associates Ltd,1993.
15. Gross-Glenn K., Skottun B. C., Glenn W., Kushch A., Lingua R., Dunbar M., Jallad B., Lubs H. A., Levin B., Rabin M., Parke L. A., & Duara R. Contrast sensitivity in dyslexia// *Visual Neuroscience.*1995.V. 12. P. 153-163.
16. Gutezeit G. *Projektionstachistoskopisches Übungsprogramm für lese-rechtschreibschwache*

- Schüler. Göttingen: Hogrefe, 1977.
17. *Haber R. N., & Standing L. G.* Direct estimates of apparent duration of a flash followed by a visual noise// *Canadian Journal of Psychology*.1970.V. 24.P. 216-229.
 18. *Habib M.* The neurological basis of developmental dyslexia: An overview and working hypothesis// *Brain*.2000.V. 123 (12). P. 2373-2399.
 19. *Hari R., & Renvall H.* Impaired processing of rapid stimulus sequences in dyslexia// *Trends in Cognitive Science*. 2001.V. 5.P. 525–532.
 20. *Helenius P., Uutela K., & Hari R.* Auditory stream segregation in dyslexic adults// *Brain*.1999.V. 122.P. 907-913.
 21. *Ho C. S.-H., & Bryant P.* Learning to read Chinese beyond the logographic phase// *Reading Research Quarterly*.1997.V. 32.P. 276-289.
 22. *Ho C. S.-H., & Lai D. N.-C.* Naming-speed deficits and phonological memory deficits in Chinese developmental dyslexia// *Learning and Individual Differences*.1999.V. 11.P. 173-186.
 23. *Ho C. S.-H., Law T. P., & Ng P. M.* The phonological deficit hypothesis in Chinese developmental dyslexia. *Reading and Writing: An Interdisciplinary Journal*. 2000.V.13.P. 57-79.
 24. *Ho C. S.-H., Chan D. W.-O., Tsang S.-M., & Lee S.-H.* The cognitive profile and multiple-deficit hypothesis in Chinese developmental dyslexia// *Developmental Psychology*.2002.V. 38 (4).P. 543-553.
 25. *Ho C. S.-H., Chan D. W.-O., Lee S.-H., Tsang S.-M., & Luan V. H.* Cognitive Profiling and preliminary subtyping in Chinese developmental dyslexia// *Cognition*.2004.V. 91. P. 43-75.
 26. *Ho C. S.-H., Chan D. W.-O., Tsang S.-M., Lee S.-H., & Chung K. K. H.* Word learning deficit among Chinese dyslexic children // *Journal of Child Language*.2006.V. 33. P. 145-161.
 27. *Karma K.* AUDILEX 2.0 (Deutsche Bearbeitung von Bernd Richter). Helsinki: Comp-Aid Ltd, 2003.
 28. *Lachmann T.* Basic determinants of specific learning disabilities in reading: Experimental exploration of component functions in reading and of deficits in their coordination. Kaiserslautern: Verlag der Universität Kaiserslautern, 2007.
 29. *Landerl K., Wimmer H., & Moser E.* Salzburger Lese- und Rechtschreibtest (SLRT; 1. Auflage). Göttingen: Hogrefe, 1997.
 30. *Larsen J. P., Høien T., Lundberg I., & Odegaard H.* MRI evaluation of the size and symmetry of the planum temporale in adolescents with developmental dyslexia// *Brain and Language*.1990.V. 39. P. 289-301.
 31. *Lienert G. A.* Hand-Dominanz-Test. (2. Auflage). Göttingen: Hogrefe, 1976.
 32. *Linder M., & Grisseemann H.* Züricher Lesetest (ZLT). (mit neuer deutscher Rechtschreibung, 6. Auflage). Göttingen: Hogrefe, 2000.
 33. *Lovegrove B.* Dyslexia and a transient/magnocellular pathway deficit: The current situation and future directions// *Australian Journal of Psychology*.1996.V. 48(3).P. 167-171.
 34. *Morgan W. P.* A case study of congenital word blindness// *British Medical Journal*.1896.V. 2. P. 1378.
 35. *Rathenow P., Vöge J., & Laupenmühlen D.* Westermann Rechtschreibtest 6 + (WRT 6+), 1. Auflage. Göttingen: Hogrefe, 1980.
 36. *Robinson G.* Investigation of biochemical anomalies in people with dyslexia: Implications for immune system dysfunction and dietary intervention. Proceedings of 5th BDA International Conference, York, 2001.
 37. *Schneider A.* EEG-coherence-analysis for examining a general automatizatiional deficit in dyslexic children. Proceedings of 5th BDA International Conference, York, 2001.
 38. *Schulte-Körne G.* Lese-/Rechtschreibstörung und Sprachwahrnehmung. München: Waxmann.
 39. *Schulte-Körne, G., Nöthen, M. M., & Remschmidt, H.* (1998). Genetik der Lese-Rechtschreibstörung (Legasthenie)//*Medizinische Genetik*.2001.V. 10.P. 402-405.
 40. *Siegel L. S., & Linder B. A.* Short-Term Memory Processes in Children With Reading and Arithmetic Learning Disabilities// *Developmental Psychology*.1984. V. 20, 2. P. 200-207.
 41. *Siegel L. S., & Ryan E. B.* The Development of Working Memory in Normally Achieving and Subtypes of Learning Disabled Children// *Child Development*.1989.V. 60. P. 973-980.
 42. *Slaghuys W. L., Twell A. J., & Kingston K. R.* Visual and language processing disorders are concurrent in dyslexia and continue into adulthood// *Cortex*.1996.V. 32(3).P. 413-438.
 43. *Slaghuys W. L., & Ryan J. F.* Spatio-temporal contrast sensitivity, coherent motion, and visible persistence in developmental dyslexia// *Vision Research*.1999.V. 39 (3).P. 651-668.
 44. *So D., & Siegel L. S.* Learning to read Chinese: Semantic, syntactic, phonological and working memory skills in normally achieving and poor Chinese readers// *Reading and Writing: An Interdisciplinary Journal*.1997.V. 9. P. 1-21.
 45. *Spinelli D., Angelelli P., Deluca M., Dipace E., Judica A., & Zoccolotti O.* Developmental surface dyslexia is not associated with deficits in the transient visual system// *Neuro Report*. 1997. V. 8. P. 1807–1812.
 46. *Stein J., & Walsh V.* To see but not to read: the magnocellular theory of dyslexia// *Trends in Neurosciences*.1997.V. 20. P. 147-152.

47. *Valtin R.* Dyslexia in the German language. In P. G. Aaron and R. M. Joshi (Eds.), *Reading and Writing Disorders in Different Orthographic Systems*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1989. P.119-135.
48. *Vellutino F. R.* Dyslexia// Scientific American.1987.V. 256, 3.P. 1- 42.
49. *Vidyasagar T, R., & Pammer K.* Impaired visual search in dyslexia relates to the role of the magnocellular pathway in attention. *NeuroReport*.1999.V. 10. P. 1283-88.
50. *Von Maydell I., & Vogel H.* Übungen für Legastheniker. Braunschweig: Westermann Lernspielverlag GmbH, 1977.
51. *Walther-Müller P. U.* Is there a deficit of early vision in dyslexia?// *Perception*.1995.V. 248. P. 919-936.
52. *Warnke F.* CD-Lateraltraining 1. und 2. MediTECH, Wedemark, 1998.
53. *Weigt R.* Lesen- und Schreibenlernen kann jeder!?! Methodische Hilfen bei Lese-Rechtschreib-Schwäche. Neuwied, Kriftel, Berlin: Luchterhand, 1994.
54. *Weiss R. H.* Grundintelligenztest Skala 2 — CFT 20. Göttingen: Hogrefe, 1987.
55. *Willows D. M., Kruk, R., & Corcos, E. (Eds.)* Visual Processing in Reading and Writing Disabilities. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Publishers, 1993.
56. *Witruk E.* Memory Deficits of Dyslexic Children. In P. Tallal, A. M. Galaburda, R. R. Llinás, & C. von Euler (Eds.), *Temporal information processing in the nervous system. Special reference to dyslexia and dysphasia*. Annals of the New York Academy of Sciences, 682, New York: The New York Academy of Sciences, 1993a.P. 430-435.
57. *Witruk E.* Long-term Effects of Rehabilitative Interventions For Dyslexic Children. In P. Tallal, A. M. Galaburda, R. R. Llinás, & C. von Euler (Eds.), *Temporal information processing in the nervous system. Special reference to dyslexia and dysphasia*. Annals of the New York Academy of Sciences, 682, New York: The New York Academy of Sciences, 1993b.P.426-429.
58. *Witruk E.* Working memory performance in dyslexic children. In E. Witruk, & T. Lachmann (Eds.), *Basic Mechanisms of Language and Language Disorders*. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 1999.
59. *Witruk E.* Training of working memory performance in dyslexics// *Psychology Science*.2003.V. 45, I. P.94-100.
60. *Witruk E., & Ho C. S.-H.* Working memory in Cantonese speaking and German dyslexic children. *Australian Journal of Learning Difficulties*. Routledge, 2010.
61. *Witruk E., Ho, C. S.-H., & Schuster U.* Working memory in dyslexic children — How general is the deficit? In E. Witruk, A. D. Friederici, & T. Lachmann (Eds.), *Basic Functions of Language and Language Disorders*, Boston: Kluwer Academic Publishers, 2002. P.281-297.
62. *Witruk E., & Rosendahl W.* Modalitäts- und Anforderungsspezifität von Arbeitsgedächtnisleistungen bei Legasthenikern. In *Kongreßbericht der XXIII. Arbeits- und Fortbildungstagung der Deutschen Gesellschaft für Sprachheilpädagogik e.V. Würzburg, 1999*.

ДИАГНОСТИКА И ЛЕЧЕНИЕ ДИСЛЕКСИИ

Эвелин Витрук

Лейпцигский университет, Институт психологии II, Германия

Статья посвящена краткому обзору различных современных методов диагностики и коррекции дислексии. На основе модификации и расширения многоуровневой модели Valtin (1989, модифицированной Witruk, 1993b) эти методы рассматриваются в контексте их основных задач. Описываются методы диагностики и коррекции в отношении первичных причин (биологические факторы риска), вторичных причин (парциальные дефицитарные функции), первичных симптомов (нарушения чтения и письма) и последующих вторичных симптомов (эмоциональные и поведенческие нарушения).

Ключевые слова: многоуровневая модель дислексии; магноцеллюлярный дефицит; парциальные дефицитарные функции; оперативная память; комплексная программа.

УДК 159.923

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПСИХИЧЕСКОГО ОПЫТА**Д.Г. Трунов**

Статья посвящена обзору метафорических оппозиций, описывающих психический опыт. Представлены следующие оппозиции: активное — пассивное, живое — мертвое (овеществление, механистические метафоры, олицетворение), внешнее — внутреннее, высокое — низкое, светлое — темное.

Ключевые слова: объективация; метафора; метафорические оппозиции; олицетворение.

В предыдущей статье (Трунов) обсуждались некоторые особенности репрезентации психического опыта. Было показано, что для описания психического опыта человеку приходится его *объективировать*, т.е. превращать в своего рода объекты. Понятно, что такая объективация носит *иносказательный* характер, поскольку объективация психического опыта основывается на схемах, заимствованных из *внешнего* мира. В результате мы имеем многообразие метафорических форм объективации, помогающих нам концептуализировать свой психический опыт. Все метафоры, описывающие психический опыт, удобно представить в виде *оппозиций* — пар противоположностей, в рамках которых высвечивается психическое. В настоящей статье будут рассмотрены некоторые наиболее распространенные метафорические оппозиции, в рамках которых концептуализируется психический опыт.

Активное — пассивное

Г.-Г. Гадамер, вспоминая слова Гегеля о том, что форма предложения не годится для выражения спекулятивных истин, писал, что «философия как таковая не располагает языком, соответствующим ее подлинному назначению»: в философской и в любой другой речи неизбежны стандартные формы предложения, логическая структура, подчинение предиката субъекту и т.д.; такая «логика предложения вводит в заблуждение» и «создает обманчивую видимость, что предмет философии дан и познается также, как наблюдаемые предметы и протекаемые в

мире процессы» [5. С.123]. Упоминаемые Гадамером ограничения языка проявляют себя и в интроспективном описании. В основе практически любого высказывания лежит единая синтаксическая схема субъект—предикат—объект, обязывающая делить реальность на соответствующие фрагменты. В описании психического опыта это выражается, например, в распределении грамматических ролей субъекта и объекта между «Я» и «не-Я» — объективированном фрагментом психического опыта. Выше уже приводились примеры, в которых «Я» берет на себя роль *агенса* (активного, действующего), а объективированному опыту отводится роль *пациенса* (пассивному, подвергающемуся воздействию) и наоборот. По мнению А. Вежбицкой, в русской речи пассивный способ выражения эмоций (т.е. когда «Я» занимает позицию пациенса) «имеет более широкую степень применимости по сравнению с другими славянскими языками, еще более, нежели в немецком или французском, и значительно более широкую, чем в английском» [4. С.44]. Это означает, что человек реже выступает от имени «активного» Я (например, вместо «Я хочу» он говорит «У меня появилось желание»).

Активная и пассивная позиция проявляют себя в метафорах взаимодействия или даже «борьбы» с самим собой. А. Маслоу говорил о «гражданской войне» между двумя «частями» одной и той же личности [11. С.182]; Ф.Перлз рассматривал внутриличностный конфликт как метафорическую борьбу между двумя собаками: «верхней» (более активной) и «нижней»

Трунов Дмитрий Геннадьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: trunoff@hotmail.ru.

(пассивной) [14]. Активная позиция «Я» по отношению к фрагментам психического опыта проявляется в описаниях деятельности, направленной на преобразование самого себя, на борьбу со своими чувствами, на преодоление своей природы. Объективированный психический опыт в этом случае предстает как инертный материал (овеществление) или сопротивляющийся противник (олицетворение). В пассивной позиции может звучать проигранная борьба со своим внутренним миром. Иногда активные фрагменты психического опыта практически перестают быть *своими*, принадлежащими внутреннему миру человека, они переходят в мир внешний и становятся его действующими агентами. Человек может «заражаться» ими от других людей. Представляя свое «Я» пассивным объектом, человек чувствует себя жертвой своих чувств, инстинктов, не властным над своей «природой».

Оппозиция «активное — пассивное», будучи универсальной, служит основой для развертывания других оппозиций.

Живое — мертвое (овеществление)

Под овеществлением (опредмечиванием, субстанциализацией) здесь понимается представление фрагментов психического опыта в форме вещей (предметов или субстанций). Ситуацию овеществления психического опыта описывал Э.Фромм в книге «Иметь или быть?». По его мнению, человек не *существует* (т.е. живет, чувствует, желает и т.д.), а *имеет* характер, желания, чувства как некие вещи, отчужденные от «Я» [19]. В конце концов в категорию «иметь» попадает сама психика; опредмеченный психический опыт составляет неотъемлемую часть модели внутреннего мира, присущей нашей культуре. С одной стороны, о «потребности субстанциализировать» (Башляр) можно говорить как необходимом шаге на пути познания, поскольку, по словам О. Шпенглера, «лишь безжизненное — и живое, если только отвлечься от его живоначала, — может быть сосчитано, измерено, разложено» [21. С.251]. Однако, с другой стороны, «субстанциальное объяснение» (Башляр), базируясь на эмпирическом

опыте, нередко становится эпистемологическим препятствием, поскольку наделение фрагментов психического опыта субстанциональностью одновременно предполагает перенесение в область психического некоторых свойств субстанции. Вот некоторые примеры.

В первую очередь все предметы внешнего мира находятся в каком-либо *агрегатном состоянии*. В связи с этим психический опыт, подвергаясь метафорической объективации, также предстает перед нами в том или ином агрегатном состоянии. Поскольку твердое агрегатное состояние ассоциируется с устойчивостью и неизменностью во времени и в различных обстоятельствах, то такое свойство субстанции, как твердость, служит в основном для определения психических феноменов, ощущающихся как стабильные («твердый характер», «структура личности», «нравственный стержень» и т.д.).

Напротив, жидкое агрегатное состояние имеет свойства текучести и изменчивости. В психическом опыте такими свойствами обладают чувства, мысли и другие продукты психической деятельности. Если спокойные, умеренные чувства и мысли можно «замедлить», «направить» в ту или иную сторону, то сильные чувства — это стихийные бедствия (ураган, буря и пр.), независимые от воли человека, разрушающие строения, прочно стоявшие на земле, — устоявшиеся взгляды и смыслы. Например, подобная идея пассивного Я и безличной, но активной и разрушающей стихии дословно слышится в выражении «человек, *обуреваемый* желаниями».

Газообразные вещества природного мира — это чаще всего нечто незримое и неощутимое; и в психическом опыте они стали прототипами для обозначения некоторых трудно определяемых, неуловимых, тонких, возвышенных понятий. «Духовными потребностями» называют стремления человека отрываться от своего глубоко материального существования и уноситься в область, очищенную от каких-либо «грубых» проявлений жизни. Маслоу поместил духовные потребности на вершину своей пирамиды, ут-

верждая этим древнюю метафорическую вертикаль «материя (земля) — дух (небо)».

В «Философии религии» Гегель напоминает, что в древнееврейском и арамейском языках одно и то же слово означает «дух» и «ветер». По его мнению, образное выражение Евангелия от Иоанна: «дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит...» (Иоанн, 3:8) надо понимать, исходя из этого языкового факта. То же относится к греческим словам: *πνεῦμα* — дуновение, ветер, дыхание, запах, звук, дух, жизнь; *ψυχή* — дыхание, дух, душа, сознание, жизнь, настроение, чувства, бабочка. Понимание у разных народов души как ветра или дыхания (еврейск. «руах», лат. *anima*), возможно, связано также с непосредственным наблюдением и сравнением живого (дышащего) существа и мертвого (бездыханного) тела. Посредством словесного обозначения (метонимического переноса) одно из главных качеств живого человека — способность дышать объективировалось, превратилось в субстанцию жизни.

Дух-ветер одновременно обладает двумя противоречивыми свойствами. С одной стороны, он неподвижен как присутствующий повсюду, а значит может символизировать стабильные психические процессы («сильный духом»); однако, с другой стороны, газы и жидкости — это подвижная и изменчивая форма материи («ветренный человек»). Способность к самостоятельному движению и изменению — это признак жизни. Поэтому образы реки, ветра и пр., символизирующие чувства, мысли и другие психические феномены, имеют тенденцию *оживотворяться*, однако, сохраняя при этом *безличный* характер.

Другое свойство субстанции, связанное с агрегатным состоянием, — наличие веса также нашло метафорическое применение в описании психического опыта. Например, говоря о каком-либо «гнетущем» чувстве, человек может сравнить его с тяжелой ношей или камнем, сгибающим человека, заставляющим опуститься на землю. Напротив, легкость ассоциируется с чрезвычайно подвижной (а значит, более живой), утонченной, стремящейся кверху суб-

станцией. В контексте психического опыта эта легкость может быть оценена позитивно, как жизнерадостность, оптимистичность, раскованность («легкий характер», «легкий в общении»), или негативно, как излишняя поверхностность и изменчивость («легкое поведение», «легкомысленный»).

Нередко объективированный психический опыт оценивается как нечто холодное или горячее. Во внешнем эмпирическом опыте повышение температуры вещества сопровождается переходом в другое агрегатное состояние, более подвижное и неустойчивое. Поэтому более горячим становится психический опыт, характеризующийся активностью и эмотивностью (ср.: «холодное сердце», «горячая любовь»). Напротив, холод — это отсутствие эмоций или даже жизни. Нетрудно найти эмпирические основания в утверждении Демокрита о том, что душа есть некий огонь и тепло [1. С. 375]. Присутствие души согревает тело, пробуждает его от «зимнего сна». Помимо этого физическое свойство «теплота» приобретает в контексте межличностных отношений значение доверия, безопасности, психологического комфорта (в противоположность, например, «похолоданию» отношений).

Таким образом, «вещественные», предметные оппозиции, присущие внешнему субстанциональному миру («твердое — мягкое», «тяжелое — легкое», «горячее — холодное» и др.), помогают не только осмыслить и описать мир психических феноменов, но и *оценить* его. Более того, с овеществлением связан ряд оппозиций, несущих исключительно оценочную функцию, например: «дорогое — дешевое», «свое — чужое». «Свое» отличается от «чужого» тем, что первое признается принадлежащим «Я» («мой характер»), а второе считается собственностью другого, хотя и проявляется в *моем* психическом опыте («отцовский характер»).

В каком-то смысле опредмечивание («омертвление») — это *подчинение* себе собственной психической жизни, *овладение* ею. Во-первых, овеществление представляет объективированную от «Я» часть *неживой*, а значит, имеющей более низкий ранг по сравнению с

живым Я. Во-вторых, овеществление есть *фиксация* живого, непредсказуемого экзистенциального опыта. Предметность — это гарантия отсутствия у «не-Я» собственного, альтернативного «Я» желания. Подобно тому, как в мифе некоторые предметы приобретают «абсолютность функции» (Я.Э. Голосовкер), так определение психического опыта — это надделение изменчивого (живого) свойствами стабильности и долговечности. Превращение в предмет (предметное существование) — это плата за увековечивание. Само же «Я» при этом бесконечно истончается и становится все более неуловимым, так как любая попытка его определения через категорию «иметь» лишь отслаивает от него очередную «вещь».

Живое — мертвое (механистические метафоры)

Всю предметность можно условно поделить на природную и искусственную предметность, на φύσις и τέχνη. Сравнение психического опыта с природной предметностью, как это мы обнаруживаем в поэзии, помогает человеку включиться в картину *живого* бытия, почувствовать себя частью Природы. Сравнение же с искусственной предметностью снижает самобытие до *мертвой* вещи, пусть даже очень тонкого и изящного механизма, но искусственного.

Механистические метафоры — это, с одной стороны, частный случай овеществления, а с другой — его дальнейшее развитие. Представление человека в виде механизма, собранного из деталей, или автомата продолжает оставлять человека неживым, хотя и придает ему важную способность живого организма — способность к движению. Однако движение машины не мотивированно изнутри, оно пассивно и является результатом внешней воли. Этим движение машины отличается от движения любого живого существа, подчиненного некой внутренней цели. В «Трактате о душе» Аристотель писал, что душа не только сообщает живым существам движение, но что она сама обладает «способностью к стремлению» и есть «само себя движущее» [1. С. 375, 399].

Признаки «механистического мышления о мире» (математическое описание реальности, логический анализ, концепция причинности и пр.), по мнению О. Шпенглера, существуют очень давно. «Их встречаешь уже в первых столетиях всех культур, еще слабыми, обособленными, еще теряющимися в полноте религиозного мирозерцания» [21. С. 255]. Устойчивое же механистическое видение природы, как писал Н. Бор, явилось естественным результатом великих открытий эпохи Возрождения в области анатомии и физиологии, и особенно благодаря появлению классической механики, «использующей детерминистическое писание, из которого исключена всякая ссылка на цель» [3. С. 489]. Утверждению современного механистического мировоззрения, безусловно, способствовала картезианская парадигма. Но если Декарт отождествлял животных с рефлекторными машинами, а в отношении человека допускал наличие самостоятельной мыслящей души в машинной структуре тела, то французские материалисты VIII в., в частности Ламетри, автор книги «Человек — машина», принимали в основном положение, что человек есть автомат, упрекая Декарта в допущении божественной силы в человеческом теле. В середине XIX в. понимание человека как автомата было подхвачено многими учеными-материалистами. Сложные физиологические процессы в организме человека они сводили к механическим и автоматически протекающим явлениям. Физико-химические процессы, описываемые современными естественными науками о человеке, есть дальнейшее развитие механистических метафор.

Наконец, «жертвой» механистической концептуализации стала сама душа. Если перенос законов механики на жизнь *тела* чаще всего, действительно, оправдан, то осмысление *психики* в терминах механизма, проецирование технических метафор на душевную жизнь, ее «автоматизация», представляется не всегда корректным, несмотря на широкое распространение такой проекции. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафора «психика — это машина» используется в основном

для описания деятельности *интеллекта*: он может находиться в рабочем или выключенном состоянии, обладает некоторой производительностью, внутренним устройством, источником энергии и эксплуатационными условиями [9. С. 411]. Лексически это проявляется в широком диапазоне метафор: от незаметных метафорических предикатов («Мой ум сегодня не работает») до образных выражений («шарики», «винтики», «тормоз» и пр.). Практически не существует такого описания интеллектуальных операций, которое не восходило бы к метафоре какого-либо физического действия [15. С. 45]. Кроме этого, механистические метафоры можно найти в попытках осмыслить *эмоциональную* жизнь, что проявляется в выражениях типа: «выпустить пар», «эмоции зашкаливают» и пр., а также при описании человеческих отношений («кнопки», «рычаги», «манипуляции» и пр.).

Вся так называемая «объективная» психология насыщена языком механистических метафор. И, надо признать, они действительно обладают большим эвристическим потенциалом, который еще не будет исчерпан очень долго, поскольку механизм, в терминах которого осмысливается психическая жизнь человека, может быть как грубым (типа парового котла), так и весьма утонченным (компьютер). Можно сказать, что с развитием высоких технологий дифференцируется и обогащается наше механистическое понимание себя.

В то же время, как уже говорилось, механистическое самопонимание несовместимо с понятием цели или свободы воли, напротив, оно соотносится с ощущением включенности в некое неподвластное собственной воле действие¹. Помимо явных механистических метафор такое мироощущение может выражаться также в некоторых грамматических конструкциях, например в безличных высказываниях («У меня так получилось», «Мне пришлось это сделать» и др.). Г.И. Гурджиев писал: «Человек — машина. Все его стремления, действия, слова, мысли, чувства, убеждения и привычки — ре-

зультаты внешних влияний. Из себя самого человек не может произвести ни единой мысли, ни единого действия. Все что он говорит, делает, думает, чувствует — все это с ним случается. ...Человек рождается, живет, умирает, строит дом, пишет книги не так как он того хочет, но как все это случается. Все случается. Человек не любит, не ненавидит, не желает — все это с ним случается»².

В заключение отметим, что для феноменолога использование механистических метафор (как и других) в описании души не несет такого драматизма: если относиться к механистическим определениям с позиции феноменологической установки, то они уже не воспринимаются как «реальность», а исключительно как одна из возможных *форм* описания, существующая наряду с другими.

Живое — мертвое (олицетворение)

Олицетворение, или персонификация³, есть представление фрагмента внутреннего опыта в виде живого существа, т.е. некой сущности, обладающей собственной волей, свободой и относительной независимостью от «Я». В этом случае внутренние процессы уподобляются отношениям между «Я» и этим живым существом, теперь мы имеем «внутриличностные взаимоотношения». Иногда вместо термина «персонификация» («создаю личность») используют слово «субъектификация» («создаю субъекта»), которое представляется более общим понятием, чем первое, и подразумевает *атрибуцию субъектности*, т.е. процесс и результат надления чего-либо свойствами, качествами и функциями субъекта [7]. Надление объектов и явлений субъектностью может происходить в различных формах — типах субъектификации: 1) анимизация — надление объектов и явлений духом, душой, способной актив-

¹ См. дискуссию по этому поводу: *Нейсбит Д.* Высокая технология, глубокая гуманность. М., 2005.

² Цит. по: *Орлов А.Б.* Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека // *Вопр. психологии.* 1995. № 2. С. 5-19.

³ От лат. *persona* — личность, *facio* — делаю, создаю.

но и самостоятельно действовать; воплощение объектов и явлений в образе живого существа; «одушевление»; 2) персонификация — воплощение объектов и явлений в образе человека, самостоятельной личности; «олицетворение», «очеловечивание». Варианты персонификации: антропоморфизация — наделение объектов и явлений человеческой формой, телесное уподобление человеку; антропатизм — наделение объектов и явлений человеческими свойствами, психическое уподобление человеку.

Как уже говорилось, олицетворение естественным образом происходит уже на уровне формальной структуры высказывания, благодаря которой именованные фрагменты психического опыта вступают друг с другом в «агено-пациенные отношения» [8]. Абстрактные понятия как субъекты в грамматическом смысле становятся псевдореальными действующими лицами, а предикаты толкуются как их действия. С формальной точки зрения интроспективный нарратив, рассказ о психическом опыте, превращается в описание *сюжета*, в котором некие существа производят какие-то действия над объектами, живут какой-то своей особой жизнью. Кроме этого, существуют феноменологическая основа для персонификации. Спонтанное изменение психического опыта, неожиданное возникновение каких-либо переживаний феноменально воспринимается как несвязанное с участием «Я» («сознания»), отождествляется с собственной деятельностью этого опыта, обусловленной *его* внутренними намерениями (мотивами). Так психический феномен наделяется собственной волей и *оживает*. К.Юнг вспоминает слова Оригена: «Видишь, что тот, кто считается единым, не един, но кажется, что в нем столько лиц, сколько в нем устремлений»¹.

Практически любое представление о личности (будь оно научное или житейское) содержит в своем описании разного рода отчужденные от «Я» метафизические сущности, «понятия-оборотни, превратившиеся из научных категорий в сказочно-мифические существа»

[20], которые чаще всего неосознанно воспринимаются как действительно существующие. Таково, например, понятие «бессознательного», которое предназначалось для того, чтобы объяснить средневековое представление об «одержимости», а по сути стало лишь *другим названием* для тех же субъективно переживаемых феноменов. Так же, как средневековый демон, оно «рвется наружу», «сопротивляется» и т.д. Сам З. Фрейд писал о своей теории как мифологии, где «влечения — мифические существа, грандиозные в своей неопределенности» [18. С. 358]. К. Юнг также сравнивает невротическое бессознательное содержание со «зверем» и «устрашающим чудовищем», поскольку именно так ощущают его сами пациенты [22. С. 119]. Э. Берн представлял личность человека (Я) как *совокупность* «эго-состояний» (Родителя, Взрослого и Ребенка), взаимодействие которых между собой и с эго-состояниями других людей определяет личную и социальную жизнь человека. Различные составляющие Я формируются в течение раннего детства в результате интериоризации (т.е. «переноса внутрь себя») значимых представителей социума. Нормальное состояние связывается с гармоничным соотношением между эго-состояниями, проблемное — с гипертрофированной ролью одного из них (Берн).

Внешнее — внутреннее

Полярность «внешнее — внутреннее» принадлежит к *пространственным* оппозициям и включает ряд вариантов («глубокое — поверхностное», «скрытое — явное» и др.), помогающих осмыслить психический опыт человека как «вместилище» [9. С. 414]. Такая модель исходит из эмпирического опыта взаимодействия с реальными объектами, отделенными от внешнего мира поверхностью и обладающими внутренним пространством (содержанием). Осмысление психического опыта в терминах этой модели подразумевает представление его объектом, имеющим некую внешнюю (видимую) и

¹ Цит. по: Юнг К.Г. Психология переноса. М.; Киев, 1997. С. 134.

более внутреннюю (скрытую) часть. Вот некоторые примеры осмысления психического состояния как вместилища, приводимые Дж. Лакоффом и М. Джонсоном: «Он впал в эйфорию (в шоковое состояние, в депрессию и т.д.)», «Он вышел из комы», «Он влюблен» (особенно явно этот пример звучит на английском: «He's in love»).

Невидимость психических явлений одновременно несет объективный и субъективный характер. Во-первых, деятельность органов, ответственных за психическую жизнь, физически скрыта от непосредственного наблюдения; во-вторых, проявления самой психической жизни не всегда понятны, т.е. интеллектуально не доступны наблюдателю (которым может быть и сам субъект). Здесь прослеживается древняя параллель между знанием и видением, когда отсутствие знания часто ассоциируется с невидимостью, скрытостью. Многие термины, применяющиеся для описания психики человека, несут в себе метафору «глубины» («интуиция», «интроспекция» и др.). Существует известное сравнение личности со сферой, состоящей из нескольких слоев [22]. Эта модель выражена в словосочетаниях: «глубинная психология», «ядро личности», «поверхностная проблема» и др. Процесс самопознания, исходя из этой модели, есть «самокопание», а работу психоаналитика К. Юнг называл «археологией души». Слово «подсознание» означает некую скрытую область души, находящуюся в глубине «сознания» (*под ним*), предназначенную для хранения некоторого содержания (комплексы, архетипы, инстинкты). В.Н. Цапкин считает, что такое осмысление бессознательного как «некой вещи-вместилища, обладающего своей специфической пространственной локализацией», затрудняет осмысление бессознательного как процесса [20].

Пространственный характер оппозиции «внешнее — внутреннее» не мешает ей нести социальную, этическую или другую оценку. Например, внутреннее часто представляется как более истинное, чем внешнее. Это проявляется в обсуждавшейся выше оппозиции «маска — лицо»: с одной стороны, нечто ложное, а с

другой — нечто настоящее. По К. Юнгу, «Персона» (лат. *persona* — маска, личина) — это архетип души, предназначенный для существования человека в обществе и скрывающий от окружающих индивидуальную его сущность. Обратные оценочные отношения предстают в метафорической оппозиции «лицо — изнанка». Здесь оценка внешнего и внутреннего производится не по критерию истинности или ложности, а с точки зрения социальной приемлемости. Изнанка (даже если она — истинная внутренняя индивидуальность) всегда хуже лицевой поверхности. В оппозиции «скрытое — явное» первое может означать как нечто негативное, так и нечто очень дорогое; и то и другое вызывает необходимость его скрывать. Эта скрытость порождает тенденцию к открыванию (разоблачению). Напротив, «явное» означает «всем понятное», возможно, не стоящее внимания. «Поверхностное — глубокое» — еще один вариант оппозиции и еще одна социальная оценка. Подобно тому, как поверхностные слои воды в потоке реки меняются значительно быстрее, чем глубокие, «поверхностные» чувства являются чем-то менее значимым и важным по сравнению с «глубокими». Осмысление психической реальности как вместилища легло в основу еще одной оценочной оппозиции: «полное — пустое», где, с одной стороны, нечто «достоинное», «полноценное», «серьезное», «содержательное», а с другой стороны — «легкомысленное», «неосновательное», «пустяковое», «незначительное».

Высокое — низкое

«Высокое — низкое» — пространственная оппозиция, которая относится к такому особому измерению, как *вертикаль*. Именно благодаря этой отнесенности она в основном несет функцию оценки. Различные образы, связанные с идеей «верха», чаще обозначают нечто чаемое, предмет устремления, некое благо; «низ», напротив, связан с противоположными значениями. Как уже отмечалось выше, такое упорядочивание психического содержания в пространственных терминах не случайно и коренится в физическом и культурном опыте, т.е. имеет эм-

пирические основания. Перечислим некоторые из них.

1. Все люди подвержены физическому закону тяготения, и поэтому идти *вверх* обычно более трудно, чем вниз; это делает естественной ассоциацию идеи восхождения вверх с идеей достижения [17. С. 98]. Для подъема или поднимания чего-либо необходимы усилия, физическая активность, а потому чаще всего активное есть верх, а пассивное — низ: мы «берем верх» над обстоятельствами и не «поддаемся» соблазнам [9. С. 407].

2. Человек развивается, растет в направлении снизу вверх. Стало быть, меньшее есть менее зрелое, менее развитое и более беспомощное. Это делает возможным ассоциацию различных образов, коннотирующих высоту и подъем, с идеей превосходства, привилегированного положения и власти [17. С. 98]. В то же время «унижение» есть буквально «принижение статуса» человека.

3. Негативные чувства выражаются в ослаблении физического тонуса, тело не держит себя, оно *сгибается* как будто под тяжестью. Грусть и уныние *гнетут* человека, и он *опускает* голову, а положительные эмоции, напротив, *распрямляют* его и заставляют *поднять* голову; серьезная болезнь вынуждает человека лежать; мертвый человек лежит [9. С. 397]. Эти основания лежат в выражениях типа: «У меня приподнятое (подавленное) настроение», «Он находится под гнетом своих проблем», «Он на вершине здоровья» и пр.

4. Оппозиция «высокое — низкое» связана с оппозицией «большое — маленькое», которая благодаря своим эмпирическим основаниям ассоциируется с социальной оценкой. Большой предмет занимает большое место в поле зрения. Поэтому, говоря о каком-либо *важном, значимом* для нас чувстве или талантливом человеке, мы употребляем эпитет «большой».

5. Предметы, находящиеся ближе к земле, как правило, менее чистые, а значит, более «дурные». Отсюда негативная оценка «низа»: мы «низко падаем», поддаваясь «грязным» чувствам. «Низ» — это не только земля, но и ниже — подземное пространство, которое вносит но-

вую оценку. «Образ Бездны в религиозной символике, связанный с представлением о крутом обрыве, подкрепляется глубоко лежащим в человеке страхе падения, внезапной утраты точки опоры (как это может быть эмпирически обнаружено при наблюдении над детьми). Отсюда вероятность связи понятия “низ” с идеями пустоты и хаоса» [17. С. 98].

Таким образом, с «высоким» чаще всего ассоциируются такие взаимосвязанные понятия, как добро, радость, сознание, здоровье, власть, успех, будущее, добродетель, разум; напротив, с «низким» связываются противоположные понятия: зло, грусть, бессознательное, болезнь, подчинение, неудача, прошлое, порок, страсти; при этом наши фундаментальные социокультурные ценности существуют не изолированно друг от друга, а «системно упорядоченны», т.е. образуют *взаимно* согласованную метафорическую структуру [9. С. 396-400, 405].

Иногда с понятием низа ассоциируются также положительные значения, по мнению Ф. Уилрайта, оставившие гораздо меньше следов во фразеологии разговорного языка: (1) «близость к земле» может означать «большую устойчивость, основательность», так как низкие и широкие предметы гораздо устойчивее узких и длинных («спуститься на землю»); (2) в мифопоэтическом творчестве понятие низа часто ассоциируется с щедрым лоном земли — праматерью и кормилицей всего живого [17. С. 98].

Светлое — темное

«Светлое — темное» — это еще одна оппозиция, пришедшая из физического опыта; в контексте опыта психического она в основном имеет *оценочный* характер. «Из всех архетипических символов, вероятно, нет более широко распространенного и более непосредственно постигаемого, чем “свет”, символизирующий определенные умственные и душевные качества» [17. С. 101]. Оппозиция «светлое — темное» эмпирически связана с такими полярностями, как «высокое — низкое», «теплое — холодное», «чистое — грязное»; и все эти понятия связаны в единую систему средств социальной оценки.

Ф. Уилрайт отмечает ряд естественных особенностей света, которые явились основанием для использования его как метафоры некоторых психических феноменов. Прежде всего свет является условием видимости, он ясно очерчивает контуры предметов, невидимые в темноте. «Сделав легкий и метафорический шаг, мы можем перейти от этого наблюдаемого действия света в физическом мире, состоящего в прояснении пространственных границ и форм, к действию разума, устанавливающего границы и формы идей в интеллектуальных конфигурациях» [17. С. 101]. Поэтому идея освещенности, которая выражается в таких «световых» метафорах, как «прояснить», «пролить свет», «осветить», «иллюстрировать» и пр., соотносится со значениями понятности, учености, разумности и осознанности. Напротив, понятия необразованности, неосознанности ассоциируются с образами «плохой видимости»: темнотой, туманом, мраком. Архетип «тень» был выбран К. Юнгом для описания области, скрытой от сознания, а алхимические термины «*nigredo*» и «*tenebrositas*», означающие «затененность», он ассоциировал с тягостным душевным конфликтом [22. С. 134].

Особое место в оппозиции «светлое — темное» занимает образ света как *огня*. Древние люди видели, что огонь стремится кверху, а источником земного огня и света является в конечном счете Солнце. Поэтому свет-огонь, когда он был связан с идеей направленности вверх, чаще всего имел положительные символические коннотации. Считается, что лат. *gloria* («слава», «триумф») представляет собой перевод древнееврейского слова, означавшего «интенсивный свет» [17. С. 104]. Существует еще одно свойство света-огня, которое всегда будоражило людское воображение и не поддавалось рациональному объяснению. «С древнейших времен люди замечали с благоговейным ужасом, что огонь может возникать в результате внезапного воспламенения и что его размер и интенсивность могут увеличиваться с драматической быстротой» [17. С. 104]. Это иррациональное свойство огня нашло применение в метафорической объективации сильных чувств и

страстей («вспышка ярости», «пламя любви» и пр.). И здесь мы можем наблюдать постепенный переход от позитивной идеи света к негативной: «чрезмерно яркий свет нередко производит ослепляющий эффект, особенно на слабые глаза, и поэтому начинает ассоциироваться с тьмой» [17. С. 104]. При этом прежде всего имеется в виду сила чувства, а не его вид: человек может быть «ослеплен» и гневом, и любовью.

Однако огонь все-таки управляем: «пламя могло быть размножено от факела к факелу и от очага к очагу» [17. С. 104] или, напротив, потушено. Эту идею мы можем найти в метафорах, описывающих пробуждение какого-либо чувства у другого человека («зажечь страсть») или его «угасание». В подобных случаях имеет значение не столько изолированные образы света или тьмы, сколько *переход* от одного состояния к другому. Наступление темноты сопровождается «мрачным настроением», чувством тревоги, страха и другими неприятными ощущениями, а рассеивание тьмы («победа света») несет с собой «светлые чувства»: радость, восторг, прилив сил и т.д.

* * *

В задачи настоящей статьи не входит исчерпывающее описание всех возможных метафорических оппозиций, описывающих психический опыт. Выше были приведены примеры иллюстрации, показывающие *иносказательный* характер большинства интроспективных высказываний. Все метафорические оппозиции так или иначе основываются на имеющемся у любого человека *эмпирическом* опыте, а потому в большинстве случаев делают *понятным* и *наглядным* описываемый опыт. Некоторые оппозиции настолько *естественны* и настолько глубоко пронизывают наше мышление, что они воспринимаются как *самоочевидные*, как *прямые* описания явлений внутреннего мира, а тот факт, что они представляют собой метафорические выражения, просто никогда не приходит в голову большинству носителей языка. Мы не ощущаем метафоричности самоописания, поскольку у нас просто нет *альтернативного* способа описания.

Список литературы

1. *Аристотель*. Соч.: в 4 т. / ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с.
2. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди; Люди, которые играют в игры / под общ. ред. М.С. Мацковского. М.: Прогресс, 1988. 400 с.
3. *Бор Н.* Избранные научные труды: в 2 т. М.: Наука, 1971. Т. II. 675 с.
4. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / отв. ред. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
5. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.
6. *Голосовкер Я.Э.* Логика мифа / сост. и авторы примеч. Н.В. Брагинская и Д.Н. Леонов. М.: Наука, 1987. 218 с.
7. *Дерябо С.Д.* Феномен субъектного восприятия природных объектов // *Вопр. психологии*. 2002. № 1. С. 45-59.
8. *Лакофф Дж.* Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981. С. 350-368.
9. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // *Теория метафоры*. М.: Прогресс, 1990. С. 387-415.
10. *Ламетри Ж.О.* Сочинения / общ. ред., предисл. и примеч. В.М. Богуславского. М.: Мысль, 1976. 551 с.
11. *Маслоу А.* Психология бытия. М.: Рефл-бук, 1997. 304 с.
12. *Нейсбит Д.* Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла / пер. с англ. А.Н. Анваера. М.: АСТ: Транзит-книга, 2005. 381 с.
13. *Орлов А.Б.* Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека // *Вопр. психологии*. 1995. № 2. С. 5-19.
14. *Перлз Ф.* Гештальт-терапия дословно // *Моск. психотер. журнал*. 1994. № 3. С. 162-164.
15. *Ричардс А.* Философия риторики // *Теория метафоры*. М.: Прогресс, 1990. С. 44-67.
16. *Трунов Д.Г.* Объективация психического опыта // *Вестник Пермс. ун-та. Философия. Психология. Социология*. 2010. Вып. 3. С. 71-81
17. *Уилрайт Ф.* Метафора и реальность // *Теория метафоры*. М.: Прогресс, 1990. С. 82-109.
18. *Фрейд З.* Введение в психоанализ: лекции. М.: Наука, 1989. 456 с.
19. *Фромм Э.* Иметь или быть? М.: Прогресс, 1986. 238 с.
20. *Цапкин В.Н.* Единство и многообразие психотерапевтического опыта // *Моск. психотер. журнал*. 1992. № 2. С. 5-41.
21. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. 663 с.
22. *Юнг К.Г.* Психология переноса. Статьи: сб. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1997. 304 с.

METAPHORIC DESCRIPTION OF MENTAL EXPERIENCE

Dmitry G. Trunov

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The article is dedicated to review metaphoric opposition describing mental experience. There are following oppositions presented: active — passive, alive — dead (objectivation, mechanistic metaphor, personification), external — internal, high — low, light — dark.

Keywords: mental experience; objectivation; metaphor; metaphoric oppositions; personification.

УДК 159.95

ПСИХОМЕТРИКА РУССКОЙ ВЕРСИИ ШКАЛЫ ПОТРЕБНОСТИ В ПОЗНАНИИ

С.А. Шебетенко

Рассматриваются история 30-летнего использования Шкалы потребности в познании (The Need for Cognition Scale; NCS) и измеряемая с ее помощью потребность в познании. Поднимается вопрос о необходимости разработки русскоязычной версии NCS. На выборке в 482 человека русская версия NCS обнаружила оптимальные значения внутренней согласованности, а также однофакторную модель при некотором занижении собственного значения выделенного фактора и индексов пригодности в подтвержденном факторном анализе. В плане конкурентной валидности потребность в познании положительно коррелировала с открытостью опыту и отрицательно — с правым авторитаризмом. В части инкрементной валидности потребность в познании опосредовала связь открытости опыту с правым авторитаризмом. Обсуждаются полученные результаты и перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: потребность в познании; когнитивные чувства; метакогниции; свойства личности; психометрика.

Шкала потребности в познании (The Need for Cognition Scale; NCS) представляет собой инструмент, измеряющий «тенденцию индивида увлекаться мыслительным процессом и получать от этого удовольствие» (Cacioppo & Petty, 1982. P. 116). Оригинальная версия NCS была представлена Джоном Качиоппо и Ричардом Петти в публикации 1982 г. Эта версия шкалы, считающаяся «расширенной» или «первичной», состоит из 34 пунктов. В 1984 г. исследователи предлагают укороченную версию NCS (Cacioppo, Petty, & Као, 1984), которая получает широкую распространенность в последующие десятилетия. По оценке Petty, Briñol, Loersch and McCaslin (2009), за время, прошедшее с момента представления версии потребности в познании в статье Cacioppo and Petty (1982), было опубликовано более 200 исследований с использованием данного конструкта, и более 1000 публикаций цитировали эту статью, или публикации краткой Шкалы потребности в познании (Cacioppo et al., 1984). Правда, как отмечают Petty et al. (2009), сам конструкт потребности в познании появился в литературе еще в середине 1950-х в работе Cohen, Stotland, and Wolfe (1955) и касался потребности в осмысленности мироздания. Однако Cacioppo and

Petty (1982), использовав этот термин, наполнили его новым содержанием.

Потребность в познании имеет очевидную связь с Моделью вероятности тщательной обработки информации (Elaboration Likelihood Model, ELM), с которой обычно ассоциируются совместные исследования Качиоппо и Петти (в первую очередь, Petty & Cacioppo, 1986). Потребность в познании стала диспозициональным воплощением идеи варьирования центральной и периферийной обработки информации индивидами, составляющей суть ELM: в зависимости от разнообразных факторов люди склонны прибегать к использованию так называемой центральной (альтернативно — периферийной) обработки информации. Предполагается, что индивиды могут не только демонстрировать ситуационную обусловленность в варьировании этих двух видов обработки, но и обладают диспозициональными склонностями к тому или другому виду. При этом в случае предпочтения центральной обработки можно говорить о выраженности у данного человека «потребности в познании», той самой «тенденции увлекаться и наслаждаться мыслительным процессом». С другой стороны, склонность индивида к периферийной обработке информации выражена в низкой потребности в познании, представлении о мыслительном процессе как о

трудном и малоприятном мероприятии, которого по возможности следует избегать (Carter, Hall, Carney, & Rosip, 2006; Haugtvedt, Petty, & Cacioppo, 1992).

Таким образом, потребность в познании определяет индивидуальные различия в когнитивной мотивации вовлекаться и получать удовольствие от решения сложных когнитивных задач (Cacioppo, Petty, Feinstein, & Jarvis, 1996). Это, в свою очередь, предсказывает формирование более последовательных суждений, дающих защиту от стереотипов и предубеждений (Petty et al., 2009). Не следует, однако, считать, что потребность в познании напрямую предполагает рациональность мышления. Напротив, склонность к глубокому познанию сама по себе не предполагает рациональности; в той степени, в которой мыслительные процессы индивида находятся под влиянием иррациональной интуиции, эмоций или образов, последствия такого глубокого размышления могут быть и нерациональными (Epstein & Pacini, 1999; Miniard, Bhatla, Lord, Dickson, & Unnava, 1991; Petty et al., 2009).

Одно из главных направлений, где применяется потребность в познании, — это изучение социальных установок и убеждения. Есть масса свидетельств тому, что потребность в познании предсказывает формирование установок на основе углубленного анализа релевантной информации, содержащейся в сообщении убеждения (напр., Cacioppo, Petty, & Morris, 1983; Chang, 2007). Напротив, низкие значения потребности в познании предсказывают ориентацию индивида при убеждении на простые ключи: например, привлекательность и правдоподобие источника информации (Haugtvedt et al., 1992; Priester & Petty, 1995) или собственное эмоциональное состояние (Briñol, Petty, & Barden, 2007; Petty, Schumann, Richman, & Strathman, 1993).

Однако при определенных условиях и низкие значения потребности в познании не исключают глубины обработки информации. Среди таковых — высокая личная релевантность сообщения (Axson, Yates, & Chaiken, 1987), неопределенность в отношении коммуникации (Priester & Petty, 1995; Ziegler, Diehl, & Ruther, 2002), увлекательность медиа, посредством которого сообщается информация (Bakker, 1999; Stephan & Brockner, 2007), согла-

сованность сообщения с некоторыми аспектами Я-концепции реципиента (Evans & Petty, 2003), эмоции, содержащиеся в сообщении (Vidrine, Simmons, & Brandon, 2007).

Высокие значения в потребности в познании предсказывают формирование более сильных установок (т.е. с большим доступом к информации из памяти, устойчивым к изменениям, имеющим большее влияние на последующее поведение; Haugtvedt & Petty, 1992; Ruiter, Verplanken, De Cremer, & Kok, 2004). Если индивидам с высокой потребностью в познании сообщается, что они сформировали свои установки на основе простых ключей, а не в результате разносторонней оценки аргументов, сила их установок сокращается (Tormala & DeSensi, 2008).

Потребность в познании предсказывает увеличение метакогниций — процесса размышления над собственными мыслями (Petty, Briñol, Tormala, & Wegener, 2007). Люди с высокой потребностью в познании более вероятно размышляют над процессом изменения или сохранения своих установок. Они обычно осознают больше мыслей, которые они спродуцировали для своих суждений, и, как следствие, обладают большей уверенностью в своем мнении (Barden & Petty, 2008). Изменяя свои установки, индивиды с высокой потребностью в познании более уверены в них, чем индивиды с низкой потребностью в познании, вероятно, полагая, что они рассмотрели все стороны проблемы и не проявили односторонности (Rucker & Petty, 2004; Rucker, Petty, & Briñol, 2008). Если же индивиды с высокой потребностью в познании эффективно противостоят убеждению, то они могут стать еще более уверенными в своих установках, вероятно оказываясь под впечатлением от того, как им удалось противостоят суггестивному натиску (Petty, Tormala, & Rucker, 2004; Tormala & Petty, 2004).

Высокая потребность в познании предсказывает склонность рассматривать больше альтернатив (Levin, Huneke, & Jasper, 2000) и искать больше дополнительной информации (Yang & Lee, 1998), прежде чем принимать окончательное решение. Опять-таки не следует полагать, что высокая потребность в познании обеспечивает большую непредубежденность в социальном познании: индивиды с высокой потребностью в познании могут принимать иска-

женные решения, например, если они прилага-ли к данному вопросу максимум усилий (Graham, 2007; Petty et al., 2009).

Потребность в познании положительно коррелирует с переживанием осознанных сновидений, представляющих собой осознание индивидом того, что он в данный момент спит и видит сон (Blagrove & Hartnell, 2000; Patrick & Durndell, 2004).

Потребность в познании также может влиять на межличностные отношения. В частности, рост потребности в познании предсказывает большую вовлеченность в отношения в диаде и в других малых группах, более раннее вступление в дискуссию (Henningsen & Henningsen, 2004), склонность говорить дольше, чем у людей с низкой потребностью в познании (Shestowsky & Horowitz, 2004). Потребность в познании отрицательно связана с социальной леностью (Smith, Kerr, Markus, & Stasson, 2001). С другой стороны, высокая потребность в познании может заставлять группу обсуждать уже выясненные детали и, как следствие, тратить время и ресурсы впустую (Henningsen & Henningsen, 2004). Люди с высокой потребностью в познании могут быть нечувствительными к различиям в аргументации, представленной другими членами группы, вероятно чрезмерно сосредотачиваясь на своих собственных идеях (Shestowsky & Horowitz, 2004).

При выстраивании межличностных тактик убеждения индивиды используют свои гипотезы касательно уровня потребности в познании партнера (Vogel, Kutzner, Fiedler, and Freytag, 2010). Так, чем более физически привлекательными считают себя индивиды, тем больше они ожидают получить предпочтений от объекта воздействия с низкой, как они считают, потребностью в познании. Связь между воспринимаемой физической привлекательностью и ожидаемыми оценками за устный экзамен также опосредована ожиданиями от потребности в познании экзаменатора (Vogel & Kutzner, 2009).

В контексте прикладных исследований конструкт потребности в познании в основном проявил себя в связи с потребительским поведением. Однако потребность в познании потенциально может быть пригодна и в исследованиях, проводимых в других прикладных сферах. Так, потребность в познании может влиять на

принятие судебных решений, в том числе на поведение присяжных (напр., Leippe, Eisenstadt, Rauch, & Seib, 2004; Sargent, 2004). Увеличение потребности в познании способствует усилению связи между когнитивными ожиданиями индивида от употребления алкоголя и соответствующим питьевым поведением (Hittner, 2004).

Масса исследований показывает, что потребность в познании связана с чертами личности: в частности, положительно связана с когнитивной инновационностью (Venkanraman & Price, 1990), потребностью в аффекте (Maio & Esses, 2001), самооценкой (Osberg, 1987); отрицательно — с догматизмом (Cacioppo & Petty, 1982), потребностью в близости (Webster & Kruglianski, 1994), тревожностью (Olson, Camp, & Fuller, 1984). Из черт Большой Пятерки потребность в познании была значительно связана с добросовестностью и открытостью опыту (Costa & McCrae, 1992; Fleischhauer, Enge, Brocke, Ullrich, Strobel, & Strobel, 2010). Sadowski and Coghurn (1997) получили отрицательную связь потребности в познании с нейротизмом, а Tuten and Bosnjak (2001) — положительную с экстраверсией.

Потребность в познании умеренно коррелирует с вербальным интеллектом (напр., Bors, Vigeau, & Lalande, 2006; Fleischhauer et al., 2010; Tidwell, Sadowski, & Pate, 2000), успеваемостью в колледже (напр., Cacioppo & Petty, 1982; Petty & Jarvis, 1996) и кристаллизовавшимся интеллектом по Кэттеллу (Tidwell et al., 2000). С прогрессивными матрицами Равена потребность в познании либо коррелировала слабо положительно (Arthur & Day, 1994), либо не коррелировала вовсе (Bors et al., 2006).

Шкала потребности в познании зарекомендовала себя как валидный и надежный тест, не варьирующийся в связи с полом, социальной желательностью, тестовой тревожностью или когнитивными стилями респондента (Cacioppo & Petty, 1982; Cacioppo, Petty, Feinstein, & Jarvis, 1996; Cacioppo et al., 1984; Sadowski, 1993; Sadowski & Gulgoz, 1992).

Учитывая широкое распространение исследований потребности в познании, изначально мы исходили из того, что существует и русскоязычная версия NCS. Однако эти ожидания не оправдались. Используя поисковую систему научной базы данных www.elibrary.ru 25 апреля

2011 г., установив в зоне поиска «потребность в познании» как ключевые слова, нами была обнаружена ссылка лишь на одну статью Мартина, Ланга и Вонга (2006), представляющей собой перевод статьи, опубликованной в Journal of Advertising годом ранее. Поисковая система scholar.google.com обнаружила несколько тысяч ссылок на запрос «потребность в познании». Правда, похоже, что ни одна из них не относится к рассматриваемому здесь предмету, а первой ссылкой в данном запросе оказалась работа Б.Г. Ананьева «Человек как предмет познания».

Таким образом, разработка русскоязычной версии Шкалы потребности в познании представляется актуальной задачей. В рамках данного исследования мы планировали создать русский перевод NCS, изучить внутреннюю согласованность получившегося на его основе теста, изучить его конкурентную и инкрементную валидность.

Метод

Участники. Общую выборку составили 482 чел., проживающих в Перми, в возрасте от 16 до 55 лет ($M=20.83$; $SD=5.91$), из них 164 чел. — мужчины, а 317 — женщины.

Методики. *Шкала потребности в познании.* Использовалась укороченная версия шкалы потребности в познании (Need for Cognition Scale; Cacioppo et al., 1984), состоящая из 18 пунктов с диапазоном ответов от 1 (*полностью не согласен*) до 5 (*полностью согласен*). Русскоязычная версия NCS была получена в результате процедур прямого и обратного перевода NCS. Сначала автор статьи перевел оригинальную версию на русский язык. Затем независимый переводчик, свободно владеющий английским языком, перевел полученный русский вариант на английский язык. Наконец, оригинальный текст Шкалы потребности в познании (ШПП) был сопоставлен с итоговым английским текстом, на основании чего были внесены коррективы в русский текст Шкалы, ставший окончательным. α Кронбаха ШПП составила на полной выборке $\alpha=.82$, что соответствует значениям высокосогласованной шкалы.

Big Five Inventory. 200 чел. из общего состава выборки наряду с ШПП выполняли личностный вопросник Big Five Inventory (BFI; John et al., 1991, 2008; Щебетенко, Вайнштейн, неопубл.). Этот тест выполняет функции, ана-

логичные другим известным тестам Большой Пятерки, состоит из 44 пунктов и измеряет 5 общих черт личности: экстраверсию, доброжелательность, добросовестность, нейротизм и открытость опыту. На основе ранее проведенных исследований (см. обзор выше) мы предполагали, что ШПП будет положительно коррелировать с добросовестностью, открытостью опыту, экстраверсией, отрицательно — с нейротизмом.

Шкала правого авторитаризма. 80 участников выполняли 22-пунктную русскую версию Шкалы правого авторитаризма (ШПА; Right-Wing Authoritarianism Scale; Altemeyer, 1988, 2006; Щебетенко, Токарев, неопубл.). Правый авторитаризм предполагает приверженность социальным традициям, подчинение властям, считаемым индивидом легитимными, агрессивные намерения в отношении аут-групп, обозначенных в качестве таковых этими властями (Altemeyer, 1988). В ШПА используется 9-бальный ($-4 = \text{абсолютно не согласен}$, $+4 = \text{абсолютно согласен}$) формат ответа. Внутренняя согласованность ШПА в нашем исследовании составила $\alpha=.74$. С учетом корреляции NC с догматизмом, полученной Cacioppo and Petty (1982), мы ожидали, что потребность в познании будет отрицательно коррелировать с правым авторитаризмом.

Результаты

В плане обеспечения внутренней согласованности ШПП 18 пунктов были подвергнуты последовательно эксплораторному и конфирматорному факторным анализам.

По результатам эксплораторного факторного анализа и с использованием метода каменной осыпи был зафиксирован один достоверный фактор. При этом факторные веса для каждого пункта в этом факторе превышали $|f_{ij}|>.31$ (табл. 1). Этот результат согласуется с данными оценки α Кронбаха, свидетельствующим о приемлемой внутренней согласованности ШПП. Распределение индивидуальных значений потребности в познании достоверно приближалось к нормальному, $M=3.24$, $Me=3.28$ (рис. 1).

В то же время доля объясненной дисперсии данным фактором оказалась весьма низкой, 26.41% (см. рис. 2). Такая картина могла явиться следствием нулевых или слабых корреляций в ряде случаев отдельных пунктов ШПП. Кро-

ме того, конфирматорный факторный анализ лишь в тенденции поддержал модель с включением 18 наблюдаемых переменных, образующих 1 латентный фактор, $\chi^2(135) = 563.36$, $p < .001$, CFI = .76, RMSEA = .081 (рис. 3).

Хотя в целом ни один из пунктов не противоречил общей структуре Шкалы, регрессионные веса и факторные нагрузки отдельных пунктов оказались весьма умеренными.

В такой ситуации мы попробовали осуществить оптимизацию Шкалы посредством сокращения числа пунктов, имеющих наименьшие факторные нагрузки и регрессионные коэффициенты. Далее каждая из комбинаций была оценена на пригодность посредством конфирматорного факторного анализа (табл. 2).

В целом удалось приблизиться к рекомендованным значениям индексов, а сравнительно оптимальное сочетание значений χ^2/df , CFI, RMSEA и α наблюдалось в версии ШПП, включавшей в себя 10 пунктов. Данная конфигурация пунктов дала образование одной статистически значимой компоненты (табл. 3), объяснившей 34.31% дисперсии (рис. 4). Распределение значений по вновь образованной переменной также достоверно (хотя и с некоторым снижением в сравнении с 18-пунктной ШПП) приближалось к нормальному, $M = 3.21$, $Me = 3.30$ (рис. 5).

Следует также отметить, что варьирование значений по «классическому» 18-пунктному варианту ШПП практически воспроизводилось варьированием значений по 10-пунктной версии ШПП, $r(482) = .93$.

Конкурентная (текущая) валидность. Как отмечалось ранее, для оценки валидности ШПП часть общей выборки, составившая 200 чел., заполняла вопросник ВФИ, а еще одна часть выборки (80 чел.) выполняла Шкалу правого авторитаризма.

Потребность в познании высокозначимо коррелировала (табл. 4) с показателем открытости опыту, так что рост потребности в познании предсказывал высокую открытость опыту. С прочими подшкалами Большой Пятерки, в том числе — с добросовестностью, ШПА не коррелировала. Кроме того, потребность в познании оказалась значимо отрицательно связанной с правым авторитаризмом, так что правый авторитаризм предсказывает низкие значения по-

требности в познании. Была также обнаружена значительная тенденция к сокращению потребности познания с возрастом¹. Наконец, потребность в познании не варьировалась в связи с полом участника исследования, $t(479) < 1$. Коэффициенты корреляции и t-критерия, полученные посредством 18-пунктной и 10-пунктной вариантов ШПП, значимо не различались между собой.

Инкрементная валидность. С учетом того, что открытость опыту также коррелировала с правым авторитаризмом, $r(80) = -.28$, $p = .013$, возникла возможность оценки инкрементной (дифференциальной) валидности ШПП. В частности, мы предположили, что потребность в познании может элиминировать (или объяснить) связь открытости опыту с правым авторитаризмом. Для этого с помощью множественного регрессионного анализа был проведен медиационный анализ в соответствии со схемой, предложенной Baron and Kenny (1986). При этом открытость опыту выступала как основной предиктор, правый авторитаризм — как зависимая переменная, а потребность в познании — как медиатор.

Действительно (рис. 6), потребность в познании достоверно опосредовала связь открытости опыту с правым авторитаризмом, Z Собеля = 2.76, $p = .006$; иначе говоря, эту связь можно объяснять вкладом потребности в познании в эти переменные.

¹ Данный результат следует считать предварительным и артефактным в силу нерепрезентативности нашей выборки по возрасту: несмотря на то, что выборку составляли и зрелые индивиды, тем не менее имеется существенный «сдвиг распределения влево» по показателю возраста.

Таблица 1. Факторизация 18 пунктов Шкалы потребности в познании (метод главных компонент, вращение варимакс). Факторные веса $|f_{ij}| < .30$ опущены.

	Матрица компонент ^а				
	Компонента				
	1	2	3	4	5
nfc1	,319	,468	,332		,422
nfc2	,558	,398		,360	
nfc3	,561	-,315			,316
nfc4	,652				
nfc5	,610				
nfc6	,622			-,301	
nfc7	,399		,340		
nfc8	,525	-,326		,432	
nfc9	,531		,476		
nfc10	,317		-,668		
nfc11	,615	,318			
nfc12	,599				-,312
nfc13	,627	,317			
nfc14	,437			-,600	
nfc15	,327	,514			-,400
nfc16	,518				
nfc17	,362				-,362
nfc18	,446				

Метод выделения: Анализ методом главных компонент.

а. Извлеченных компонент: 5

Таблица 3. Факторизация 10 пунктов Шкалы потребности в познании (метод главных компонент, вращение Варимакс)

	Матрица компонент
	Компонента
	1
nfc3	.646
nfc4	.701
nfc5	.671
nfc6	.619
nfc7	.439
nfc9	.555
nfc11	.554
nfc12	.631
nfc16	.560
nfc17	.411

Таблица 2. Статистика альтернативных структур Шкалы потребности познания (конфирматорный факторный анализ)

Структура	χ^2 (df)	χ^2/df	CFI	RMSEA	α
18 пунктов	563.36 (135)	4.17	.760	.081	.82
17 пунктов (- п. 1)	489.48 (119)	4.11	.779	.080	.82
16 пунктов (- пп. 1, 10)	419.59 (104)	4.03	.802	.079	.82
15 пунктов (- пп. 1, 10, 15)	360.84 (90)	4.01	.821	.079	.83
14 пунктов (- пп. 1, 10, 15, 18)	312.62 (77)	4.06	.834	.080	.82
13 пунктов (- пп. 1, 7, 10, 15, 18)	279.59 (65)	4.30	.840	.083	.82
11 пунктов (+ пп. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 16, 17)	157.54 (44)	3.58	.890	.073	.80
10 пунктов (+ пп. 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11, 12, 16, 17)	120.79 (35)	3.45	.903	.071	.78
9 пунктов (+ пп. 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11, 12, 16)	101.08 (27)	3.74	.910	.076	.78
8 пунктов (+ пп. 3, 4, 5, 6, 9, 11, 12, 16)	89.84 (20)	4.49	.910	.085	.78

Примечание. df — степени свободы; CFI — сравнительный индекс пригодности (comparative fit index); RMSEA — корень из среднего квадрата ошибки аппроксимации (root mean square error of approximation); α — α Кронбаха.

Таблица 4. Конкурентная валидность Шкалы потребности в познании (корреляционный анализ Пирсона)

		ПП (18)	ПП (10)	возраст	Э	ДЖ	ДС	Н	ОО	ПА
потребность в познании (18 пунктов)	г	1	,930 ^{**}	-,199 ^{**}	,097	-,068	,099	-,112	,467 ^{**}	-,321 ^{**}
	п	482	482	480	200	200	200	200	200	80
потребность в познании (10 пунктов)	г	,930 ^{**}	1	-,191 ^{**}	,005	-,085	,040	-,080	,422 ^{**}	-,324 ^{**}
	п	482	482	480	200	200	200	200	200	80

Примечание. ПП — потребность в познании; Э — экстраверсия; ДЖ — доброжелательность; ДС — добросовестность; Н — нейротизм; ОО — открытость опыту; ПА — правый авторитаризм.

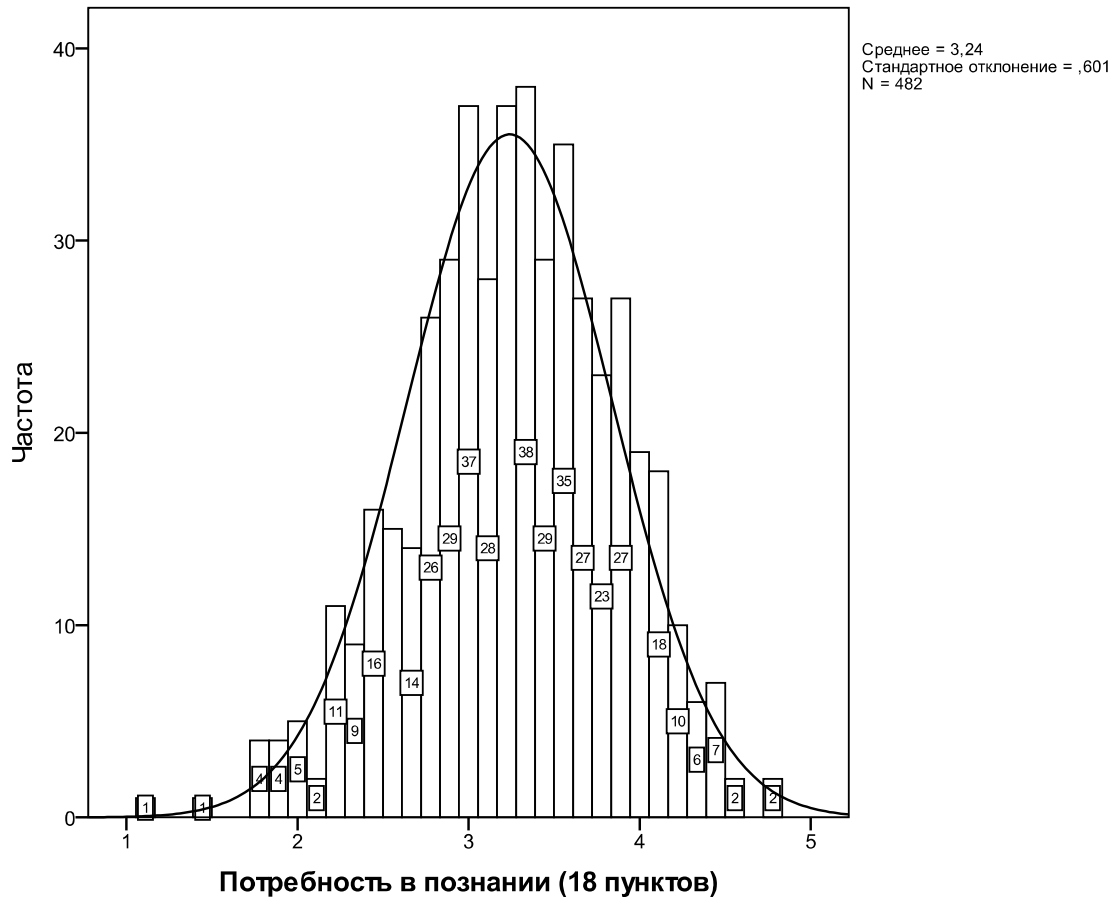

Рис. 1. Распределение индивидуальных значений потребности познания, высчитанной из 18 пунктов

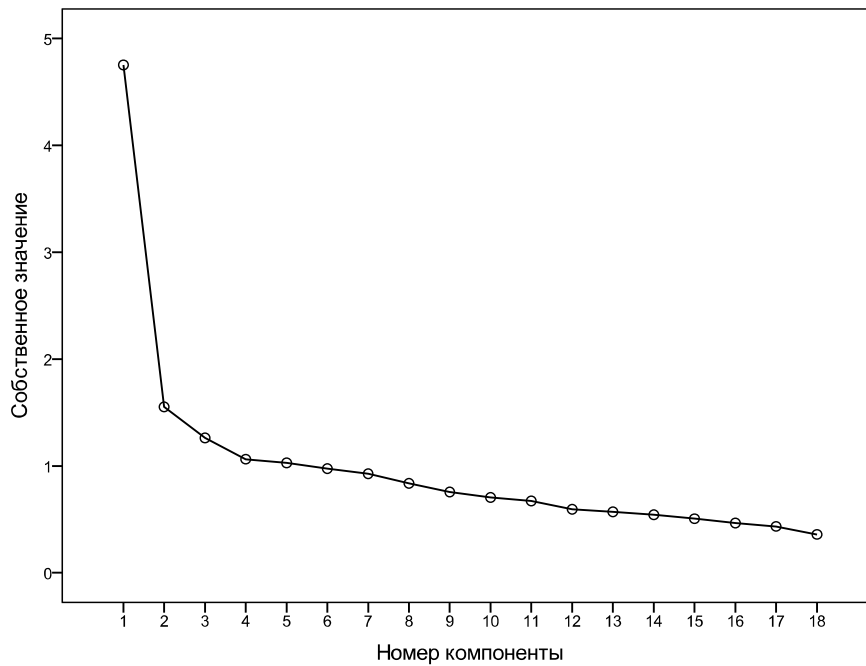

Рис. 2. Собственные значения компонент, полученных в результате факторизации 18 пунктов Шкалы потребности в познании

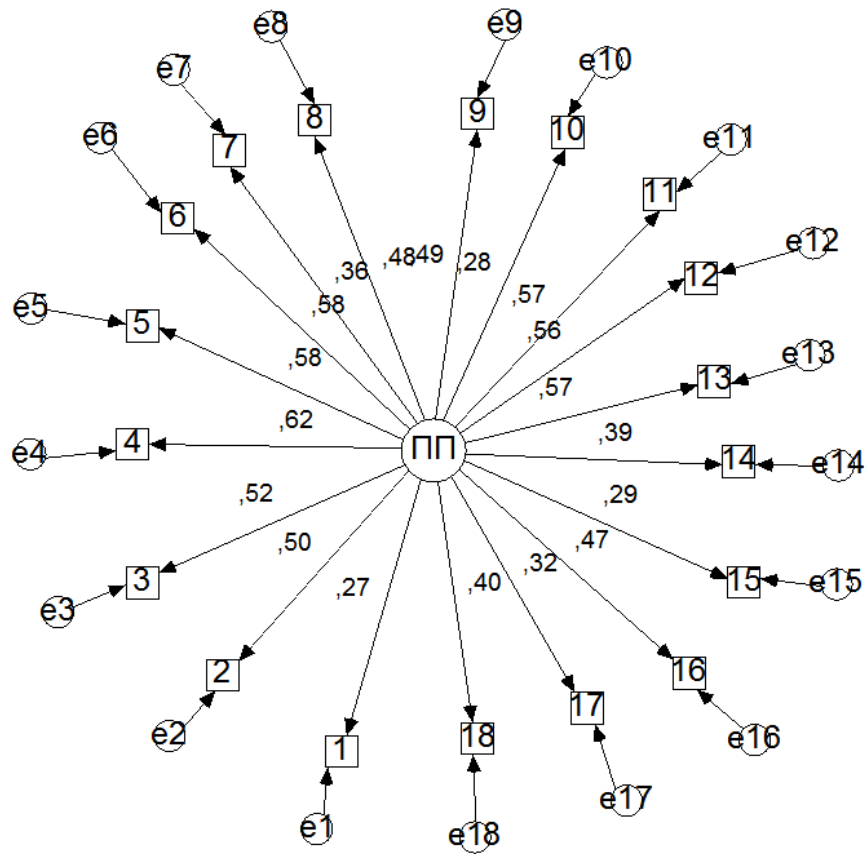

Рис. 3. Конфирматорный факторный анализ 18 пунктов Шкалы потребности в познании

Примечание. ПП — потребность в познании; в окружностях приведены ненаблюдаемые переменные, в квадратах — наблюдаемые переменные; рядом со стрелками приведены стандартизованные регрессионные оценки связи латентного фактора с соответствующей наблюдаемой переменной.

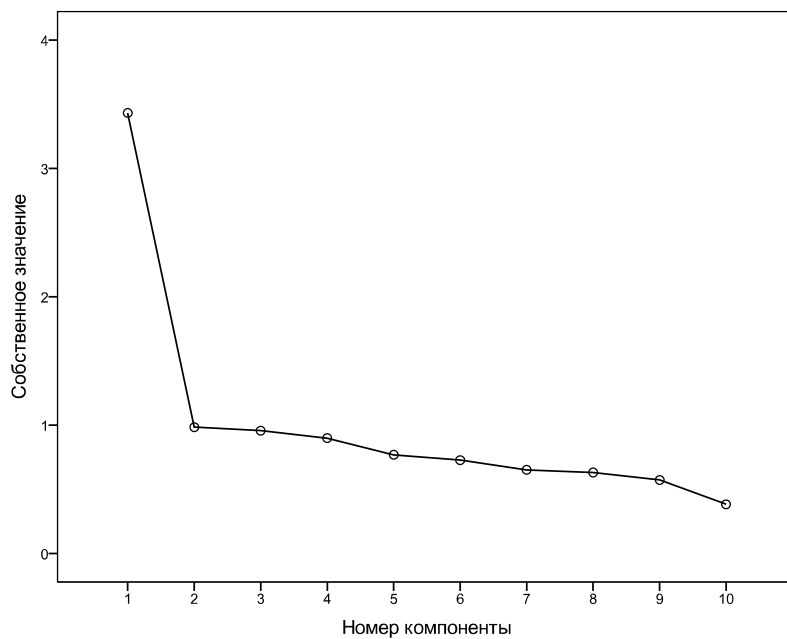

Рис. 4. Собственные значения компонент, полученных в результате факторизации 10 пунктов Шкалы потребности в познании

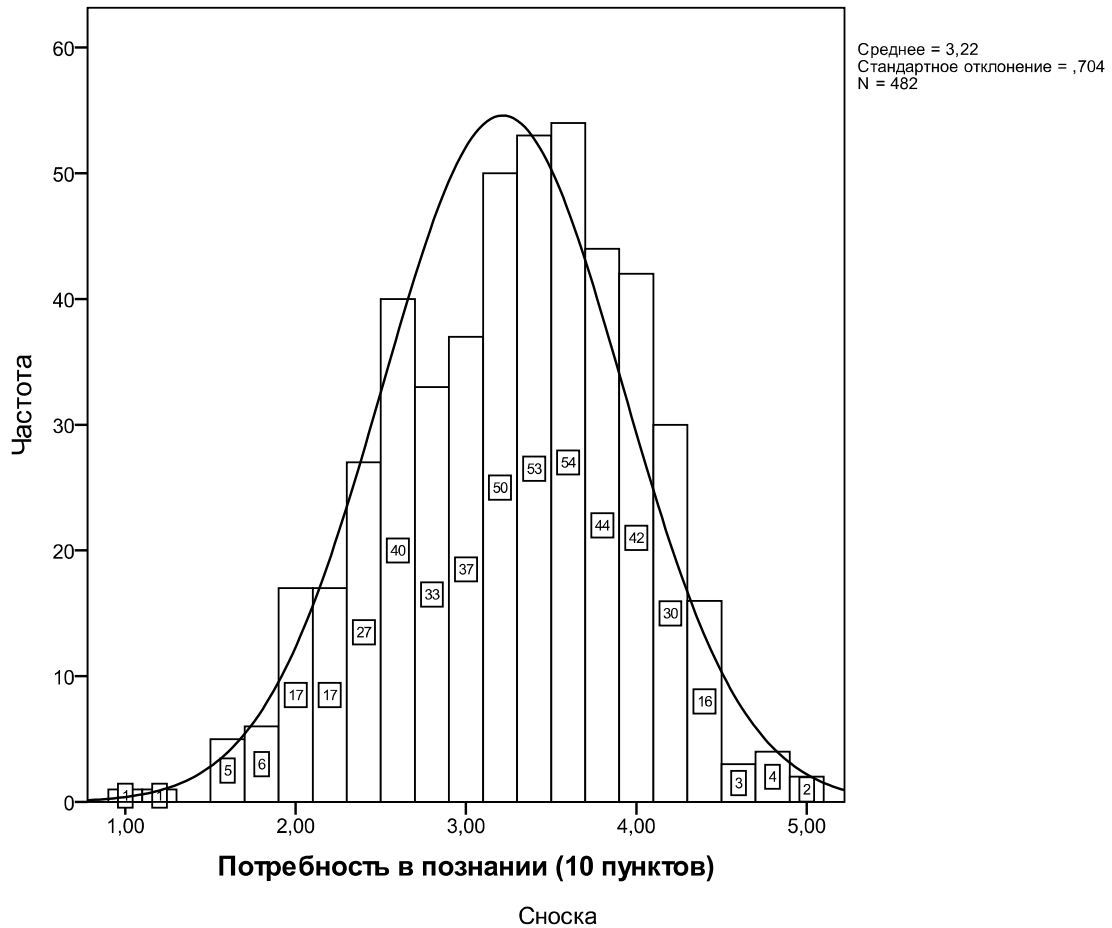

Рис. 5. Распределение индивидуальных значений потребности познания, высчитанной из 10 пунктов

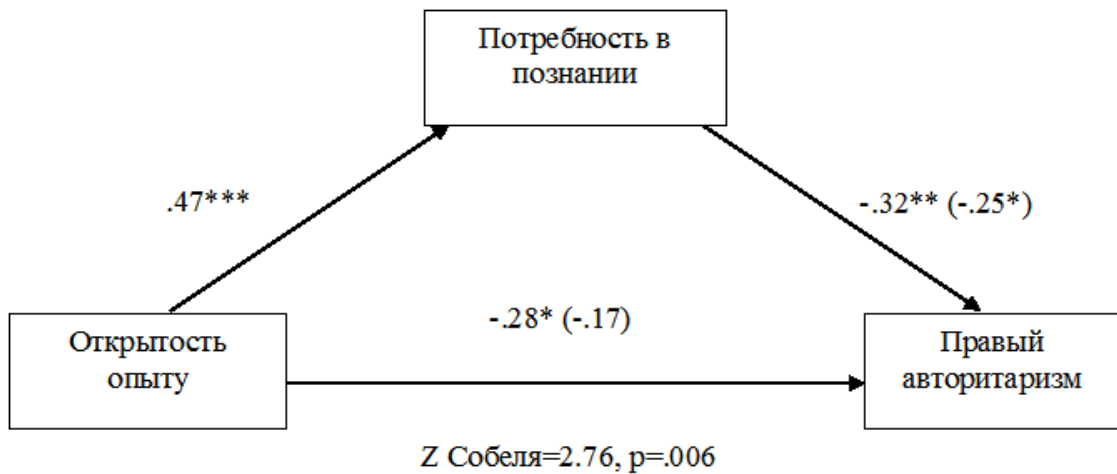

Рис. 6. Медиационная модель, тестирующая предсказание правого авторитаризма по открытости опыту с потребностью в познании как медиатором

Примечание. Значения вне скобок — β для однофакторного регрессионного анализа, значения в скобках — частные β для двухфакторного регрессионного анализа.

Обсуждение

В целом мы оцениваем результаты психометрической оценки ШПП как положительные. ШПП показала оптимальное значение α Кронбаха, все пункты ШПП образовали однофакторную структуру, ни один из пунктов не показал отрицательных корреляций, регрессионных оценок или факторных нагрузок. С другой стороны, доля объясненной дисперсии этого фактора, а также индексы пригодности оставляют желать лучшего. Попытки снять обнаруженные ограничения посредством сокращения размерности шкалы оставляют двойственное впечатление: с одной стороны, индексы пригодности и доля объясненной дисперсии увеличились, с другой — произошло некоторое сокращение α Кронбаха.

В то же время заниженные коэффициенты согласованности, на наш взгляд, не следует считать критичными, поскольку это может говорить о достаточном разнообразии тем, охваченных пунктами, с одновременным удержанием общей проблематики шкалы. Как следует из так называемого парадокса истощения (*attenuation paradox*; Loevinger, 1954), слишком высокие значения коэффициентов согласованности (в первую очередь, альфы Кронбаха) могут говорить о «содержательной зауженности» шкалы и избыточности пунктов (Steiner, 2003). В такой ситуации мы рекомендуем использовать 18-пунктную версию ШПП, поскольку она сохраняет содержание, предложенное Casierro et al. (1984), демонстрируя при этом удовлетворительность большинства показателей согласованности и предельно сильную корреляцию с «очищенной» 10-пунктной версией.

Сильная корреляция между потребностью в познании и открытостью опыту свидетельствует о том, что потребность в познании может входить в открытость опыту как аспект. Действительно, открытость новому, судя по всему, предполагает склонность получать удовольствие от решения сложных интеллектуальных задач (Fleischhauer et al., 2010). Мы не подтвердили зарубежных данных о связи потребности в познании с добросовестностью. Возможно,

это связано с действием факторов, присущих русской культуре. Дополнительная интерпретация этого факта требует постановки отдельной исследовательской проблемы. Наконец, потребность в познании предсказывала низкий правый авторитаризм. Этот результат согласуется с данными Casierro and Petty (1982) об отрицательной связи потребности в познании с догматизмом и может быть обусловлен тем, что не критичность к действиям и оценкам легитимных властей более надежно возникает среди индивидов, не склонных к глубокой обработке информации, склонных к поиску «простых решений», в том числе и в социально-политической сфере.

Если предполагать, что потребность в познании является составляющей открытости опыту как «большой черты личности», то наши результаты говорят в пользу того, что открытость опыту связана с низким правым авторитаризмом во многом благодаря потребности в познании. На основании этого результата можно делать вывод об инкрементной валидности ШПП: несмотря на ее существенную корреляцию с показателем открытости опыту, ШПП способна на самостоятельные предсказания, в данном случае в части связи с правым авторитаризмом.

Нами не было проведено ретестовых испытаний ШПП, что составляет предмет будущего исследования. Остаются нерассмотренными многие проблемы, связанные с потребностью в познании применительно к россиянам — от связи потребности с интеллектом до формирования социальных установок и метакогниций.

Благодарности

Автор благодарит профессора Чикагского университета Джона Качиоппо за разрешение на разработку русской Шкалы потребности в познании. Автор также выражает признательность студентам философско-социологического факультета Пермского госуниверситета Юлии Бацан, Алексею Евченко, Ольге Мишенковой, Елизавете Мозжериной за помощь в сборе эмпирических данных исследования.

Список литературы

1. *Altemeyer B.* Enemies of freedom: Understanding right-wing authoritarianism. San Francisco: Jossey-Bass, 1988.
2. *Altemeyer B.* The authoritarians, 2006. [URL: <http://home.cc.umanitoba.ca/~altemey/>] (дата обращения: 08.06.11).
3. *Arthur W., Jr. & Day D. V.* Development of a short form for the Raven Advanced Progressive Matrices Test // *Educational and Psychological Measurement*. 1994. V. 54, P. 394-403.
4. *Axson D., Yates S.M., & Chaiken S.* Audience response as a heuristic cue in persuasion // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. V. 53. P. 30-40.
5. *Bakker A.B.* Persuasive communication about AIDS prevention: Need for cognition determinates the impact of message format // *AIDS Education and Prevention*. 1999. V. 11. P. 150-162.
6. *Barden J., & Petty R.E.* The mere perception of elaboration creates attitude certainty: Exploring the thoughtfulness heuristic // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. V. 95. P. 489-509.
7. *Baron R.M. & Kenny D.A.* The moderator-mediator variable distinction in social psychological research: Conceptual, strategic, and statistical considerations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. V. 51. P. 1173-1182.
8. *Blagrove M. & Hartnell S.J.* Lucid dreaming: Associations with internal locus of control, need for cognition and creativity // *Personality and Individual Differences*. 2000. V. 28. P. 41-47.
9. *Bors D.A., Vigneau F., & Lalonde F.* Measuring the need for cognition: Item polarity, dimensionality, and the relation with ability // *Personality and Individual Differences*. 2006. V. 40. P. 819-828.
10. *Briñol P., Petty R.E., & Barden J.* Happiness versus sadness as determinants of thought confidence in persuasion: A self-validation analysis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2007. V. 93. P. 711-727.
11. *Cacioppo J.T. & Petty R.E.* The need for cognition // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1982. V. 42. P. 116-131.
12. *Cacioppo J.T., Petty R.E., Feinstein J.A., & Jarvis W.B.G.* Dispositional differences in cognitive motivation: The life and times of individuals varying in need for cognition // *Psychological Bulletin*. 1996. V. 119. P. 197-253.
13. *Cacioppo J.T., Petty R.E., & Kao C.F.* The efficient assessment of need for cognition // *Journal of Personality Assessment*. 1984. V. 48. P. 306-307.
14. *Cacioppo J.T., Petty R.E., & Morris K.* Effects of need for cognition on message evaluation, argument recall, and persuasion // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1983. V. 45. pp. 805-818.
15. *Carter J.D., Hall J.A., Carney D.R., & Rosip J.C.* Individual differences in the acceptance of stereotyping // *Journal of Research in Personality*. 2006. V. 40. P. 1103-1118.
16. *Chang C.* Diagnostic advertising content and individual differences // *Journal of Advertising*. 2007. V. 36. P. 75-84.
17. *Cohen A.R., Stotland E., & Wolfe D.M.* An experimental investigation of need for cognition // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1955. V. 51. P. 291-294.
18. *Costa P.T., & McCrae R.R.* Revised NEO Personality Inventory (NEO-PI-R) and NEO Five Factor Inventory (NEOFFI): Professional manual. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1992.
19. *Epstein S., & Pacini R.* Some basic issues regarding the dual-process theories from the perspective of cognitive-experiential self-theory. In: S. Chaiken & Y. Trope (Eds.), *Dual process theories in social psychology* (pp. 462-482). New York: Guilford Press, 1999.
20. *Evans L., & Petty R.E.* Self-guide framing and persuasion: Responsibly increasing message processing to ideal levels // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2003. V. 29. P. 313-324.
21. *Fleischhauer M., Enge S., Brocke B., Ullrich J., Strobel A.L., & Strobel A.N.* Same or different? Clarifying the relationship of need for cognition to personality and intelligence // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2010. V. 36. P. 82-96.
22. *Graham L.M.* Need for cognition and false memory in the Deese-Roediger-McDermott paradigm // *Personality and Individual Differences*, 2007. V. 42. pp. 409-418.
23. *Haugtvedt C.P., & Petty R.E.* Personality and persuasion: Need for cognition moderates the persistence and resistance of attitude changes // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. V. 63. P. 308-319.
24. *Haugtvedt C.P., Petty R.E., & Cacioppo J.T.* Need for cognition and advertising: Understanding the role of personality variables in consumer behavior // *Journal of Consumer Psychology*. 1992. V. 1. P. 239-260.
25. *Henningsen D.D. & Henningsen M.L.M.* The effect of individual difference variables on information sharing in decision-making groups // *Human Communication Research*. 2004. V. 30. P. 540-555.
26. *Hittner J.B.* Alcohol use among American college students in relation to need for cognition and expectations of alcohol's effects on cognition // *Current Psychology: Developmental, Learning, Personality, Social*. 2004. V. 23. P. 173-187.
27. *John O.P., Donahue E.M., & Kentle R.L.* The Big

- Five Inventory — Versions 4a and 5. Berkeley, CA: University of California, Berkeley, Institute of Personality and Social Research, 1991.
28. *John O.P., Naumann L.P., & Soto C.J.* Paradigm shift to the integrative Big Five trait taxonomy: History, measurement, and conceptual issues. // O. P. John, R. W. Robins, & L. A. Pervin (Eds.), *Handbook of personality: Theory and research* (pp. 114-158). New York, NY: Guilford Press, 2008.
 29. *Leippe M.R., Eisenstadt D., Rauch S.M., & Seib H.M.* Timing of eyewitness expert testimony, jurors' need for cognition, and case strength as determinants of trial verdicts // *Journal of Applied Psychology*. 2004. V. 89. P. 524-541.
 30. *Levin I.P., Huneke M.E., & Jasper J.D.* Information processing at successive stages of decision making: Need for cognition and inclusion-exclusion effects // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2000. V. 82. P. 171-193.
 31. *Loevinger J.* The attenuation paradox in test theory // *Psychological Bulletin*. 1954. V. 51. P. 493-504.
 32. *Maio G.R. & Esses V.M.* The need for affect: individual differences in the motivation to approach or avoid emotions // *Journal of Personality*. 2001. V. 69. P. 583-615.
 33. *Miniard P., Bhatla S., Lord K.R., Dickson P.R., & Unnava H.R.* Picture-based persuasion processes and the moderating role of involvement // *Journal of Consumer Research*. 1991. V. 18. P. 92-107.
 34. *Olson K.R., Camp C.J., & Fuller D.* Curiosity and need for cognition // *Psychological Reports*. 1984. V. 54. P. 71-74.
 35. *Osberg T.M.* The convergent and discriminant validity of the Need for Cognition Scale // *Journal of Personality Assessment*. 1987. V. 51. P. 441-450.
 36. *Patrick A. & Durndell A.* Lucid dreaming and personality: A replication // *Dreaming*. 2004. V. 14. P. 234-239.
 37. *Petty R.E., Briñol P., Loersch C., & McCaslin M.J.* The need for cognition // M. R. Leary & R. H. Hoyle (Eds.), *Handbook of individual differences in social behavior*. New York: Guilford Press, 2009. P. 318-329.
 38. *Petty R.E., Briñol P., Tormala Z.L., & Wegener D.T.* The role of metacognition in social judgment // A.W. Kruglanski & E.T. Higgins (Eds.), *Social psychology: Handbook of basic principles* (2nd ed.). New York: Guilford Press, 2007. P. 254-284.
 39. *Petty R.E. & Jarvis B.G.* An individual differences perspective on assessing cognitive processes // N. Schwarz & S. Sudman (Eds.), *Answering questions: Methodology for determining cognitive and communicative processes in survey research*. San Francisco: Jossey-Bass, 1996. P. 221-257.
 40. *Petty R.E., Schumann D.W., Richman S.A., & Strathman A.J.* Positive mood and persuasion: Different roles for affect under high- and low-elaboration conditions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. V. 64. P. 5-20.
 41. *Petty R.E., Tormala Z.L., & Rucker D.D.* Resisting persuasion by counterarguing: An attitude strength perspective // J.T. Jost, M.R. Banaji, & D.A. Prentice (Eds.), *Perspectivism in social psychology: The yin and yang of scientific progress*. Washington, DC: American Psychological Association. 2004. P. 37-51.
 42. *Priester J.R. & Petty R.E.* Source attributions and persuasion: Perceived honesty as a determinant of message scrutiny // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1995. V. 21. P. 637-654.
 43. *Rucker D.D. & Petty R.E.* When resistance is futile: Consequences of failed counterarguing for attitude certainty // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2004. V. 86. P. 219-235.
 44. *Rucker D.D., Petty R.E., & Briñol P.* What's in a frame anyway? A meta-cognitive analysis of one-versus two-sided message framing // *Journal of Consumer Psychology*. 2008. V. 18. P. 137-149.
 45. *Ruiter R.A.C., Verplanken B., De Cremer D., & Kok G.* Danger and fear control in response to fear appeals: The role of need for cognition // *Basic and Applied Social Psychology*. 2004. V. 26. P. 13-24.
 46. *Sadowski C.J.* An examination of the short need for cognition scale // *The Journal of Psychology*. 1993. V. 127. P. 451-454.
 47. *Sadowski C.J. & Cogburn H. E.* Need for cognition in the big-five factor structure // *The Journal of Psychology*. 1997. V. 131. P. 307-312.
 48. *Sadowski C. J. & Gulgoz S.* Internal consistency and test-retest reliability of the Need for Cognition Scale // *Perception and Motor Skills*. 1992. V. 74. P. 610.
 49. *Sargent M.* Less thought, more punishment: Need for cognition predicts support for punitive responses to crime // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2004. V. 30. P. 1485-1493.
 50. *Shestowsky D. & Horowitz L.M.* How the Need for Cognition Scale predicts behavior in mock jury deliberations // *Law and Human Behavior*. 2004. V. 28. P. 305-337.
 51. *Smith B.N., Kerr N.A., Markus M.J., & Stasson M.F.* Individual differences in social loafing: Need for cognition as a motivator in collective performance // *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*. 2001. V. 5. P. 150-158.
 52. *Streiner D.L.* Starting at the beginning: An introduction to coefficient alpha and internal consistency // *Journal of Personality Assessment*. 2003. V. 80. P. 99-103.
 53. *Stephan J. & Brockner J.* Spaced out in cyberspace? Evaluations of computer-based

- information // Journal of Applied Social Psychology. 2007. V. 37. P. 210-226.
54. *Tidwell P.S., Sadowski C.J. & Pate L.M.* Relationships between need for cognition, knowledge, and verbal ability // Journal of Personality. 2000. V. 134. P. 634-644.
55. *Tormala Z.L. & DeSensi V.L.* The perceived informational basis of attitudes: Implications for subjective ambivalence // Personality and Social Psychology Bulletin. 2008. V. 34. P. 275-287.
56. *Tormala Z.L. & Petty R.E.* Resistance to persuasion and attitude certainty: The moderating role of elaboration // Personality and Social Psychology Bulletin. 2004. V. 30. P. 1446-1457.
57. *Tuten T.L. & Bosnjak M.* Understanding differences in Web usage: The role of the need for cognition and the five factor model of personality // Social Behavior and Personality: An International Journal. 2001. V. 29. P. 391-398.
58. *Venkatraman M.P. & Price L.L.* Differentiating between cognitive and sensory innovativeness: Concepts, measurement, and implications // Journal of Business Research. 1990. V. 20. P. 293-315.
59. *Viridine J.I., Simmons V.N., & Brandon T.H.* Construction of smoking-relevant risk perception among college students: The influence of need for cognition and message content // Journal of Applied Social Psychology. 2007. V. 37. P. 91-114.
60. *Vogel T. & Kutzner F.* Finding the susceptible interaction partner: A dyadic perspective on attractiveness advantages. University of Basel, Basel, Switzerland, 2009.
61. *Vogel T., Kutzner F., Fiedler K., & Freytag P.* Exploiting attractiveness in persuasion: Senders' implicit theories about receivers' processing motivation // Personality and Social Psychology Bulletin. 2010. V. 36. P. 830-842.
62. *Webster D.M. & Kruglanski A.W.* Individual differences in need for cognitive closure // Journal of Personality and Social Psychology. 1994. V. 67. P. 1049-1062.
63. *Yang Y. & Lee H.J.* The effect of response mode, prior knowledge, and need for cognition on consumers' information acquisition process // Korean Journal of Industrial and Organizational Psychology. 1998. V. 11. P. 85-103.
64. *Ziegler R., Diehl M., & Ruther A.* Multiple source characteristics and persuasion: Source inconsistency as a determinant of message scrutiny // Personality and Social Psychology Bulletin. 2002. V. 28. P. 496-508.

Приложение

Шкала потребности в познании (Сасиорро, Petty, & Као, 1984; русская версия)

Инструкция. Пожалуйста, укажите для каждого приведенного ниже утверждения степень, в которой оно Вас характеризует. Если данное утверждение вас абсолютно не характеризует (вообще, не похоже на вас), пожалуйста, напишите рядом с вопросом цифру «1»; если данное утверждение вас абсолютно характеризует (очень похоже на вас), напишите рядом с вопросом цифру «5». Конечно, любое утверждение может и не быть абсолютной вашей характеристикой; если это так, то, пожалуйста, используйте нужное (лучше всего вас характеризующее) число между «1» и «5». Для оценки утверждений, приведенных ниже, используйте следующую шкалу: 1 = абсолютно не характеризует; 2 = отчасти не характеризует; 3 = неопределенно; 4 = отчасти характеризует; 5 = абсолютно характеризует.

№ п/п	Текст пункта	Ответ
1	Я предпочел бы комплексную проблему простой проблеме	
2	Мне нравится нести ответственность за ситуацию, требующую глубокого осмысления	
3	С моей точки зрения, размышления — это не самое веселое занятие	Р
4	Я скорее сделаю что-нибудь, требующее немного осмысления, чем нечто, безусловно, бросающее вызов моим умственным способностям	Р
5	Я стараюсь предвосхищать и избегать те ситуации, где я буду вынужден глубоко осмысливать проблему	Р
6	Я получаю удовольствие от глубоких и длительных размышлений	
7	Я думаю лишь настолько глубоко, насколько это нужно	Р
8	Я предпочитаю размышлять о небольших, повседневных вопросах, чем о долгосрочных проектах	Р
9	Я люблю задачи, которые можно понять сразу, как только с ними начинаешь работать	Р

10	Мне нравится ориентироваться на мышление при «движении на вершину» (при развитии карьеры и достижении высокого положения в обществе)	
11	Я действительно наслаждаюсь задачей, которая предполагает нестандартные решения	
12	Изучение новых способов размышления и мыслительных операций вообще меня не прельщает	P
13	Я предпочитаю, чтобы моя жизнь была наполнена головоломками, которые я должен решать	
14	Мне нравится идея абстрактного мышления	
15	Я бы предпочел такую задачу, которая интеллектуальна, сложна и важна, а не такую задачу, которая несколько важнее, но не требует особого интеллекта	
16	После решения задачи, потребовавшей от меня больших умственных усилий, я скорее чувствую облегчение, чем удовлетворение	P
17	Для меня достаточно того, что интересующая меня вещь или инструмент работали; мне не важно, как и почему они работают	P
18	Обычно я достигаю глубокого понимания тех или иных вопросов, даже если они лично меня не касаются	

Примечание. P — реверсивный пункт, требующий перекодировки при подсчете 1=5, 2=4, 3=3, 4=2, 5=1.

При использовании обязательна ссылка на данную статью и на оригинал:

Cacioppo J.T., Petty R.E., & Kao C.F. The efficient assessment of need for cognition// *Journal of Personality Assessment.* 1984.V. 48. P. 306-307.

RUSSIAN VERSION OF 18-ITEM NEED FOR COGNITION SCALE

Sergei A. Shchebetenko

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The history of 30-years long use of the Need for Cognition Scale (NCS, Cacioppo & Petty, 1982) as well as the need for cognition construct itself is briefly considered in the article. Afterwards, the necessity to develop the Russian version of NCS is stressed. In this respect, Russian NCS was invented and tested with the sample of 482 participants. Russian NCS has shown reliable internal consistency ($\alpha=.82$) as well as the one-factor solution with the exploratory factor analysis. However, somewhat decreased eigenvalue and fit indices in the confirmatory factor analysis were also revealed. Concerning concurrent validity of the scale, NC correlated positively with openness to experience measured with BFI and negatively with right-wing authoritarianism measured with RWAS. In terms of incremental validity of the Russian NCS, it was revealed that NC significantly moderates the relation between openness to experience and right-wing authoritarianism. Results, limitations and future research perspectives are discussed.

Key words: need for cognition; cognitive feelings; metacognitions; personality traits; psychometrics

УДК 159.9.01

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ НЕВОЗМОЖНОЙ ПРОФЕССИИ: ЗАМЕТКИ О ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ

С.Р. Динабург

В статье представлен взгляд на психотерапевтическую деятельность в дискурсах невозможного и парадоксального. Рассматриваются основные исторические аспекты психотерапевтической нейтральности: инструментально-технический, деятельностно-граничный и ценностно-этический. Аксиологические основания психотерапии изучаются в связи с основными фундирующими моделями, приводятся направления развития ценностной позиции психотерапевта.

Ключевые слова: психотерапия; методология психотерапии; психотерапевтическая нейтральность; скользкий путь; этические модели принятия решения; медицинская модель; индирективная психотерапия; инициальный опыт; интимность.

Но люблю я одно — *невозможно*.

И. Анненский

Забота о *душепопечении* на протяжении веков свершалась в модусах должного и сакрального, и даже психотерапия обыденной жизни — стихийные прототипы психотерапевтической деятельности имеют дело с необходимостью и тайной. Появление психотерапии как самостоятельного, профессионального рода деятельности и её рационализация и демистификация странным образом совпадают с обнажением модуса *невозможности*.

Конкретно третьей невозможной профессией (не путать с древнейшей) — наряду с образованием и управлением — назвал психоанализ сам З.Фрейд [9], обозначая здесь два фундаментальных положения. Первое: невозможность гарантии успеха, и даже — «можно быть заранее уверенным в достижении неудовлетворительных результатов», и второе: в этой профессии начальное обучение и квалификация заведомо недостаточны. Но Фрейд не просто констатировал невозможность, что снимало бы вопрос о профессиональной деятельности, он неоднократно признается в приверженности к этому невозможному. Пытаясь обосновать свой

метод в рамках науки, изгоняя демонов и духов, он сохраняет тайну невозможного.

Обозначенные Фрейдом положения со временем содержательно обогатились и оформились — эти *гиблые места* психотерапии нетрудно увидеть сегодня как «проблему эффективности» и «проблему институциализации», порождающие самые радикальные высказывания о предмете. Например, «...Произнесите слово «психотерапия» в любом собственном психологическом сообществе, и вы наверняка увидите пренебрежительные и в лучшем случае иронические гримасы. Психотерапия — недодносек, психотерапии как науки просто не существует. Неудивительно, что именно психологом еще в середине прошлого века было показано, что фиксируемый парадоксом эквивалентности обобщенный уровень эффективности психотерапии фактически совпадает с величиной спонтанной ремиссии пациентов/клиентов, составляющей 67% случаев ... «Психотерапия — профессия»? — Нет такой профессии ... «специалисты» ...не более психотерапевты, чем знахари, колдуны и шаманы Аляски, Новой Каледонии, Огненной земли и Восточной Сибири. Все существующие в настоящее время «психотерапевтические школы» со всеми своими образовательными учреждениями, печатными из-

даниями, ассоциациями и союзами, университетскими и медицинскими кафедрами и центрами — предыстория психотерапии как действительной, но еще не существующей научной области. Поэтому все те специалисты (врачи, психологи, педагоги и проч.), стремящиеся получить «психотерапевтическое образование», — это вовсе не кандидаты на приобретение профессии «психотерапевт», а лишь человеческий материал, поддерживающий существование «психотерапевтических школ»...»[7]. Заметим, справедливости ради, что автор высказывания обладает международными дипломами и сертификатами психотерапевта и указывает психотерапию областью своей психологической деятельности.

Оставляя в стороне дискуссионный вопрос о научности психоанализа и психотерапии (даже — о сомнительной чести принадлежать позитивистской науке), обратим внимание на глубокое понимание уже Фрейдом невозможной профессии, задающее дискурс *невозможности*.

Первая невозможность связана с необходимостью и безусловным соблюдением рамки, границы, запрета, причем новые *табу* каждой стороне терапевтических отношений трудны и «невозможны» для осознания по-своему, а квалификация факта соблюдения или нарушения границ становится отдельной задачей. И даже в гуманистической психотерапии есть свои «страшные вопросы и ответы», представляющие угрозу самой сути психотерапевтического контракта, «жестокое и труднохранимые тайны», от осознания которых «пресекается дыхание»[11]. Вся психотерапия, вне зависимости от теоретической ориентации, подразумевает эту искупительную жертву и разговаривает языком этических кодексов.

Вторая невозможность могла бы трактоваться как техническая сложность и ограниченность ресурсов. Фрейд скромно говорил о «наибольшей степени помощи, возможной в настоящий момент», о «брезжущем постижении» и предлагал довольствоваться позицией старого хирурга: *я перевязал раны, а Бог вылечит*. И хотя «начальная эра терапии — когда пациента считали таким хрупким, а тайны тех-

ники такими глубокими, что только человек с самыми высшими дипломами мог осмелиться лечить — ушла навсегда» [11], тем не менее вопросы — а что же, собственно, исцеляет? И как передать знание об этом даже себе самому? — остаются открытыми и *после ... нет*, не освоения терапевтом техники, а после стабилизации своей инструментальной жадности.

Третья невозможность — фундаментальная, клубок философско-антропологических проблем, проецируемых в область практики. Один из краеугольных камней в методе Фрейда — стремление к правде, и там, где эта ценность неосуществима, терапия заканчивается. Познавательная установка на поиск правды уже предполагает особую реальность — «предмет» анализа наличен, *дан* в своем существе. Конституирование реальности таким образом с необходимостью приводит к расширительному и даже параноидальному пониманию сопротивления: мир сопротивляется анализу. Психотерапевтические новации по необходимости — прежде всего поиски онтологического статуса предмета, ценностные революции, антропологические изыскания, среди которых вопрос о *сущем* и *должном* практически разрешается в методе.

Терапия для человека — это не восстановление утраченного, не возвращение к уже бывшему состоянию и качеству, это движение и становление в направлении аутентичности и самости, как бы *естественное проявление природы* с замаскированным аксиологическим вектором.

Психотерапия с момента «невозможной профессии», конечно же, расширила пространство возможного и несколько изменила отношение к невозможному в более позитивном ключе — пожалуй, сегодня можно говорить о *дискурсе парадоксального* в отношении психотерапии, как о чем-то жизне- и смыслопорождающем.

Так, даже гуманистическая психотерапия признает, что в некотором смысле она является «подрывной», разрушающей деятельностью для клиента/пациента, который не знает, что он приобретет в результате общения с терапевтом,

и есть причины, почему профессионалы предостерегают терапевтов, «предписывая им бежать как от огня от той самой человечности, которая есть ядро терапевтических отношений»[11].

Другой интересный и заслуживающий внимания парадокс заключается в том, что такой терапевтический инструмент, как *нейтральность*, вне зависимости от времени и профессиональной принадлежности, оказывается отнюдь не нейтральным.

Компетентный человек — это тот, кто ошибается в соответствии с правилами.

Поль Валерии

Для начала, некоторые суждения о нейтральности практикующих психотерапевтов:

«Оставаться всегда нейтральным и соблюдать границы — для меня это терапевтические аксиомы. Нейтральность не означает равнодушие. Это, скорее, безоценочность и беспристрастность... Это отделение собственных проблем, представлений о правильном и неправильном, моральных убеждений от стиля жизни, эмоций и поведенческих реакций клиента»[5].

«Итак, как понять, что нейтральность потеряна? Психотерапевт начинает испытывать некие неподобающие для психотерапии чувства в процессе приема: гнев, жалость, возмущение, торжество, облегчение, успокоение и т.д. Если ловишь себя на таких переживаниях в процессе приема, значит, загорелся маячок: проблемы с нейтральностью. Потому что, кроме интереса и любопытства, в общем-то в процессе приема ничего не должно беспокоить психотерапевта. Второй признак потери нейтральности — это когда психотерапевт “берет случай домой”»[2].

«С первых дней обучения нам объясняли про нейтральность... Я не хочу сказать, что ни разу не ощущала того, что вот-вот лишусь. Но, видимо, осознавая всю важность этой самой нейтральности и чувствуя поначалу безумный страх, что лишусь, или лишат, а я не замечу, я супервизировалась и супервизировалась... Чуть работа подзастряла — бегу»[6].

Исторически одно из первых пониманий нейтральности — *нейтральность техническая*

возникает в психоанализе. И уже здесь мы найдем несколько аспектов и даже противоречий. С одной стороны, Фрейд призывает аналитика именно к холодности и отстраненности, к необходимости, как хирургу, оставить в стороне все чувства, включая человеческое сострадание. Холодность или «схематичная нормальность» не являются самоценностью, но «это условие дает большие преимущества для обоих участников», обеспечивая необходимую защиту эмоциональной жизни врача, в конечном счете, ради благополучия пациента. Но Фрейд понимает, что вопрос *испытывания чувств* невозможен в аксиоматической постановке — дело совсем не в том, чтобы *требовать* от аналитика, чтобы он «не чувствовал страстей и не переживал внутренних конфликтов»[9]. Это вопрос, прежде всего, отношения — так он рассматривал возникающую в переносе любовь пациентки как одновременно нереальную и «подлинную» и предлагал технически относиться к ней как к нереальной, поскольку аффект мог бы *замутить чистые воды переноса* и сделать анализ невозможным. Решающий момент, с точки зрения техники, состоит в том, что у аналитика — особая и глубокая ответственность за управление данной ситуацией. В этом смысле Фрейд не мог быть безоценочным и беспристрастным ни к своим пациентам, ни к коллегам. Концепция же нейтральности в психоаналитической традиции раскрывается двояко: через метафору зеркала, отражающего только то, что показывает пациент, т.е. как закрытость, неизвестность внутренней жизни аналитика, а также как индифферентность. Последняя может показаться даже более резкой, чем нейтральность, но не означает отсутствия внимания к страданиям других людей и отсутствия эмпатии — она соответствует отношению равной доступности, единообразно распределенному вниманию, направляемому без различия на весь материал, предоставляемый пациентом[10]. Таким образом, грубо говоря, аналитику предлагается так управлять своими чувствами, руководствуясь теоретическими соображениями, чтобы не отвергать и не принимать чувства пациентки в переносе, тем самым, гу-

ляя по лезвию ножа, работая, как химик, с самым взрывчатым в мире материалом, оставаясь внешне бесстрастным. Фрейд выражает сострадание к «невозможной профессии», которая должна сочетать интимность и воздержание, отмечая, насколько затруднительным делом может быть справляться с эротизированным переносом, каков соблазн «забыть технику и врачебный долг ради прекрасного переживания»[10].

Как показало время, такая позиция в отношении нейтральности чревата тем, что сегодня называется профессиональной деформацией. В частности, когда в процессе столкновения с эмоциональной реальностью другого человека терапевт не испытывает доверия к собственным реакциям, девальвирует ценность своих «неподобающих чувств», испытывает дискомфорт *быть тем, кто он есть* или не считает это для себя приемлемым, пути компенсации различны. Однако зачастую терапевт принимает позу всемогущества, означающую, в частности, что он должен нести ответственность за все вопросы, все проблемы и все сопротивления, которые пациент приносит с собой. Он принужден, как министр в «Земляничной поляне» И.Бергмана, сказать: «Вернись, желание! Я должен тебя наказать всякий раз, когда ты появишься»[13]. Он находит способ работы, становящийся нарциссической защитой, при котором его иллюзия всемогущества не подвергается сомнению и хранится от неизбежных трудностей эмоционального раскрытия.

Однако, как отмечает И.Ялом, за последние десятилетия многие аналитики заметно изменили свою позицию. И хотя последователи традиционного психоанализа расходятся во мнениях относительно степени позволительного для терапевта самораскрытия, «которое варьируется от экстенсивного, практикуемого Канном, до чрезвычайно “непрозрачного”, защищаемого Лангзом»», «в целом, психоаналитики, — Ялом цитирует известного психоаналитика, — начали более свободно вступать в активный коммуникационный обмен с пациентами, вместо того чтобы ограничивать себя моделью без-

личного “нейтрального зеркала” — относительно молчаливого и бесстрастного»[11].

На смену пришла другая модель нейтральности, как *дистантность* и *соблюдение терапевтических и этических границ*, защита от «неподобающих действий». Технически непоколебимый нейтралитет и анонимность перестали играть значительную роль в большинстве направлений, где нейтральность инструментально стала применяться совместно с *прозрачностью* (самораскрытием) терапевта. Искреннее признание терапевта заключается в том, что бывают моменты, когда он испытывает гнев и раздражение в отношении клиента, и это стало необходимой частью процесса, её техникой, направленной, кроме всего прочего, против естественного мифотворчества о нейтральности терапевта, в котором могут быть заинтересованы обе стороны.

И все же, пишет И.Ялом, многие терапевты «шарахаются от самораскрытия», толком даже не понимая, почему они это делают. «Слишком часто, пожалуй, они рационализируют такую реакцию, облекая свои личные склонности в профессиональные одеяния. По моему убеждению, вряд ли можно сомневаться, что личные качества терапевта влияют как на его профессиональный стиль, так и на выбор им идеологической школы»[11].

Характер и значение *терапевтических границ* — степени личного или профессионального взаимодействия между психотерапевтом и клиентом — обсуждались с самого начала психотерапии и являются её неотъемлемой частью. Многие положения зафиксированы в профессиональных этических кодексах и руководящих принципах, где делается акцент на благосостоянии клиента, сохранении его достоинства, уважении и неприкосновенности частной жизни. Однако различные теоретические ориентации имеют различные толкования и применения терапевтических границ — некоторые подчеркивают важность четкого определения и последовательного соблюдения границ, другие отмечают терапевтическую важность их гибкости и снятия некоторых жестких положений. Теоретические ориентации терапевта, ве-

роятно, будут одним из самых значительных факторов, определяющих его подход к границам.

Проблема сохранения нейтральности выразилась не только в том, что теперь предлагается не одна аксиоматически-неколебимая позиция, мифический «нулевой вариант», а диапазон возможных чувств и действий, на которые нужно еще решиться. Кроме того, традиционные подходы к границам приняли твердую, формально-удушающую позицию против любых форм пересечения границ, таких как аспекты самораскрытия, встречи вне офиса, прикосновения, подарки и т.д., выступая идеологией *полного избегания*. Возник миф о так называемом *скользком пути (slippery slope)*, в основе которого лежит идея о том, что любое несоблюдение жестких стандартов, несомненно, приведет к вреду для пациента, его эксплуатации и сексуальным отношениям и сведет на нет терапевтическую эффективность. «Часто цитируемые Faulkner and Faulkne (1997) советуют быть психологически недоступным, чтобы "избежать рискованного поведения с клиентом, которые приводят к развитию дружественных отношений". Таким образом, одним росчерком пера на *дружественные отношения* накладывается вето или, по крайней мере, они считаются неэтичными. Аналогичные последствия вытекают из широко опубликованных высказываний психолога и юриста Woody, который утверждает: "В целях сведения к минимуму риска сексуального поведения, политики должны запретить практикующим любые контакты с клиентом вне контекста терапии и должны исключать двойные отношения любого типа". Simon предписывает: "Убедитесь в отсутствии предыдущего, текущего или будущих личных отношений с пациентами"...» [14]. Отзываясь на эту ситуацию, где каждый шаг может оказаться этически спорным или скомпрометированным, И.Ялом иронично замечает: «Поскольку каждая встреча терапевта и пациента начинается то *беспрепятственное скольжение*, которое приводит к некоторому нарушению границ, то человеческие взаимодействия между пациентом и

терапевтом сами по себе являются свидетельством чего-то плохого» [11].

Позиция И.Ялома в данном вопросе достаточно ясная — любые директивные инструкции, ограничивающие гибкость терапевтов, снижают эффективность их работы. «Я встречал терапевтов, «стреноженных» одним — убеждением, что они должны всегда оставаться совершенно анонимными и нейтральными, другие — непрерывной битвой за честность и прозрачность... Терапевты должны востребовать обратно право на свое профессиональное поле деятельности и не позволять никаким иным соображениям, кроме благополучия пациента, направлять их практику... Я предлагаю поощрять пациентов и терапевтов говорить свободно, без внутренних цензоров, отбрасывая все внутренние фильтры, за исключением одного — фильтра ответственности перед другими людьми» [11]. О.Цур (2006) идет дальше, предлагая и теоретическое обоснование, и эмпирически проверенные *этические модели принятия решений*. В своей интереснейшей и достойной внимания практике статье [14] он утверждает: «Одно из самых распространенных заблуждений психотерапевтической этики заключается в *отсутствии дифференциации между нарушением границ и пересечением границ*. Граничные нарушения происходят, когда терапевты пересекают линию порядочности и добросовестности, злоупотребляют своей властью для эксплуатации клиентов, что обычно включает бизнес или сексуальные отношения; они всегда неэтичны и, вероятно, будут незаконны. Пересечения границ очень отличаются от нарушения границ, однако они более неуловимы и, следовательно, труднее определимы. Пересечения границ часто являются частью хорошо построенного терапевтического плана и, зачастую, неотъемлемой частью терапевтического подхода или культурных особенностей терапевтической ситуации». Процесс этического принятия решения, предлагаемый Цуром [14], нацелен на включение морального и критического мышления и предполагает несколько этапов (ограничимся приведением первых из них в переводе с английского).

Первый шаг заключается в «опознании» (identifying) проблемы. Второй — в рассмотрении всевозможных сторон ситуации, конфликтных позиций, озабоченности клиента, его семьи и сообщества, а также всего контекста терапии. В качестве основания регулирования принимаются в расчет не только этические кодексы, особенно относящиеся к этой ситуации, но и дополнительные моральные, философские, духовные и общественные ценности, а также другие уместные соображения. Этот этап направлен на мозговой штурм или отображение (как можно более широко) этических, профессиональных и других, связанных с ними, сложностей, а не на их решение — поскольку преждевременное сужение сферы рассмотрения может привести к необоснованным, неэтичным или даже вредным выводам. Третий шаг состоит в разработке ряда альтернативных вариантов действий. Как и второй, он приглашает терапевта мыслить широко и рассмотреть так много вариантов, насколько это вообще возможно, исходя из того же понимания.

Следует отметить, что в результате долголетней борьбы на этическом поле боя этический кодекс 2002 г. Американской психологической ассоциации (АРА) содержит попытки уменьшить неопределенность и более четко определить призрачные термины, такие как "разумно", "соответствующее" или "потенциально". Теперь он содержит понятие *аналогичной деятельности в аналогичных обстоятельствах*, и действия терапевта должны оцениваться в контексте стандартов и практики, принятой терапевтами аналогичной ориентации, работающими в сопоставимых условиях, ситуациях и социальных сообществах.

Резюмируем: этот аспект нейтральности терапевта неумолимо ввергает его в экзистенциальную ситуацию, где нет готового, предустановленного образа поведения, как чего-то такого, что заведомо можно знать точно, следует блюсти или опасаться лишиться. *Невозможная профессия* осознается в пространстве между мнимой и реальной опасностью, между невозможностью заниматься терапией и нарушением. Авторы многочисленных публикаций, книг

и сводов *Risks, Perils* и *Pitfalls* предупреждают терапевтов, что эти *Риски, Опасности* и *Ловушки* в не меньшей степени ожидают тех, кто «воздерживается от всего».

Третий аспект психотерапевтической нейтральности, о котором нельзя не упомянуть, понимается как *ценностный*. Доктрина ценностной нейтральности или ценностной свободы (value freedom and value neutrality) в социальной науке и практике констатирует разрыв между реальностью (логикой) факта и реальностью (логикой) ценности. Между тем этот разрыв преодолевается в деятельности практика, и еще Макс Вебер указывал социологам на необходимость выявлять свои ценности и исследовать их воздействие на процесс и результат изыскания.

В целом, в начале своего пути психотерапия подчеркнуто держалась в стороне от того духа морализаторства, которым были проникнуты другие сферы социальной практики (а психоанализ, в своих теоретических положениях, бросал вызов — если не ценностям как таковым, то ценностным идеям об их происхождении). Однако долгое время ценностная нейтральность понималась как вопрос отказа от декларирования *ясной ценностной позиции терапевта*, возможности ценностных дискуссий и ценностной стерильности высказываний. Даже такой авторитет, как Р.Кочюнас, имеет «более или менее ясный» прагматический ответ на вопрос, «часто задаваемый в консультировании и психотерапии, — "Как я должен жить?"». А именно — «проблемы клиента следует воспринимать как следствие психического и духовного нездоровья, а не как предмет моральности» [4]. (Данная позиция навеивает с воспоминания о дискуссии в российской психологии конца 90-х гг. о возможности построения «нравственной психологии» — о соотношении, «живом напряжении» между *сущим* и *должным*, вернее, *о сущем должного* и *о должном сущего*, а также о традиционной уже для отечественной психологии разьединенности *духовного* и *морального* [8]).

Итак, одна из позиций ценностной нейтральности означала, что терапевт не вносит в

терапевтические отношения свою ценностную систему и жизненную философию и не должен занимать в отношениях с клиентом определенную позицию по моральным и ценностным вопросам во избежание морализаторства и ценностного «заражения». В противовес ей существовала и другая позиция, согласно которой терапевт должен открыто и ясно демонстрировать клиенту свою ценностную позицию и давать моральную оценку событий и поступков. (Позиция отрицания терапевтом ценностей или отрицания ценности разговора о ценностях также является ценностным представлением, достаточно очевидно выражаемым). Полярность эта яркая, но, как представляется, слишком очевидная и поверхностная. Герой известного анекдота про терапевта, чей клиент в финале утверждает: «... но теперь я этим горжусь!», мог бы, вообще говоря, принадлежать к любому из описанных лагерей. Р.Кочюнас косвенно признает имплицитный характер связи между ценностями терапевта и его воздействием на клиента: «В любом случае влияние ценностей консультанта на клиента имеет свою этическую сторону, если признать, что выдвигаемые консультантом цели и используемые методы отражают и его философию жизни. Даже прямо не навязывая клиенту свои ценности, однако придерживаясь в работе определенной философии, мы неизбежно "вносим" в консультирование свое воззрение на систему сущностных вопросов жизни»[4].

Понимание, что психотерапия не является ценностно-нейтральной областью деятельности, пришло не сразу и было инициировано дискуссией 80-х гг. о ценностных основах терапии, в которой приняли участие многие психологи, в том числе К. Роджерс. Независимо от априорных постулатов и несмотря на стремление самих терапевтов к ценностной нейтральности, «в результате огромной работы, проделанной гуманистическими психологами, было выявлено, что ценностно-нейтральная терапия невозможна, воздействие неустранимо»[3]. А именно, в ряде исследований было показано, что представление о человеческой природе влияет на то: а) как определяются страдание,

прогресс, здоровье, желательные и нежелательные события в процессе терапии и б) на ценностной основе происходит выбор целей терапии, приоритетных направлений для работы, структуры и содержания терапевтических сессий, техник и критериев для оценки терапевтических изменений. И речь не идет только о *морально-этическом* обмене или влиянии, но в пределе — об онтологической картине.

Итак, невозможность ценностного аспекта нейтральности — самая беспощадная. И хотя для терапевта это не ситуация беседы с Понтием Пилатом, когда надо бы уже определяться, тем не менее хорошо бы представлять выбор возможных исходов.

Первая позиция — «честный исследователь» (или *привет от М.Вебера*). «Если ни практики, ни исследователи не могут быть нейтральны, они должны принять реальность своего влияния и невозможность ценностно-независимого подхода. Следовательно, осознание собственных ценностей психотерапевтом является профессиональной необходимостью» [3].

Вторая позиция — «да здравствует *постмодернизм-пофигизм!*». Импульс гуманистической терапии (позиция полного принятия) реализуется в постмодернистских терапиях, признающих множество равновозможных и легитимных точек зрения (этический релятивизм). Как показала история, этический релятивизм местами убедителен, но логически непоследователен, как тот *истинный пофигист*, который все-таки имел свои ценностные предпочтения, но зато был глубоко равнодушен к мнениям о его непоследовательности и недостаточной истинности.

Третья позиция — «обращение к универсальным духовно-нравственным ценностям», а не наличному социальному измерению человеческой реальности. В основе должно лежать признание существования общих духовных ценностей — духовных сил, управляющих поведением человека. В противном случае психотерапия — тип технической рациональности, а образ терапевта «произведен от некоторого базового типичного характера современности —

менеджера, жизнь которого определяется прежде всего стремлением к достижению требуемого от него результата», который нанимается, чтобы ассистировать в предприятии индивидуалистического процветания клиента[3]. Р. Мэй, подметивший грустную тенденцию превращения прежних идей в скучную «макдональдс»-терапию, указывал при этом на опасность того, что психотерапия стала селф-озабоченной, установившей, приспособившей и создавшей новый тип клиента — нарциссическую личность с её новым культом успеха и процветания.

Но возможно ли это — возвращение в завоеванное поле «психического нездоровья» морально-нравственной проблемы, несущей человеку, кроме ответственности за свои ошибки, и осознание *реальной вины*? Не будет ли это «возвратом к средневековью», как опасались еще сравнительно недавно? И если это возможно, то какими путями?

Абсурд является не конечной, а начальной точкой наших рассуждений.

Альбер Камю

XX век породил дискурсы и едва ли не самый заметный среди них — дискурс *невозможности и кризиса*. Однако сегодня слышится другое настроение. Возможно, это не тренд и не станет трендом, а останется различимыми индивидуальными голосами — а *слышать и слушать голоса* — перестанет быть симптомом болезни или идеологической незрелости.

Итак, голоса эти о том, что мы живем *во время перехода*, есть желание интеграции и общих основ, но желание это находится пока в противоречии с готовностью встречаться (по М.Бахтину) «прямо на почве последних вопросов» (или — метатеоретических и аксиологических оснований). «Наличие огромного разнообразия моделей психотерапии, рост числа направлений в последние десятилетия воспринимается как следствие какого-то упущения в терапии в целом. Возможно, терапевты взяли на невыполнимую задачу: заботу о душе безотносительно к духовным аспектам бытия».

И упущение видится в том, что традиционные психотерапевтические подходы имеют в

основе медицинскую модель терапии и воспроизводят её. Эта модель предполагает отношение «Я — доктор, Вы — пациент», с огромными обязательствами терапевта «соответствовать» и желанием клиента получить себя как продукт «излечения», не нуждающийся в дальнейшем движении. Суть такого процесса — некое специфическое воздействие на клиента после установления некой специфической причины нарушения. Его краеугольные камни: описание мишени — психологического нарушения, проблемы или жалоб; теоретическая база для объяснения генезиса нарушения, проблем или жалоб и для механизма их устранения; спецификация терапевтических действий, согласующихся с теорией, и убеждение в том, что специфические воздействия ведут к эффективности. Его недостатки — в теории до сих пор не удалось уверенно идентифицировать реальные могущественные факторы воздействия (значит, общая сердцевина психотерапевтического процесса не выявлена), а в практике ощущается огромное давление на терапевтов, поскольку предъявляемые им требования формулируются в терминах медицинской модели. Как было показано, гуманистический подход также во многом относится к медицинской модели и перейти от стратегии воздействия к стратегии взаимодействия в полном смысле не удалось[3].

Альтернативные стратегии понимания фактически уже существуют и реализуются в практике индирективной психотерапии, возникшей в недрах уже существующих традиционных подходов. Она по своей сути является феноменологией *инициального опыта* — терапевтический процесс не может быть произведен внешними силами и действиями, предполагается, что у каждого человека есть все необходимые и достаточные «ресурсы» для выполнения основной терапевтической работы. Критическими точками этого универсального процесса являются особого рода инициальные опыты — опыты радикальной внутренней трансформации человека, не выводимые из его прошлого и прямо не производимые по законам самого терапевтического действия.

Таким образом, эта модель — не форма одностороннего воздействия на пациента, а общий отрезок пути (совместный процесс), на котором один (терапевт) создает условия для инициального опыта и извлечения смысла — расчищает дорогу и выступает в качестве проводника. Тем самым совершается работа «*майевтического понимания*, которое оказывается уже не чисто познавательным, но онтологически продуктивным актом: оно приводит к присутствию, высвобождает, впервые устанавливает в бытии такие силы и события, которые до самого этого майевтического акта понимания не существовали. Майевтическое понимание открывает возможность как для терапевта, так и для пациента целостного и полного личностного присутствия в со-бытии друг другу и благодаря этому — возможность абсолютно новых инициальных опытов»[1].

Если вернуться к попыткам утверждения духовных универсалий, то их традиционно смысловой ряд, вероятно, знаком каждому. Однако некоторые ноты, возможно, покажутся необычными: речь идет о возвращении в психотерапию *интимности* (intimacy), о которой говорится с почти религиозным почтением. Наш перевод фрагмента статьи из профессионального журнала может показаться поэтическим, но оригинал действительно имеет поэтический строй [12]. Интимность — священный долг, у которого есть качество Благодати — воплощения любви, сострадания и сочувствия. Чтобы быть реализованной, это требует познания наших душ и готовности выразить это в наших отношениях и к миру в целом. В этом случае мы никогда не являемся одинокими и потерянными, чтобы исцелиться, нужно преодолеть личную целостность и иметь интерес к проживанию в сложном и часто пессимистическом мире. У психотерапии есть элементы исповедальной близости, но, за редким исключением, нет никакого прощения.... Душа в контакте с терапевтом должна быть принесена человеку в подарок, и терапия терпит неудачу, когда близость находится в зависимости от патологической модели — исправление патологии заменяет духовный рост и изгоняет элементы состра-

дания или человечности. И терапевт, и клиент должны войти в сферы тайны и парадокса как партнеры.

Список литературы

1. *Архангельская В.В.* Проблема понимания в современной индирективной психотерапии: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 194 с.
2. *Варга А.Я.* Типичные предрассудки Российских семейных психотерапевтов // Психотерапия и консультирование личности, семьи, социума: докл. конф. по семейной психотерапии межд. конгресса. М., 2004.
3. *Колпакова М.Ю.* Диалог как основание психотерапевтической интеграции // Гуманитарные исследования в психотерапии/ под общ. ред. Ф.Е.Васильюка. М.: МГППУ, ПИ РАО, 2007. 262 с.
4. *Кочунас Р.* Основы психологического консультирования. М.: Академический проект, 1999. 230 с.
5. *Локкова Ю. В.* Крылья, ноги, главное — нейтральность! URL: <http://lokkova.livejournal.com/8467.html> (дата обращения: 03.04.2009).
6. *Ненюкова О.Р.* Как я лишилась нейтральности // Журнал практической психологии и психоанализа. 2005. № 4.
7. *Орлов А.Б.* Психотерапия в процессе рождения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т.3. № 1. С. 82-96.
8. Психология и этика: опыт построения дискуссии. Самара: Издательский дом «БАХРАХ», 1999. 128 с.
9. *Фрейд З.* Анализ конечный и бесконечный// Московский психотерапевтический журнал. 1996. № 2. С. 125-155.
10. Эротический и эротизированный перенос/под общ. ред. М.В.Ромашкевича. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. 320 с.
11. *Ялом И.* Теория и практика групповой психотерапии. СПб.: Питер, 2000. 640 с.
12. *Finlay D. J.* Notes on Intimate Connections // Bioenergetic Analysis. The Clinical Journal of the International Institute for Bioenergetic Analysis. 2010. Vol. 20. № 1. P.31-47.
13. *Zink L.* The Therapist's Body in Clinical Practice: A Reflection on the Therapist's Sexuality, Pleasure and Depression // Bioenergetic Analysis. The Clinical Journal of the International Institute for Bioenergetic Analysis. 2002. V. 11. № 2. P.87-90.
14. *Zur O.* Therapeutic Boundaries and Dual Relationships in Rural Practice: Ethical, Clinical and Standard of Care Considerations// Journal of Rural Community Psychology. 2006. V. 9. № 1. URL: http://www.marshall.edu/jrcp/9_1_Zur.htm

(дата обращения: 06.04.2011)

AXIOLOGICAL BASES OF AN IMPOSSIBLE PROFESSION:
NOTES OF PSYCHOTHERAPEUTIC NEUTRALITY

Svetlana R. Dinaburg

Perm State Technical University, 614990, Perm, Komsomolsky pr., 29

The article presents a view of the psychotherapeutic work in discourse of impossible and paradoxical. The main historical aspects of psychotherapeutic neutrality are presented: technical and instrumental, activity-boundary and value of ethics. Axiological bases of psychotherapy are considered in connection with the main funding models, the directions of the development of value-positions therapist are given.

Key words: psychotherapy; psychotherapy methodology; psychotherapeutic neutrality; slippery slope; ethical decision-making model; medical model, inprescriptive psychotherapy, initial experience; intimacy.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.341.35

**ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ СТУДЕНТОВ В СОВРЕМЕННОМ
ЕВРОПЕЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ***Мирьяна Уле*

Рассматриваются результаты исследования общественного положения студентов в Словении, которые были получены в 2008 г. Выборка состояла из 3006 студентов 4 университетов в Словении (университет в Любляне, университет в Мариборе, Приморский университет, университет в Новой Горице). Обсуждались следующие вопросы: как студенты справляются с рисками современного общества; представляют ли студенты в современном обществе культурный авангард общественного развития? Исходя из тезиса, что процесс образования преобразуется из области желания (познания, умения, навыки, личный рост, критическое мышление) в область требования (борьба за лучшее социально-экономическое положение на рынке труда и в обществе в целом), то попытались понять сам процесс университетского образования, каковы его релевантность по отношению к рынку труда, влияние на социально-экономическое положение студентов и формирование их биографий и, наконец, что означают стратификационные сдвиги в обществе.

Ключевые слова: студенты; социально-экономическое положение; переходный период; ценности.

В последние годы наблюдались студенческие демонстрации протеста во многих европейских государствах: в Италии, Австрии, Германии, Франции, Испании, Хорватии, Финляндии, Великобритании, Греции. В Словении в последние два года были проведены два митинга протеста, объединенных общей целью — повышение уровня жизни студентов и доступности образования. Все эти протесты кажутся частными, особенно при сравнении со студенческим движением в конце 60 — 70-х гг. прошлого века, принявшим форму глобального студенческого бунта, потрясшим и местные власти, и мировое сообщество. Интересно, что не только политическая, но и научная общественность не реагировала на протесты последних лет. Ни одно из выступлений не анализировалось специалистами общественных наук. Тем не менее все эти акты протеста не случайны и не являются проявлением только местной инициативы студенческой молодежи (Бюрне, 2009).

Возможно ли каким-либо образом сравнить современные студенческие волнения со сту-

денческим движением 60–70-х гг.? Для последних было существенно несоответствие между относительно высоким уровнем студенческой социальной инновации и относительной закрытостью институтов общественных организации и масс-медиа, призванных побуждать социальную активность, остающихся глухими к молодежным проблемам. Исследователи выступлений студентов 60-70 гг. объясняли их массовость и универсальность неосознанной реакцией молодых людей на грядущие общественные изменения. Именно студенческое движение предсказало появление постиндустриального, информационного общества, или общества «знания», в котором стратегическими факторами развития становятся знание, инновации, информация, коммуникация, а не массовый промышленный продукт и потребление (Keniston, 1971; Inglehart, 1977; Braungart, Braungart, 1989; Ule et al., 1996). Именно студенты обратили внимание на рост негативных последствий стремительного развития современного общества, например на экологические последствия.

Мирьяна Уле — профессор, Люблянский университет (Словения); e-mail: mirjana.ule@fdv.uni-lj.si.

Следует заметить, что в последние десятилетия обещания постоянного развития и прогресса неолиберальными экономистами и политиками оказались неоправданными, и эту неоправданность особенно сильно чувствуют молодые люди (Arnett, 2007; Côté, 2007). Будущее им представляется более зыбким, чем прошедшее и настоящее их родителей. Молодые дипломированные специалисты с низкими первоначальными доходами уже во время экономического бума во второй половине XX в. представляли собой дешевую квалифицированную рабочую силу для собственников капитала, прибыли которых стремительно возрастали (Griffin, 1993). Сегодня, во время экономического кризиса, снова самыми уязвимыми становятся выпускники вузов, которые ищут первую постоянную работу. Наряду с этим повлиял и «Болонский процесс» — реформы университетского образования для Европы, который оказался «орудием маркетингизации» университетского образования и подчинения университетов «логике капитала», как это утверждает Антиони Леругетел в своих записках о студенческих волнениях во Франции (Lerougetel, 2003). Этот процесс видоизменяет вузовское образование в академический конвейер, который устраняет университет как место формирования идентичности и самоопределения молодых людей и претворяет в «школу», где студенты должны только прилежно отслеживать учебный план и заканчивать университет в положенное время. Времени и возможностей для размышления о том, что делают и что собираются делать с достигнутым знанием, нет (Lerougetel, 2003).

Сегодняшнее положение студентов определяют две общественные трансформации, которые существенно изменяют положение молодых людей: продление срока образования, что приводит к более длительной экономической и социальной зависимости прежде всего от родительской семьи и общественных трансформаций. Продление срока образования в высшей школе — норма, привлекающая в Европе все больший круг последователей. Основа этой нормы — убеждение в том, что молодых людей

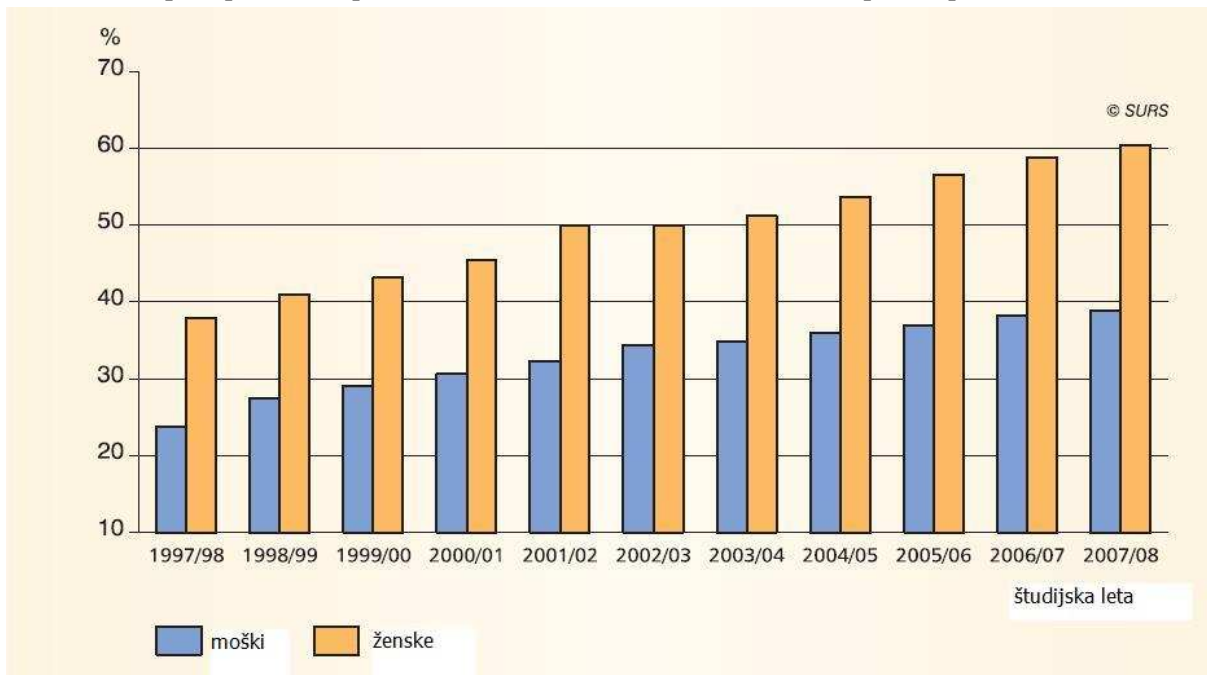
следует готовить для будущей работы при помощи формального образования. Как говорят Коте и Аллахар (1994), — это следствие монополии образовательной системы и потребности некоторых профессиональных групп в повышении статуса и благосостояния. Следствием этого явилось повышение образовательного ценза при приеме на работу: для получения многих профессий, для которых ранее было достаточно средней школы, сегодня данная квалификация требует высшего образования, хотя работа остается прежней и количество знаний, которыми нужно овладеть, изменилось незначительно.

Как показывают статистические данные, в последние 10 лет во всех государствах ЕС значительно увеличилось число поступающих в высшие профессиональные образовательные учреждения, ориентированные на сферу обслуживания, а среди абитуриентов возросла доля женщин. Выбор профессий остается все еще традиционным: девушки предпочитают, главным образом, общественные, гуманитарные программы, поступают на факультеты социальной защиты, здравоохранения. Юноши в большей степени ориентированы на естественнонаучные и технические программы.

Эти изменения глубоко влияют на жизненную ориентацию студенческой молодежи и соответствуют изменениям в глобальном обществе. Сегодня все большее число молодых людей продолжает образование в университетах и других высших учебных заведениях. Поэтому «студенческая жизнь» потеряла свой недавний оттенок особенности и привилегированности (Уле, 2008). Продолжение образования в третье десятилетие жизни обуславливает экономическую и психосоциальную зависимость молодого человека от семьи родителей и статус опосредованного гражданства. Основная причина значительного роста количества молодежи, продолжающей образование после средней или профессиональной школы, не является следствием стратегических решений и великодушия государственных политиков по отношению к молодым или осознания важности интеллектуального капитала у молодых. Думается, что это

больше последствия недостатка шансов получения квалифицированной работы согласно об-

разованию и уменьшения ранней претензии на свое место на рынке рабочей силы.

Примечание: moški — мужчины; ženske — женщины; študijska leta — год обучения.

Рис. 1. Процент молодых в возрасте от 19-23 лет, ориентированных на сферу обслуживания, в зависимости от пола в период с 1997-2008 гг.

Общий уровень образования среди молодежи действительно повысился, тем не менее с ростом требований к квалификации рабочей силы преимущество получили представители средних и высших слоев общества, поскольку они имеют более высокие оценки по окончании основной школы и поэтому могут поступать в более престижные гимназии, а после получения среднего образования — на престижные факультеты университетов. Прежде всего, для среднего и высшего слоев часто характерно вложение средств в образование детей, рассматриваемое как хорошее «инвестиционное решение» (Карр, Штельман, Повел, 1991). Лишь небольшая часть молодых людей имеют возможность добиться успеха, карьеры, материального положения, стиля жизни, о которых еще десятилетие или два назад невозможно было и подумать. Остальные обходятся случайной, часто временной работой, которая предполагает продолжение зависимости от родителей с заметным увеличением требования к образованию, квалификации, к трудовой дисциплине, с институционализацией низких доходов и замет-

ным увеличением издержек для обеспечения какой-либо степени независимости (Voigt, 2007). Если учесть, что после окончания образования молодые люди очень редко получают работу, соответствующую их квалификации, и вынуждены соглашаться на самую низкую оплату труда, можно увидеть, что цена перехода из образования в профессиональную деятельность очень высока. Низкая оплата труда молодых людей «награждает» работодателей, но не молодых. Работодатели имеют пользу, когда получают недорогую рабочую силу с самым современным образованием.

Таким образом, молодежь маргинализована на рынке рабочей силы, выключена из главных потоков взрослого общества и, как следствие, отстранена от источников власти. Без своих экономических и политических представителей они имеют мало прав, привилегий и более низкий общественный статус (Côté, 2002; Roberts, 2003; Ule, 2008.). На все эти проблемы имплицитно реагируют студенческие волнения по Европе. Представляется, что именно студенческие (и шире — молодежные) протестные вы-

ступления в Европе — первые ласточки слома репродукционной системы неолиберальной экономики и неолиберального общества. Проблема неолиберальной экономики и общества заключается в том, что они больше действуют на уровне репродукции экономического, чем на уровне репродукции человеческого капитала, и переносят издержки последнего на плечи индивидуумов.

Социально-экономическое положение студентов в Словении

Несмотря на исключительные изменения в последнее десятилетие, которые молодые люди переживают в период социального взросления, исследованию положения уделяется мало внимания. В Словении в 2008г. по инициативе студенческой организации Словении было проведено полноценное исследование студенческой молодежи в Словении. Исследование «Социально-экономическое положение студентов в Словении» (Уле и др., 2008) охватило выборку 3006 студентов из всех 4 университетов в Словении. Цель исследования — получить данные о социально — экономическом положении, ценностных и жизненных ориентирах студентов. Результаты исследования дают возможность увидеть срез студентов в этот период времени, раскрыть противоречия ситуации, их положения сегодня.

Социально-экономическое положение студентов в Словении представлено при помощи данных о месте жительства во время обучения, социального статуса семьи родителей, издержек студенческой жизни и источников средств существования.

Большинство студентов, задействованных в исследовании, во время обучения живет в семье родителей (43,6%): из них 27,0% — дома вне места учебы и ежедневно ездит на занятия. В студенческом общежитии проживают 22,8% опрошенных; снимают комнату 8,2% респондентов. Сравнение с исследованием европейских данных, полученных при исследовании «Евростудент» (Евростудент, 2008) показывает, что способ проживания студентов в Словении сравним с европейским. В Словении живет не-

сколько большая часть студентов с родителями за счет уменьшения количества живущих в студенческих общежитиях. На вопрос об удовлетворении условий их проживания 50% студентов, живущих дома, отмечали (значительную) неудовлетворенность условиями проживания. Больше всего удовлетворены те, кто живет в арендованных комнатах и квартирах. Но этот вариант проживания, как утверждают результаты исследования «Евростудент — 2008», самый дорогостоящий.

Социальный статус семьи родителей мы измеряли образованием и рабочим статусом отца и матери. Законченную или незаконченную начальную школу имеет приблизительно 0,1 родителей (10,0% — мать и 8,0% — отец), около половины родителей имеют профессиональное или среднее образование (48,7% — мать, 51,4% — отец), в русской традиции называемое «неоконченное высшее образование» — у пятой части родителей (18,1% — матери и 16,0% — отцы), высшее, или «последипломное» образование, имеют почти четверть родителей (23,3% — матери и 24,6% — отцы). Образование родителей студентов несколько выше, чем в целом среднее образование в Словении. Похожее сравнение между данными родителей и данными статистики об образовании было сделано в последнем исследовании «Евростудент» (Орр и др., 2008), чтобы оценить доступность высшего образования в европейских государствах. Они утверждают, что самая доступная вузовская система — в Нидерландах и Финляндии, далее следуют Испания, Швейцария и Ирландия. Наиболее социально эксклюзивная система, по данным Евростудента, — в Латвии, Словакии, Чехии, Румынии и Болгарии. Словения находится в середине на одиннадцатом месте среди двадцати государств, включенных в исследования (Орр и др. 2008: 63).

Среднемесячные затраты на проживание студента в Словении, по оценке опрошенных, составляют 400 евро. Основные источники дохода: финансовая помощь родителей (90%), у 40% — стипендия, и 65% опрошенных зарабатывает через студенческий сервис (временная

работа, которую предприниматели оставляют для студентов, т.к. государство берет на себя обязательства по предоставлению социального пакета, что снижает затраты работодателя (*прим. переводчиков*). Родители и студенты (работающие параллельно с обучением) покрывают примерно 60% расходов студенческой жизни, 40% покрывают предприятия целевыми (кадровыми) стипендиями и другими социальными трансферами.

Студенты отвечали на вопрос, как они оценивают свой жизненный уровень. По данным исследования «Евробарометр», в 2008 г. 52% анкетированных жителей Словении отметили снижение их жизненного уровня в последние 5 лет, и только 15% — повышение. С осени 2007 г. до мая 2008 г., по данным словенского «Евробарометра», число тех, у кого были финансовые проблемы, возросло на 20%: с 39 до 59% (Евробарометр, 2008). Ответы студентов показали, что у большинства студентов жизненный уровень не снизился. Вместе с тем мы предполагаем, что родители студентов направляют свои финансовые источники и сбережения детям.

Снижается жизненный уровень тех студентов, у которых родители имеют невысокое образование, а также у тех, кто живет в студенческом общежитии или снимает комнату. Результаты показывают, что снижается жизненный уровень студентов из семей с неблагоприятными социальными условиями по сравнению со студентами из социально благополучных семей, а также тех, кто на время учебы покидает семью. Тут приходим к парадоксу, как показывают исследования «Евростудента», жизнь в семье родителей во время учебы, менее удовлетворяющая и менее желаемая, все же дешевле и материально более выгодна (Орр и др., 2008). Если студент зависит от материальных условий, то должен на время учебы согласиться проживать в семье родителей. С учётом этого студент должен соотносить и выбор программы обучения и даже университета. Однако это вызывает его зависимость от родителей и семьи не только материально, но и психосоциально,

что затрудняет переход к самостоятельности, а следовательно, и взросления.

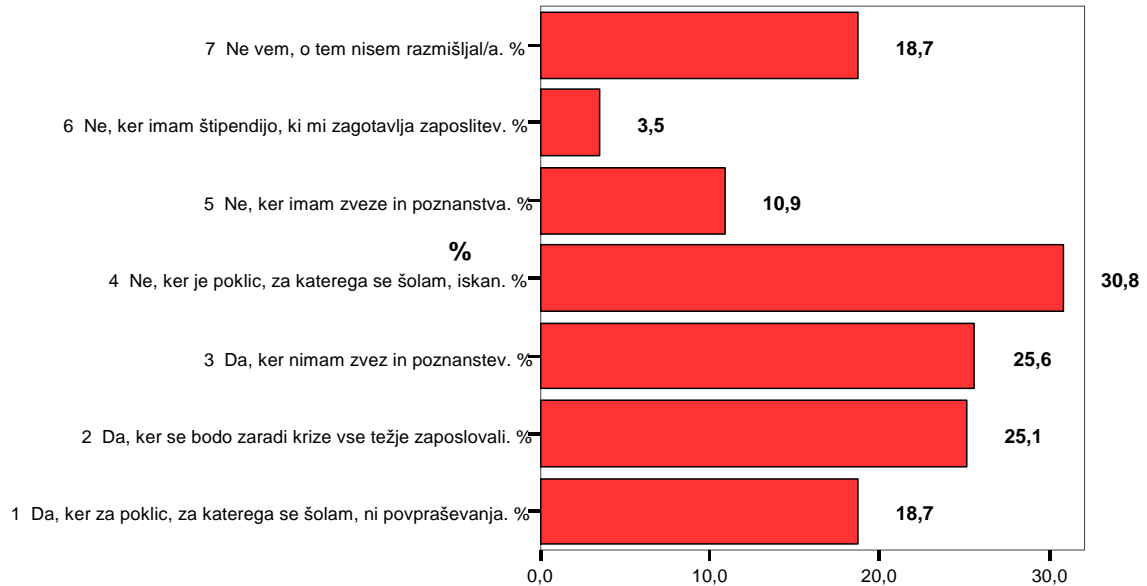
Переход в статус работника

Как обстоит дело с трудоустройством молодых людей по окончании обучения? В Словении в данный момент отмечается одна из самых низких в Европе степень нетрудоустройства молодежи. К сожалению, у нас нет данных исследования, показывающих, сколько из них трудоустраиваются в соответствии с их образованием, сколько времени они занимаются временной работой или работой с почасовой оплатой, т.е. работой время от времени. Однако, полагаясь на результаты исследования, мы пришли к выводу, что студенты озабочены трудоустройством (рис. 2).

Итак, гендерное сравнение показывает, что студенток ожидают значительно больше трудностей при устройстве на работу, чем студентов. Статистические данные о безработных молодых дипломированных специалистах в Словении подтверждают оправданность озабоченности студентов. По данным Республиканского статистического управления, среди молодых дипломированных специалистов (моложе 30 лет) значительно преобладают женщины. В период с 1998 по 2003 г. среди молодых безработных дипломированных специалистов было приблизительно 70% женщин (Верша и Спрук, 2004:10), в 2008 г — 80% женщин. Причина такой большой несоразмерности состоит в том, что обучаются и получают дипломы больше женщин, чем мужчин, например, в Словении получают образование ориентированные на сферу обслуживания две трети женщин и одна треть мужчин, поскольку молодых специалистов-женщин с дипломом больше не только на рынке труда, но и среди безработных. Ситуацию на рынке труда молодых людей, особенно молодых женщин, ухудшают ряд не очень востребованные дипломы. Это дипломы специалистов по общественным наукам, менеджменту и праву. Среди дипломированных специалистов в Словении преобладают как раз дипломы этой отрасли знания и 70% из них получили женщины (Вертог, был, 2009). Это обусловлено скры-

той дискриминацией по признаку пола по отношению к девушкам и молодым женщинам в семье и обществе, которые им в принципе обеспечивают доступ к образованию, поскольку

ку другой возможности реализовать себя в молодости нет, но не обеспечивают выбор соответствующей профессии.

Примечание. 1. Да, потому, что профессия, которой я обучаюсь, не востребована. 2. Да, поскольку по причине кризиса все труднее трудоустроиться. 3. Да, поскольку у меня нет связей и знакомств. 4. Нет, поскольку профессия, которой я обучаюсь, востребована. 5. Нет, поскольку у меня есть связи и знакомства. 6. Нет, поскольку у меня есть стипендия предприятия, которое гарантирует мне трудоустройство. 7. Не знаю, об этом я не задумывался.

Рис. 2. Считаешь ли ты, что у тебя могут возникнуть трудности в трудоустройстве по профессии, которой обучаешься?

Результаты исследования показывают, что студенты, имеющие родителей с невысоким образованием, более озабочены трудоустройством, поскольку у них нет связей и знакомств. Наиболее желаемая работа для студента — это государственная служба в государственном учреждении. Достаточно большое количество студентов (30,6% опрошиваемых) планируют связать свою профессиональную карьеру с государственной службой: на большом предприятии — 18,7% опрошенных, а на малом — 17,0%; 14,5% хотят заняться свободным предпринимательством и 12,8% планируют связать свою деятельность с международными институтами. Сравнение по признаку пола показыва-

ет, что для студенток государственная служба более желанна, чем для студентов.

Чтобы улучшить свои профессиональные возможности студенты, прежде всего, согласны продолжить образование или получить дополнительное образование (80,3%) и продолжить постдипломное образование (аспирантура или магистратура (*прим. переводчиков*)— (73,1%). Кроме того, они согласны переселиться в большой город (63,6%). Меньшая же часть согласна переселиться в любое место в Словении или в другую страну, заняться работой не по специальности, чтобы улучшить карьерный рост. Ни в коем случае они не согласны на политическое ангажирование или отказ от семьи

и детей для трудоустройства или будущей карьеры.

Отношение к политике и общественным делам

Как относятся молодые люди к обществу, особенно к политике? На вопрос, насколько им интересна политика, 73% студентов в нашем исследовании ответили, что их не интересует политика вообще или очень мало интересует. Только 6% студентов особенно интересуются политикой; 50% опрошенных студентов и студенток, оценивают собственное влияние на общественные перемены как очень незначительное или незначительное, и только 11% считают – как большое или очень большое. С другой стороны, результаты исследования показывают, что студенты согласны в относительно большой степени принимать участие во всех акциях, с целью коренных изменений в обществе.

Отметим, что молодёжь игнорирует традиционную политическую деятельность, поэтому политические партии с трудом набирают новых членов. Схожие трудности наблюдаются и в современных гражданских и общественных движениях, что объясняется наличием особой масс-медийной и интернетной культуры, в которой взрослеют молодые. Тем не менее считаем, что это недостаточное объяснение для такого изменения. Представляется, что современные молодые люди «приняли» свободу предыдущих поколений, но не их идеализм, но тем не менее их интересуют некоторые темы: социальная справедливость, экология, проблемы маргинальных групп.

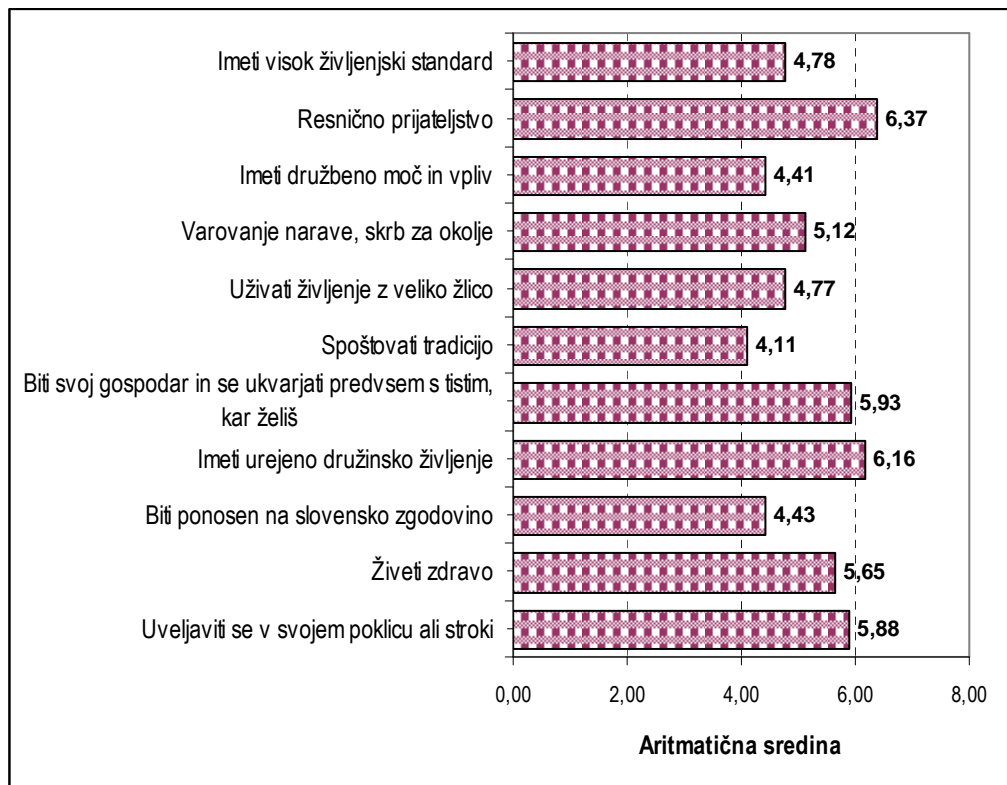
Особенно заботят студентов в будущем общественные проблемы, увеличение социальной дифференциации (53,3% — достаточно или очень озабочены, 24,0% — средне озабочены) и экологические проблемы (43,4% — достаточно или очень озабочены, 28,1% — средне озабочены). Что касается будущего, в большей степени озабочены студенты, имеющие малообразованных родителей. Сравнение ответов по гендерной дифференциации показывает, что студентки во всех ситуациях озабочены больше, чем студенты, прежде всего тем, чтобы не остаться

без работы. На вопрос, чем студенты и студентки больше всего недовольны, были получены ответы: главными, существенными аспектами жизни для их перехода в экономическую и социальную самостоятельность были условия трудоустройства (67, 7%), урегулирования квартирного вопроса (70,6%) и возможность создания семьи (40, 6%).

Ценности и жизненные ориентации студентов в Словении

Поскольку некоторые элементы положения студенческой молодежи являются еще и целями, интенциями и ценностями, то в исследование были включены вопросы о том, что для студентов в Словении ценно, имеет значение и желательно. Ценности — очень личные и в то же время очень общественные системы жизненных ориентаций и убеждений. Любая человеческая жизнь прочно связана с индивидуальной системой ценностей. Общественные системы ценностей, их содержание и силу в большой степени определяют преобладающие общественные идеологии, при помощи которых структуры власти стараются направлять сознание и действия людей, указывая им, что для них важно, ценно и желательно.

Формирование ценностного мира стало для молодых частью повседневного поиска равновесия между личными желаниями и ожиданиями и возможностями и требованиями общества. Равновесие между тем, что от индивидуума требуется и ожидается, и тем, что он может дать или сделать в современном мире, — только условность, что связано со множеством рисков. Поэтому отдельные ценностные жизненные ориентации стали составной частью каждодневных жизненных ситуаций. Сегодня молодые люди не связывают свои ценности с большой историей. Термин «большая история» означает большие идеологические системы, занимающие целиком ценностное пространство людей (Chisholm idr., 1995, Ule, 2008). Но привязанность к ценностям, целям и идеалам ослабла. Поэтому сегодня можно только условно сказать о четких целях и ясных предпочтениях

Примечание. Сверху — вниз: 1) иметь высокий уровень жизни; 2) истинная дружба; 3) иметь общественную власть и влияние; 4) защита природы и забота об окружающей среде; 5) наслаждаться полнотой жизни; 6) уважать традиции; 7) быть хозяином самого себя и заниматься тем, чем желаешь; 8) иметь стабильную семейную жизнь; 9) гордиться словенской историей; 10) вести здоровый образ жизни; 11) быть успешным в своей профессии; aritmetična sredina — среднее арифметическое.

Рис. 3. Что для студентов важно?

Преимущества, отмеченные студентами и студентками в исследованиях, при ранжировании их по арифметическому среднему на шкале 1 — 7 по значению представлены следующими группами:

- 1) настоящая дружба, семейная жизнь, быть хозяином самим себе и заниматься, прежде всего, тем, чем хочешь (среднее значение по шкале: 6,37 — 5,93);
- 2) быть успешным в своей профессии или специальности, жить «здорово», оберегать природу и забота об окружающей среде (среднее значение по шкале: 5,88 — 5,12);
- 3) иметь высокий жизненный уровень, «наслаждаться жизнью большой ложкой» (среднее значение по шкале: 4,79 — 4,77);
- 4) иметь значительное влияние, власть, уважать традицию, гордиться словенской ис-

торией (среднее значение по шкале: 4,41 — 4,11).

В то время как классические индустриальные ценности представлялись, прежде всего, как совокупность ясных норм, правил поведения, целей жизни, сейчас мы имеем дело с достаточно неуловимой и изменчивой структурой ценностно-личных ориентаций, которую сложно концептуально и эмпирически определить. Исследователи Кольман и Хусен (1985; 27) уже в середине 80-х гг. отметили сдвиг центральных ценностных ориентаций от «материально-карьерных» к «постматериальным, личностным» ценностям, что означает сдвиг в самом характере ценностей. Наши исследования подтверждают, что студенты постепенно дистанцируются от современной совокупности ценностей: работа — трудоустройство — карьера — заработок к более личностной сумме ценно-

стей: межличностные отношения — личностное развитие — креативность — образование — качественная повседневная жизнь. Целостный интерес личности теперь целенаправлен на креативность и производительность, наряду с этим и на образование, креативность в межличностных отношениях и личную экспрессию.

Изменение ценностей у новых поколений — процесс, которого не мог избежать ни один общественный строй, но, конечно, системы по-разному реагировали на этот процесс. В постсоциалистических системах часто этот процесс интерпретировали как процесс ориентации молодежи на западные ценности, что может рассматриваться как введение прозападной ориентации в повседневную жизнь всех поколений. Термин «прозападная ориентация» ввели социологи и обществоведы, которые занимались изучением изменений в постсоциалистических обществах в переходный период (Зиннекер, Ваттс, 1994). Это означает интенсивное расширение или глобализацию «западных» социокультурных образцов и ценностной ориентации среди молодежи в остальных частях мира в последние десятилетия. По мнению Ваттс (1994), которая изучала, прежде всего, молодежь в переходный период в Восточной Германии, изменение молодежных ценностных ориентаций в постсоциалистических государствах происходит в 4 этапа:

- 1) изменение ценностей, связанных с работой; принятие карьерных, конкурентоспособных, индивидуализированных образцов отношения к трудоустройству и работе;
- 2) изменение семейных ценностей, уход в личное пространство и продление жизни в семье родителей, перенос родительства (рождения ребенка) на более позднее время, плюрализация семейных форм;
- 3) индивидуализация выбора и стиля жизни, вложение в себя, имидж, тело;
- 4) быстрое присвоение потребительских ценностей, которые навязываются через масс-медиа, быстрое формирование потребительской молодежной культуры.

Интересны дальнейшие немецкие исследования ценностей молодежи и сравнительные

исследования, проведенные известной исследовательской группой «Schell Studie». В связи с исследованием Югенд — 2006 (Генсике, 2006) для современной немецкой молодежи важны следующие ценности: дружба, партнерство, семейная жизнь, личная ответственность, креативность, независимость, защищенность, наслаждение жизнью, здоровье, толерантность, жизненный уровень, защита окружающей среды. Меньшее значение имеют власть и влияние, вера в Бога, политическая деятельность. Новые ценностные системы указывают даже на элементы новой этики, которая основывается на «ответственности за самого себя». Это кажется полным противопоставлением традиционной этике, которая основана на обязанности перед другими и перед обществом как целостностью (Вилкинсон, 1997). Поэтому ценности молодых могут производить впечатление эгоизма и нарциссизма. Однако в этом проявляется нечто новое, что побеждает это впечатление. Мы имеем дело с процессом самопознания, который включает в себя также поиск новых общественных связей в семье, дружеских отношений на работе и в обществе.

Заключение

В результате исследования студентов в Словении мы пришли к выводу, что обучение в университете, прежде всего, означает разумную часть продления юности и положительной жизненной опции и права. Значит, образование не воспринимается больше как возможность или шанс, его не связывают с исключительным желанием заниматься или нормативным требованием. На это указывают высокий процент молодежи Словении, обучающейся в университетах, невысокая требовательность к образовательному процессу среди студентов, низкая его критичность и очень стереотипный выбор программ образования (гендерная дифференциация). В 2008 г. в возрасте от 20 до 24 лет в Словении обучалось 54,8% молодежи, это один из самых высоких процентов в Европе (Игнятович и Тырбанц, 2009). Проблема, ощущаемая дипломированными специалистами, являющаяся следствием современного рынка

труда, — это невозможность рынка принять всех тех, кто получил образование (Mørch, Vois-Reymond, 2006: 33). Это несоответствие плохо влияет на молодых людей и является причиной потери веры в то, что хорошее образование — условие успеха. Поскольку образование не является решающим фактором при трудоустройстве, молодёжь не желает получать образование и остаётся в образовательном процессе только потому, что у них нет других возможностей самореализации.

Список литературы

1. *Arnett J. Adolescence and Emerging Adulthood.* New Jersey, Pearson: Prentice Hall, 2007.
2. *Beck U., Beck-Gernsheim E.* Individualization. Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences. London: Sage, 2002.
3. *Braungart G.R., Braungart M.M.* Political Generations. V Braungart/Braungart (ur.), Research in Political Sociology. New York: JAI Press, 1989.V.4. P. 281-319.
4. *Bürne D.* Youth in Revolt. Austrian students show the way forward. Dostopno preko Socialist World Net <http://socialistworld.net/eng/2009/11/0602.html>, 6. 11. 2009.
5. *Carr Steelman L. Powel B.* Sponsoring the Next Generation: Parental Willingness to Pay for Higher Education// American Journal of Sociology.1991.V. 96 (6).H. 1505–1529.
6. *Chisholm L. A.* idr. Growing up in Europe. W. de Gruyter: Berlin, New York, 1995.
7. *Coleman S., Husén T.* Becoming Adult in a Changing Society. Paris: CERL.1985.
8. *Côté E.J., Allahar L. A.* Generation on Hold: Coming of Age in the late twentieth Century. New York: New York Univ. Press,1994.
9. *Côté E.J.* Arrested Adulthood. The Challenging Nature of Maturity and Identity. New York: New York Univ. Press, 2000.
10. *Côté E.J.* The role of identity capital in the transition to adulthood: the individualization thesis examined//Journal of Youth Studies. 2002.V. 5 (2).P.117–134.
11. *Côté E. J.* Youth and the provision of resources. V H. Helve, J. Bynner (ur.), Youth and Social Capital. London: The Tufnell Press, 2007.
12. *Du Bois-Reymond M., Chisholm L.* (ur.) *The Modernization of Youth Transition in Europe.* San Francisco: Jossey-Bass, 2006.
13. Eurobarometer Nacionalno poročilo Slovenija. Pomlad 2008. Dostopno preko. http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb69/eb69_si_nat.pdf 6. 11. 2009.
14. Eurostudent: Handbook of data Conventions and data input templates <http://www.his.de/abt2/ab21/Eurostudent/docs/handbook.pdf> 6. 11. 2009.
15. *Gensicke T.* Individualität und Sicherheit in neuer Synthese? Wertorientierungen und gesellschaftliche Aktivität. V: K. Hurrelman, M. Albert.: Jugend 2002. Zwischen pragmatischem Idealismus und robustem Materialismus. Hamburg: Deutsche Shell, Fischer Taschenbuch Verl. P. 139-212.
16. *Griffin C.* Representations of Youth: the Study of Youth and Adolescence in Britain and America. Cambridge: Polity Press,1993.
17. *Helve H. Bynner J.* Youth and Social Capital. London: The Tufnell Press, 2007.
18. *Ignjatović M., Trbanc M.* Zaposlovanje in brezposelnost mladih: aktivni, fleksibilni in prilagodljivi. V: T. Rakar, U. Boljka (ur.), Med otroštvom in odraslostjo. Analiza položaja mladih v Sloveniji 2009. P. 39–57. Urad za mladino pri MŠŠ.
19. *Inglehart R.* The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics. Princeton: Princeton University Press, 1977.
20. *Keniston K.* Young and dissent. The rise of a new opposition. New York: Harcourt Brace, 1971.
21. *Lerougetel A.* French students protests university reform. World Socialist Web Site. Dostopno preko <http://www.wsws.org/articles/2003/dec2003/fran-d17.shtml>, 17. 12. 2003.
22. *Mizen P.* The changing state of youth. New York: Palgrave MacMillian. 2004.
23. *Mørch Sven, DuBois-Reymond, Manuela* Learning in times of modernization//New Directions for Child and Adolescent Development.2006.V. 113. P. 23–35.
24. *Orr D., Schnitzer K., Frackmann E.* Eurostudent III 2005–2008: Social and Economic Conditions of Student Life in Europe. Bielefeld: W. Bertelsmann Verlag GmbH & Co. KG, 2008.
25. *Roberts K.* Change and continuity in youth transitions in Eastern Europe: Lessons for Western sociology// The Sociological Review.2003.V. 51 (4).P. 484–499.
26. *Ule M.* et al. Predah za študentsko mladino. Ljubljana: Zavod za šolstvo,1996.
27. *Ule M.* Za vedno mladi. Socialna psihologija odraščanja. Ljubljana, FDV,2008.
28. *Ule M., Tivadar B., Kurdija S.* Socialnoekonomski položaj študentov v Sloveniji. Raziskovalno poročilo. Ljubljana: CSP IDV, 2008.
29. *Ule M.* Cennosti molodih i izmenenija v občestve. V: KIL'ČENKO, Ol'ga Ivanovna (ur.). Aktual'nye problemy psihologii razvitiya : sub'ekt, ličnost', individual'nost : mežvuzovskij zbornik naučn'ih

- trudov. Perm': Permskij gosudarstvennyj universitet.2009.P. 49-61.
30. Verša D. in Spruk V. Mladi diplomanti na trgu delovne sile. Ljubljana, Zavod RS za zaposlovanje, 2004.
31. Vertot N. Mednarodni dan študentov. Statistični urad Republike Slovenije. Dostopno preko http://www.stat.si/novica_prikazi.aspx?ID=2761, 30. 4. 2010.
32. Voigt K. Individual choice and unequal participation in higher education//Theory and Research in Education.2007.V. 5 (1).P. 87–112.
33. Walther A. Regimes of Youth Transitions. Choice, flexibility and security in young people's experiences across different European contexts// Young.2006.V. 14 (2). P. 119–141.
34. Walther A., Schlathof A. Misleading Trajectories: Transition Dilemmas of Young Adults in Europe// Journal of Youth Studies.2001.V. 4. P. 1.
35. Watts M. W. Was there anything left of the "Socialist Personality"? Values of eastern and Western German Youth at the beginning of unification//Political Psychology. 1994.V. 15, n°3.P. 481-508.
36. Wilkinson H. Auf Reisen jenseits der Heimat. Entsteht eine neue Ethik individueller und sozialer Verantwortung? V: U. Beck (ur.), *Kinder der Freiheit*. Frankfurt/M: Suhrkamp,1997.
37. Wyn J., White R. Rethinking Youth. London: Sage, 1997.
38. Zinnecker J. Untersuchungen zum Wandel der Jugend in Europa. V: W. Melzer, W. Heitmeyer, L. Liegle, J. Zinnecker (izd.): *Osteuropäische Jugend im Wandel*. Weinheim, München: J, 1991.
-

CHANGING THE SOCIAL POSITION OF STUDENT YOUTH IN CONTEMPORARY EUROPEAN SOCIETY

Mirjana Ule

Prof. dr., Univerza v Ljubljani, Fakulteta za družbene vede

In the article we are presenting research results about social position of student youth, which were obtained in 2008 on the sample of students from four universities in Slovenia (UL, UM, UP and UNG). In the research we were interested on how students handle the challenges and risks of contemporary society, how they are equipped for the transition to adulthood or broader, how much is the student youth in today's postmodern society still avant-garde of social progress. We are asking ourselves whether we are dealing with the process of transition of studies (as goods, skills) from the domain of desire (for knowledge, skills, personal growth, critical thinking) to a domain of demand (fighting for better socio-economic position in the labour market and in society in general). If we accept findings that studies or academic titles are increasingly transferred to the level of demand; what does this mean for the process of university education, it's relevance in relation to the labour market, how does it affect the socio-economic position of students, the shaping of their biographies and finally, how does it affect the stratification movements in a society.

Keywords: youth; students; socio-economic position; transitions; values.

УДК 1:316

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ «АРХАИЧНОМУ» РОССИЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ

А.Г. Антипов

Анализируются основные вызовы современному российскому обществу: демографический, социальное расслоение общества, криминализация, межнациональные отношения, конкурентная борьба между странами.

Ключевые слова: «архаичное общество»; демография; социальная стратификация; коррупция; конкуренция.

Проблеме вызовов современному российскому обществу в последние годы как ученые, так и политики стали уделять повышенное внимание. Это можно объяснить рядом причин.

Во-первых, вызовы нашему обществу стали носить всеохватывающий, системный характер, проявляясь во всех сферах общественной жизни. Во-вторых, мировой финансово-экономический кризис ярко показал, что вызовы, с которыми столкнулся современный мир, наиболее остро повлияли на Россию, чем на ряд развитых стран. В-третьих, в Послании Федеральному Собранию президента РФ Д.Медведева (12 ноября 2009 г.) и на двух крупнейших мировых форумах, проведенных в Ярославле (2010 г.), федеральная власть впервые откровенно признала, что страна зашла в тупик, поэтому надо менять сырьевую модель, уходить от «архаичного» общества.

Для последней, кроме сырьевой направленности, характерен еще целый ряд признаков, а именно: все, что было создано в советский период, стремительно устаревает и морально, и физически; это общество сумбурных действий, продиктованных ностальгией и предрассудками; низкий уровень политической культуры населения, правовой нигилизм; высокий уровень коррупции, закрытость власти; несовершенная политическая система; неразвитость ценностей и институтов демократии; в «архаичном» обществе «вожди думают и решают за всех».

К числу этих признаков можно отнести и неразвитость рыночных отношений, отсутствие реальной конкуренции, высокий уровень криминализации общества, несбалансированность рынка труда и системы профессионального образования и др.

По мнению большинства исследователей и политиков, наиболее острым вызовом для России является **демографическая проблема**. В ряде научных публикаций ее называют даже демографической катастрофой. И это не метафора, придуманная учеными. Это жизненная реальность, и она во многом объективна.

Демографическая проблема многоаспектна. Речь идет не только о низком уровне рождаемости, но и о высоком уровне преждевременной смертности в среднем возрасте. Если ее не сократить, оттесняя смерть к более позднему возрасту, считает известный российский демограф А. Вишневецкий, то естественную убыль населения невозможно будет остановить [8.С.7].

По его подсчетам совокупная естественная убыль населения России за 1992-2008 гг. составила 12,6 млн чел., с 2010 по 2025 г., по умеренным прогнозам, она может достичь еще 10-14 млн. Одновременно будет снижаться и численность населения в трудоспособном возрасте.

По данным другого, не менее известного социолога и демографа А.И.Антонова, к 2050 г. в России, если не произойдут изменения, будет жить 70 млн чел. [29.С.12].

Такое резкое сокращение неизбежно приведет к спаду экономики, соответственно, снижению и без того низкого уровня жизни большинства россиян: доходов и зарплаты, пенсии, сокращению социальных программ. Правительству придется прибегать к таким непопулярным мерам, как удлинение рабочего дня и повышение пенсионного возраста. Уже сейчас идет своеобразный зондаж общественного мнения по поводу отношения населения к подобного рода мерам.

Но демографический провал можно и нужно минимизировать с помощью других комплексных и системных мер, в частности путем повышения рождаемости населения. В этом направлении государство предпринимает ряд мер, в том числе реализация программы по материнскому капиталу — это единовременная выплата за второго ребенка и последующих детей. Кроме того, власти предполагают принять и другие меры, стимулирующие рост рождаемости. Они нашли отражение в Послании Президента Д.Медведева Федеральному Собранию (30 ноября 2010 г.). Безусловно, необходимо повышать престиж семьи, все семейные ценности, которые, по словам Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка П.Астахова, «на протяжении 20 лет... планомерно уничтожились» [17.С.2].

Подтверждений тому в реальной жизни более чем достаточно, например детская смертность. Цифры чудовищные. Ежегодно около 1800 подростков уходят из жизни по собственному желанию. Уровень суицидальности в России в 5-6 раз выше европейской. В целом по частоте суицидальности Россия занимает второе место в мире. Исследования научного центра здоровья детей показывают, что главная причина, которая толкает детей к суициду, — страшное одиночество, кризис духовности и семьи.

По данным статистики в России ежегодно вступают в брак чуть более 1 млн. пар, при этом около 700 тыс. семей подают на развод, почти каждый пятый ребенок рождается вне брака.

Только в 2009 г. около 77 тыс. семей лишились родительских прав. Эта цифра не меняется уже на протяжении последних лет.

Семья нуждается в повышенном внимании со стороны государства. Ибо здесь фокусируются социальные экономические и духовные изменения, происходящие в государстве и обществе. По отношению к семье можно судить о многом: о качестве жизни, защищенности человека.

Конечно, иметь или не иметь детей, вступать или не вступать в брак — личное дело каждого. Но государство заинтересовано в том, чтобы семья была способна осуществлять репродуктивную функцию, воспитывать достойных граждан.

На сегодняшний день государственная политика направлена в основном на поддержку отдельных членов, а не семьи в целом. Это ошибочная политика. Социальные программы, ориентированные только на поддержку детей, привели к снижению родительской ответственности за воспитание детей, сохранения ее традиций и ценностей.

Для решения демографических и социальных проблем нужна современная государственная семейная политика. Основной ее целью, на мой взгляд, должно стать создание условий для формирования социально благополучной семьи, которая в состоянии самостоятельно решать свои проблемы и в полной мере выполнять свойственные ей функции. Для поддержки института семьи должны быть использованы все ресурсы, в частности, государственное сотрудничество с общественными организациями и предпринимателями, механизмы социального партнерства власти, бизнеса и СМИ.

Решение демографической проблемы заключается не только в укреплении семьи, но и в снижении смертности, прежде всего в активном трудоспособном возрасте.

Общеизвестны данные о том, что в нашей стране треть мужчин не доживают до пенсионного возраста. Власти планируют активнее проводить программы по предотвращению онкологических заболеваний и болезней системы кровообращения, а также снижению дорож-

нотранспортных происшествий. Кроме того, по данным Минздравсоцразвития, в ближайшее время будет подготовлена программа «Здоровье на производстве», создана система медико-профилактического обслуживания для работающих на вредных производствах. Планируется стимулировать работодателей, чтобы при досрочном выходе на пенсию с вредной и опасной работы финансовые нагрузки ложились не только на плечи государства. По программе второго этапа будут проводиться диспансеризации подростков для укрепления общего и репродуктивного их здоровья. В регионах будут открыты центры здоровья.

Многие ученые и политики считают, что решить демографическую проблему в стране без активного привлечения мигрантов невозможно. Сейчас в стране насчитывается более 7 млн мигрантов, из них около 3 млн работают легально, 4 млн — нелегально. В случае среднесрочного сценария развития демографической ситуации среднегодовая потребность России во временных трудовых мигрантах к 2020 г. составит от 10 до 20 млн чел. К такому выводу пришли авторы исследования, проведенного автономной некоммерческой организацией «ОПОРА-ДРУЖБА» и ВЦИОМ по заказу Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства [25.С.5].

Высокий удельный вес мигрантов в структуре общества потребует новых подходов не только в миграционной, но и социальной политике. Так, в настоящее время в спальных районах в классах начальной школы число иноязычных учеников составляет до 30 %. 10 лет назад в столице впервые были организованы курсы переобучения школьных учителей русского языка и словесников для преподавания русского как иностранного. Сегодня для «русско-иностранного ликбеза» разработаны собою методики, учебники, программы.

На рост рождаемости в стране определенную лепту вносят и мигранты, но не всегда позитивную. Так, в 2009 г. только в московских роддомах отказались от 460 детей, а за полтора месяца 2010 г. — еще от 90. Матери большин-

ства отказников (примерно 90 %) — мигрантки, приехавшие в столицу на заработки [15. С.4].

Учитывая, что практически во всех развитых странах, за исключением, пожалуй, США, идет быстрое старение населения, в скором времени России придется вступить в конкурентную борьбу за мигрантов. Последние, естественно, поедут туда, где для них будут созданы более благоприятные условия для жизни. Наша страна практически не учитывает это обстоятельство.

Решая проблему демографии, Россию не может не беспокоить высокий уровень наркотизации населения. По последним данным наркоконтроля, в стране насчитывается до 5 млн наркоманов. Ежегодно от передозировки умирает 100 тыс. чел., главным образом молодежь в возрасте от 15 до 30 лет [13.С.7]. За десять лет по этой причине ушли из жизни более 700 тыс. молодых людей. Специалисты утверждают, что только 10 % излечиваются от наркомании.

Наряду с наркоманией серьезным вызовом обществу является алкоголизация населения: 28 млн чел. вовлечено в пьянство. Свыше 10 млн юных россиян (от 11 до 18 лет) регулярно употребляют алкоголь и пиво. По данным экспертов, Россия занимает первое место в мире по детскому алкоголизму. В стране выросло целое пивное поколение. По данным главного санитарного врача РФ Г.Онищенко, в стране беспробудно пьют около 3 млн россиян [12.С.5].

Высокий уровень алкоголизации населения влечет за собой огромное количество глубоких социальных последствий. Специалисты по работе с молодежью констатируют, что выросло уже целое поколение, которое не знает, что такое работать (живут на различного рода пособия). Никакой модернизации не может быть, если население потеряет трудовые навыки.

Медики и общественность озабочены табачной зависимостью людей. По врачебной статистике ежегодно от болезней, связанных с курением, умирают от 350 до 500 тыс. россиян. При этом порядка 60 % курильщиков сами хотели бы избавиться от табачной зависимости, но их попытки пока безуспешны. Средний воз-

раст начала курения составляет 8-10 лет. Сегодня Россия занимает первое место в мире по потреблению табака.

Негативное влияние на эти пороки (пьянство, табакокурение и т.п.) оказывает низкий уровень культуры людей, сформировавшаяся мода на данные пороки, особенно среди молодежи. Важным показателем культуры является уровень образования. Для примера, среди призывников 18 % имеют начальное или общее образование, остальные окончили 7-8 классов. Половина из них безработные, большой процент судимых [23.С.4].

Имея такой образовательный контингент, стоит ли удивляться укоренившейся в армии дедовщине. Нельзя не обратить внимание еще на одно явление, негативно влияющее на состояние демографии: работоторговлю женщинами. Есть многочисленные факты, свидетельствующие о том, что женщина в ряде случаев превращается в ходовой товар. Так, по данным управления Верховного комиссара ООН по правам человека, из России были проданы более 500 тыс. женщин. Торговля людьми, особенно женщинами и детьми, стала серьезным негативным явлением для нашей страны. Торговлей людьми занимаются организационные преступные группы, причем имеющие характер транснациональных. Этому способствует открытые границы России со странами СНГ, усиление миграционных потоков, создание устойчивых каналов постановки «живого товара». По данным представителя МВД РФ Ю. Алексеева, преступники вербуют группу из нескольких женщин, покупают им туристические визы и помогают выехать за рубеж якобы на легальную работу. За границей у большинства из них отбирают паспорт для оформления документов, а затем, как правило, их отправляют в публичные дома [20.С.6].

По словам Ю. Алексеева, рынок работоторговли является очень прибыльным и уступает лишь торговле оружием и наркотикам. Консолидировать общество при такой социально-демографической структуре на модернизацию — задача практически не решаемая. Некоторое улучшение демографической ситуации в по-

следние годы (рост рождаемости и падение смертности), предупреждают ученые, — явление временное. «Мы, — подчеркивает демограф А.Вишневский, — заканчиваем проедать так называемые демографические дивиденды, то есть благоприятные изменения возрастной структуры населения. Теперь этот цикл заканчивается». И далее делает вывод: «готовых рецептов, как изменить ситуацию, пока, правда, нет. Но риски надо понимать и принимать какие-то решения, возможно, связанные с миграционной политикой» [19.С.4].

Не менее острым вызовом России наряду с демографией является запредельное **социальное расслоение общества**. За последние десять лет оно не только не снижается, но и даже растет. Так, если в 2003 г. разрыв в доходах 10 % богатых и 10 % бедных граждан соотносился как 13-14 к 1, то в настоящее время — 17 к 1, а в некоторых случаях — 30 к 1. В то время как в развитых странах это соотношение не превышает 6-7 к 1. Разрыв в доходах зависит от региона и отрасли, где человек трудится.

Такое социальное расслоение, которое сложилось в России, по мнению публициста и ученого В.Попова, для страны — «мина замедленного действия». Более того, запредельное социальное неравенство не только оказывает негативное влияние на демографию, но и при определенных условиях способно дестабилизировать российское общество, привести к обострению в нем социальных противоречий.

Академик Д.Львов, отмечая, что в результате рыночных реформ в нашей стране образовалась двухслойная экономика, писал: «Эти две экономики удивительным образом не похожи друг на друга. Они представляют не одну, а как бы две России. Первая — это богатая Россия, успешно продвигающаяся по пути выстраивания капиталистического общества благоденствия. Вторая — бедная Россия, с множеством своих жгучих социальных и экономических проблем. На долю первой части России приходится примерно 15 % населения, на долю второй — 85 %. Столь глубокого расслоения населения по уровню доходов не знала еще ни одна из современных стран мира» [7.С.13].

За период с 2001 по 2008 г. число миллиардеров в России выросло с 8 до 87. По этому показателю страна вышла на второе место после США [22.С.3]. Сегодня олигархи – наши герои. «Мы живем, — пишет известный писатель Д. Гранин, — в размытом обществе при отсутствии четкой социальной структуры, где уже не видно ни крестьянства, ни рабочего класса, ни интеллигенции, ничего. Есть только олигархи, список которых публикуется время от времени» [24.С.9].

Идет мощный процесс маргинализации и криминализации общества. Основной причиной является социально-экономическая отсталость страны и отсутствие четкой стратегии борьбы с нищетой и другими пороками.

Весной 2003 г. в Послании Федеральному собранию Президент РФ сформулировал две социально-экономические цели российского общества: удвоение ВВП и борьба с бедностью. К сожалению, как первая, так и вторая задача оказались нерешенными спустя семь лет. В том же Послании В.Путин назвал, по нашему мнению, главные причины такого положения — это «страшный кадровый голод», низкий уровень профессионализма чиновников и непоследовательность политики во всех сферах общественной жизни. Это явление подмечено не только отечественными исследователями и практиками, но и зарубежными. Так, в одной лекции, посвященной продвижению России на Запад, бывший госсекретарь США Мадлен Олбрайт отметила: «Когда размышляешь над российскими обещаниями реформ, то словно читаешь английский детектив: преследует навязчивое чувство, что уже читал это раньше, но только под другой обложкой... Сомнения рассеиваются только после того, как первые главы будут прочитаны и мы узнаем, готова ли Россия совершить своего рода рывок...» [10.С.2].

Но возвратимся к проблеме запредельного социального неравенства, т.е. часть нашего работающего населения в недалеком будущем попадет в разряд бедных. Несмотря на ежегодное повышение пенсий пенсионеры составляют значительную часть бедных. Рост инфляции сводит на нет эти мизерные повышения. Выхо-

дя на заслуженный отдых, человек становится в несколько раз беднее. Фактически пенсия — это наказание за многолетний добросовестный труд. Если пенсионер не имеет возможности подрабатывать, он становится нищим. Как-то В.Путин справедливо назвал Россию богатой страной бедных людей.

Последствия бедности и нищеты трудно переоценить. Например, по данным Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, нищета «породила» 2,8 млн беспризорных детей [5.С.41].

По мнению директора этого же института А.Шевякова, в России нет официальной границы бедности. Есть прожиточный минимум. Измерение бедности на основе нашего прожиточного минимума — это «уровень Южной Африки». Наш прожиточный минимум, считает он, — это «прожиточный минимум бомжа». Правильней было бы, по его мнению, перейти с африканских на европейские стандарты и ввести показатель относительной бедности (а это 60 % среднедушевого дохода). И если оценивать ситуацию с этой точки зрения, то сегодня в нашей стране не 14, а 50-60 % населения живет на границе ниже уровня относительной бедности [26.С.4]. Конечно, здесь возникает законный вопрос: откуда взять финансы на европейские стандарты?

При всей, казалось бы, отсталости нашего общества, они есть и весьма значительные. Так, за последние десять лет среднегодовая утечка капитала составила 47,9 млрд долл. За последние пять лет данный показатель составил 77,3 млрд долл. в год. В управлении финансовыми ресурсами нет четкой системы, отсутствует государственный подход к эффективному их расходованию. Значительная часть средств просто разворовывается, в том числе открыто. Коррупция пронизывает все наше общество. Хорошо известно, что в стоимостном выражении наносимый ею ущерб составляет более 300 млрд долл. ежегодно.

Есть и другие резервы. Так, в стране чрезмерно раздут государственный аппарат. Судя по данным Росстата, за последние десять лет армия наших чиновников увеличилась в два

раза. Соответственно и возросли расходы на его содержание. В настоящее время принимаются меры по его сокращению (к 2013 г. количество чиновников сократится на 20 %). Введя прогрессивную шкалу налогообложения, можно получить значительные финансовые ресурсы.

Россия является экономически самодостаточным обществом, способным обеспечивать достойный уровень жизни граждан. В этой связи складывается впечатление, что бедность значительной части населения создана искусственно. Знаменитый писатель и драматург Э. Радзинский справедливо считает, что «проблема у нас всегда была — в управлении. В России самой бездарной оказалась элита» [9.С.11].

Известный социолог, экономист Т. Заславская выводит общую закономерность: чем сильнее в социальном плане поляризовано общество, тем большая часть его человеческого потенциала остается нереализованной. Это — одна из причин нашей социально-экономической да и духовно-нравственной отсталости.

Третьим вызовом нашему обществу является **усиливающаяся криминологическая ситуация**. Так, к началу XXI столетия число зарегистрированных преступлений составило более 3 млн. (в 2006 г. — 3,8 млн.). Однако, как утверждают эксперты, это лишь надводная часть айсберга. По самым осторожным их оценкам, с учетом латентности, реальный массив преступности составляет более 10 млн криминальных деяний в год [21.С.24]. За последние 16 лет (с 1992 по 2007 г.) в стране осуждено свыше 15 млн чел. Это больше, чем каждый десятый во всем населении страны. Ежегодно скрытый криминальный потенциал подпитывает 300-тысячная армия недавних арестантов, многие из них приходят на волю с устойчивыми уголовными привычками. Эта уголовная прослойка опасна для страны. Подтверждением тому является крайне низкая раскрываемость преступлений. Так, за период 2000 — 2007 гг. не раскрыто почти 14 млн преступлений (из них убийств — 90 тыс) [18. С.3].

По данным МВД России за последние три года в 2,5 раза выросла повторная преступность среди условно осужденных. Таких в стране — свыше миллиона, причем 80 % был назначен испытательный срок. Однако многие из них не выдержали это испытание и оказались реально за решеткой [27.С.2].

Высокий уровень преступности происходит в условиях бездуховного рационализма и обнаженной меркантильности общества и власти. Так, в России в 20-30 раз выше фоновый уровень насилия, чем в Европе (в 2010-м убито почти 30 чел. на 100 000 населения, в Западной Европе — по 1-1,5 чел.) [22.С.3]. Статистика свидетельствует, что среди 305 тысяч граждан, подлежащих набору в вооруженные силы в 2009 г., порядка 100 тыс. людей имеют судимость [6.С.7].

Стоит ли после этих данных удивляться дедовщине, имеющей массовый характер, нежелании значительной части молодежи служить в российской армии. По некоторым данным, число уклонистов от военной службы в России превышает 100 тыс. чел. Порядка 7 тыс. парней ежегодно скрываются от призыва в ближайшем и дальнем зарубежье [28.С.7].

О высоком уровне насилия и крайне неэффективной правоохранительной системе свидетельствуют многочисленные факты, например, известное всей стране убийство людей в станице Кушевской Краснодарского края. Кто-то из социологов недавно сказал: «Сегодня мы получили поколение, у которого нет внутреннего табу на насилие, нет чувства чужой боли».

Причин такого отношения много. Это низкий уровень жизни значительной части населения, слабость правоохранительной системы, «отрыв» чиновников от населения и т.д. Нельзя не обратить внимание и на тотальную информационную интервенцию насилия. Целый ряд средств массовой информации «успешно» специализируется в этой интервенции, причем часто финансируется государством.

В стране растет количество преступлений на сексуальной почве, особенно против детей. Согласно МВД России за последние 7 лет количество преступлений на сексуальной почве

против детей в возрасте до 16 лет возросло в 30,8 раза [4.С.2]. И еще одна цифра: в 2009 г. 106 тыс. преступлений совершено против детей, из них 65 тыс. — насильственного характера [1.С.12].

Заметим, что это по официальным данным. Эксперты считают, что эту цифру, как правило, нужно умножить на 2 или 2,5 раза. Подобная ситуация с детьми не может не тревожить власть и общество. Не случайно в последнем Послании главы государства Федеральному собранию ей было уделено значительное внимание: и властные структуры получили от Президента РФ конкретные поручения по улучшению положения детей и подростков.

В стране быстрыми темпами растет наркопреступность. Ущерб от нее оценивается 3 % ВВП ежегодно. По данным Государственного антинаркотического центра только за 9 месяцев 2010 г. было изъято более 30 т. наркотиков и ликвидировано более 6 тыс. наркопритонов [2.С.2]. (Об уровне наркотизации населения мы уже писали ранее).

Государство ведет борьбу с распространителями наркотиков. За 5 последних лет (с 2005 по 2009 г.) за незаконный оборот наркотиков за решеткой оказалось полмиллиона человек, а в ближайшие три года (с 2009 по 2011 г.), по данным руководства наркоконтроля РФ, будет привлечено еще такое же количество. Судя по приведенной статистике, тенденция такова, что ежегодно растет и будет расти наркозависимость граждан и прибыль наркоторговцев.

Специалисты считают, что усиливается организованность, профессионализм, вооруженность, техническая оснащенность преступности, она приобретает все более дерзкие и изощренные формы. Яркими такими формами является сращивание криминала и бизнеса с государственными и муниципальными структурами, прежде всего с правоохранительными органами, рейдерские захваты преуспевающих предприятий и коррупция. Последнее явление пронизывает все наше общество. Коррупция, по нашему мнению, — чума слабого государства и свидетельство отсутствия гражданского общества. Именно по этой причине

«...проблемы коррупции с неизменной констатацией причиняемого ею вреда и много того, что еще сопровождает, общество за это время, по существу, ни на шаг не продвинулось по пути реальной борьбы с ее проявлениями» [11.С.5].

Председатель Конституционного суда РФ Зорькин в одной из статей в «Российской газете» связал будущее России с борьбой против криминала. «Вопрос об эффективности ведущейся борьбы с криминализацией — это вопрос о том, сохранится ли Россия в ближайшие десять лет. Мне представляется, что нам на решение этой задачи отведен именно такой исторически кратчайший срок» [14.С.18].

Четвертым вызовом России является **растущая напряженность в сфере международных и межэтнических отношений**. Во многом это объясняется кризисным состоянием общества, низким уровнем культуры межнационального взаимодействия.

Особенно острая ситуация сложилась на Северном Кавказе. Академик М.Залиханов дает ей такую характеристику: «Положение здесь вызывает предельную тревогу, здесь чрезвычайно активно работают спецслужбы — не наши с вами, они планомерно готовят конфликт между мусульманами и православными, на Кавказе сегодня — завтра можно ожидать событий, которые станут испытанием для всех нас, россиян» [16.С.19].

Аналогичную оценку положения на Северном Кавказе дает и полномочный представитель при президенте РФ этого округа А.Хлопонин. Он констатирует, что «по улицам Ставрополя, городам КавМинвод безнаказанно ходят люди с оружием, да еще стреляют в воздух, это означает полное отсутствие компетенции со стороны правоохранительных органов и адекватно реагирования на эти процессы». Одну из причин он видит в том, что «на протяжении 10 лет вся система власти региона находилась в состоянии стагнации, гипертрофированными темпами развивалась коррупционная составляющая. А коррупция порождает бандформирования, криминал, передел собственности, выдавливание бизнесменов из дела, попытки

втянуть молодежные движения в эти процессы. И все это очень красиво можно прикрывать межнациональными, этническими конфликтами» [3.С.2].

Сейчас, по словам А.Хлопонина, власть и общественность много делают для решения этой чрезвычайно сложной проблемы и крайне опасного вызова.

Учитывая сложность и многоаспектность данного вызова и ограниченность объема статьи, перейдем к следующему вызову, вызову — **международному.**

Понятно, что модернизация экономики и российского общества требует комплексного, системного подхода, учета не только внутреннего состояния нашего общества, качества жизни граждан, соответствующей культуры, кадрового потенциала, но и учета внешних факторов, в том числе попыток развитых стран вытеснить Россию на периферию международной жизни. (Здесь мы не берем во внимание риторiku и комплименты западных политиков и бизнесменов по отношению к нашей стране). Нужно признать, что в условиях острой конкурентной борьбы в мире реально мало кто заинтересован иметь сильного противника, тем более «растить» себе конкурента. Ни одна западная корпорация не продаст России самую новую технологию, самый новый завод. Другое дело — заходить в саму корпорацию, скупать их и за счет этого получать доступ к технологиям. Такова реальность. С ней необходимо считаться, находить пути и методы партнерства с другими странами и международными хозяйствующими субъектами за счет своих преимуществ, в том числе энергосырьевых, заинтересовывая других в равноправном и взаимовыгодном партнерстве, особенно в сфере высоких технологий. Без их заимствования, без разработки и внедрения собственных инноваций невозможно осуществить прорыв с четвертого технологического уклада, на котором находится Россия, на шестой. Расчеты показывают, что технологическими инновациями в России занимается только 10% предприятий. А шанс быть конкурентоспособными на мировых рын-

ках имеют пока менее одного процента компаний.

Сложность выстраивания отношений с другими странами объясняется не только наличием острой конкурентной борьбы, но и нестабильностью, и слабой предсказуемостью международной ситуации.

Понятно, что на все выделенные нами вызовы, в том числе оставшиеся за рамками статьи, российское государство и общество должно сформировать целостную систему противодействия им. Пока такая система не создана. Есть только отдельные, слабо связанные друг с другом фрагменты. Ядром такой системы, по мнению федеральной власти, может стать курс на модернизацию экономики и общества, вывод страны на более высокую ступень своего развития, преодоление «архаичности» общества.

В связи с курсом власти на модернизацию экономики и общества уже принят ряд законов, призванных создать более благоприятные условия для инноваций и жесткой борьбы с коррупцией. Однако, как показывают сегодняшние реалии, надеяться на быстрый ответ общества и государства на вызовы и инновационный прорыв пока не приходится.

Есть большие опасения, что предстоящие выборы в Государственную думу (2011 г.) и выборы президента (2012 г.) «оттянут» на себя значительные финансовые, интеллектуальные ресурсы, а проблематика модернизации экономики и общества будет отодвинута в сферу чрезмерно политизированной социальной политики. Это уже достаточно явно просматривается в Послании Президента (30 ноября 2010 г.) и последних выступлениях членов Правительства. Будем надеяться на взвешенный подход государственной власти к социальной политике и модернизации. Модернизация — это не самоцель, а средство более эффективного решения социально-экономических проблем нашего общества.

Список литературы

1. Богданов В. Кто ответит за костюм// Российская газета.2010.27 сент.
2. Богданов В. Отравы про запас//Российская газета.2009. 8 окт.

3. *Брежицкая Е.* Провокация на потопе//Российская газета. 2010. 28 окт.
4. *Брынцева Г.* Таблица алиментов//Российская газета.2010. 1 июня.
5. *Былова Е.* Социальный стресс как одна из причин демографического кризиса и пути его преодоления//Человек и труд.2007.№ 11.
6. *Гаврилов Ю.* Погоня за призывником//Российская газета.2009.9 апр.
7. *Гонмахер Е., Малеева Т.* Социальные проблемы России и альтернативные пути их решения// Вопросы экономики. 2008.№ 2.
8. *Грицок М.* Нелишние люди// Российская газета.2010. 7 апр.
9. Диктат для диктатора// Российская газета.2010. 22 окт.
10. *Дмитриева О.* Российский детектив//Российская газета.2004.21 апр.
11. *Добреньков В.И., Исправникова Н.В.* Коррупция: современные подходы к исследованию: учебное пособие для вузов. М.: Академический проект; Альма Матер, 2009.
12. *Дубров И.* Антиалкогольные прикрытия// Российская газета. 2010.21 мая.
13. *Егоров И.* Отравленная жизнь//Российская газета.2010.2 дек.
14. *Зорькин В.* Конституция против криминали//Российская газета.2010.10 дек.
15. *Игнатова О.* Дети миграции// Российская газета. 2010. 30 марта.
16. Кавказ — моя боль и любовь. Интервью с академиком М.Залихановым //Российская Федерация сегодня. 2010. № 6.
17. *Кларисс М.* Надо идти от семьи// Российская газета.2010.21 дек.
18. *Коц А.* Нургалиев пошел на раскрытие 14 миллионов «глухих» дел//Комсомольская правда.2007.21 авг.
19. *Кукол Е.* Казне прописана диета//Российская газета. 2010. 20 окт.
20. *Минабутдинов С.* Рабский спрос// Российская газета.2005. 8 сент.
21. *Побегайло Э.Ф.* О преступности в России и проблеме смертной казни// Вест.Моск.ун-т.Сер.18.Социология и политология.2010.№ 3.
22. *Радзиховский Л.* Вихри манежные веют над нами//Российская газета.2010.21 дек.
23. *Радионон Ю.* Откосить от армии способен каждый второй//Собеседник. 2005.№ 15.
24. Российская газета. 2009.13 янв.
25. *Смолькова Т.* Бизнес просит мигрантов// Российская газета.2010.17 ноября.
26. *Смолякова Т.* Чьи бедные богаче //Российская газета.2009.26 февр.
27. Справка «РГ» //Российская газета.2010. 4 февр.
28. *Фалеев М.* Безопасность в режиме онлайн//Российская газета.2010. 16 дек.
29. *Шкель Т.* Табу навеки//Российская газета.2010. 25 окт.
30. *Яковлева Е.* Эра однодетности// Российская газета.2008. 5 марта.

MODERN CHALLENGE TO “ARCHAIC” RUSSIAN SOCIETY

Anatoly G. Antipiev

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The article analyzes the main challenges to modern Russian society, demographical, social stratification of society, criminalization, international relations, competition between countries.

Key words: “archaic” society; demography; social stratification; corruption; competition.

УДК 316.3/4

ОТНОШЕНИЕ К ЗДОРОВЬЮ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

С.С. Гордеева

Рассматривается история изучения здоровья в России и за рубежом. Определены понятия «здоровье», «отношение к здоровью». Обсуждаются особенности изучения отношения к здоровью на уровне индивида, государства, социальных групп и общества в целом. Показана важность социологических исследований в области изучения общественного здоровья.

Ключевые слова: здоровье; отношение к здоровью; общественное мнение.

Здоровье человека является наивысшим интегральным показателем функционирования целостного организма, в котором все компоненты упорядоченно и взаимосвязанно работают на одну общую идею активной деятельности, самосохранения и продления жизни.

В древности здоровье рассматривалось, в первую очередь, как отсутствие или наличие болезни (Платон, Аристотель, Авиценна). Но в начале 19-го в. Гегель подчеркивал, что здоровье — это «пропорциональность между самостью организма и его наличным бытием», указывая тем самым на более сложный и многогранный характер этой категории.

Известный английский естествоиспытатель и философ XIX в. Т. Гексли писал, что благодаря значительному прогрессу медицинских исследований практически больше нет ни одного здорового человека. Патолог В.В. Пашутин более 100 лет тому назад утверждал приблизительно то же самое: «...идеальное здоровое состояние организма, то есть физиологическое, есть собственно фикция; такое состояние появляется в организме разве только временами».

В настоящее время имеется очень много определений понятия «здоровье». В научной литературе одновременно используют не только разные определения, но и различные подходы к их формулировке. Большинство определений рассматривают здоровье человека как какой-то функциональный оптимум, как гармонию всех частей организма. Такой подход имеет исторические корни.

Анализируя множество различных функциональных определений «здоровья», А.Д. Степанов предложил считать здоровьем такое состояние организма, при котором он способен полноценно выполнять свои функции.

Некоторые исследователи рассматривают здоровье с точки зрения равновесия организма с окружающей средой. Этот подход не является новым. Известный клиницист С.П. Боткин еще в XIX в. писал, что «проявление жизни в состоянии равновесия его отправлениями составляет нормальную или здоровую жизнь».

Существует целая группа определений здоровья, которые это понятие рассматривают как максимально возможный вариант состояния организма. На таких максималистских позициях построено официальное определение ВОЗ, которое приведено в предисловии к ее уставу: «Здоровье — это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезни или физических дефектов». Указанное определение до некоторой степени спорное. Во-первых, понятие социального благополучия субъективное, очень широкое и требует, в свою очередь, четкого определения. Во-вторых, социальная полноценность человека далеко не всегда характеризуется количественными критериями и его биологическим состоянием. В-третьих, исходя из этого определения, практически невозможно отыскать здорового человека.

В настоящее время в литературе все больше утверждается точка зрения, согласно которой

Гордеева Светлана Сергеевна — ассистент кафедры социологии и политологии, Пермский государственный университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: ssgordeyeva@mail.ru.

здоровье характеризуется взаимодействием биологических и социальных факторов (В.Ф. Ломов, Н.В. Панкратьева, Р.В. Тонкова-Янпольская), т.е. адаптация в социуме опосредуется особенностями функций организма и их регуляторных систем.

В России внимание к проблеме здоровья обычных людей (крепостных крестьян) впервые привлекли М.В.Ломоносов и А.Н.Радищев. Исследование здоровья по показателям заболеваемости и смертности началось почти сто лет назад в процессе сплошного обследования сначала в Московской губернии, а затем по всей стране силами земских санитарных статистиков. Тогда же впервые в России и в мире началось изучение заболеваемости населения по данным обращаемости к врачу. Сбор материала происходил ежегодно по единой программе и касался, помимо заболеваемости, санитарной культуры и условий быта городского и сельского населения.

В первые послереволюционные годы и далее, в 20-30-е гг., изучение заболеваемости стало проводиться более дифференцированно: по отдельным профессиональным группам, регионам и наиболее распространенным заболеваниям с использованием выборочных методов. Систематически изучалась структура причин смертности и факторов отдельных заболеваний, что позволило в дальнейшем развернуть исследования в различных направлениях: коммунальной гигиены, географической медицины, социологии медицины, медицинской демографии и др.

Наряду с этим велись исследования с целью получить комплексную характеристику здоровья населения путем интеграции данных обо всех факторах здоровья в единый оценочный показатель, включающий, например, среднее количество лет обучения на одного взрослого; долю семей, не имеющих автомобиля и т.п. Подобные попытки с разной степенью успеха делали многие исследователи в России (Л.Е.Поляков, А.М.Петровский, Г.А.Попов).

В Советском Союзе исследовательские программы профилактики заболеваний осуществлялись в ряде регионов. Крупнейшие из них:

под эгидой Всесоюзного кардиологического научного центра АМН СССР изучались результаты вторичной профилактики гипертонии; в рамках крупного международного исследования «MONIKA» Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) изучался вклад традиционных факторов риска в изменении показателей заболеваемости и смертности. В одном из последних исследований (десятилетнем скрининге) социологический блок обеспечивали сотрудники Института социологии.

Интерес к исследованиям здоровья во многих странах привел к их интенсификации. Помимо традиционных показателей (демографических, заболеваемости и физического развития), не рассматривавших здоровье как социальный феномен, в странах Западной Европы в начале 70-х гг. началось изучение социальных характеристик здоровья, включая субъективное отношение личности к своему здоровью, социальные установки и самосохранительное поведение людей. Переход к широкому взгляду на оценку здоровья определил и смену приоритетов в подходе к анализу условий и факторов сохранения и формирования здоровья. Именно этот период можно считать моментом рождения социологии здоровья[7.С.484].

Таким образом, научное изучение характеристик здоровья имеет длительную историю, что в конечном итоге способствовало формированию социологии здоровья как отрасли научного знания.

Одним из центральных понятий социологии здоровья является понятие **«отношение к здоровью»**, включающее в себя систему ценностно-мотивационных установок, которые связывают личность с обществом.

Отношение к своему здоровью — это подлинный социокультурный феномен, который «представляет собой систему индивидуальных, избирательных связей личности с различными явлениями окружающей действительности, способствующих или, наоборот, угрожающих здоровью людей, а также определенную оценку индивидом физического и психического состояния»[2.С.179].

Понятие «отношение» содержит индивидуальные и социальные аспекты жизнедеятельности человека, являясь предметом изучения и психологов, и социологов. Психологов больше интересуют условия, в которых индивид вырабатывает это отношение и формирует его индивидуальность. Социологи связывают социальное поведение с определенными социальными структурами и ситуациями. Согласно социологическому словарю «отношение» является эмоционально-волевой установкой личности на что-либо, т. е. выражение ее позиции[1].

Ряд зарубежных авторов (Г. Олпорт, 1935; Габер и Фрид, 1975; Роуквич, 1960), анализируя понятие «отношение», считают, что отношение ведет к определенному поведению, т.е. отношение определяет поведение, другие настаивают на том, что отношение существует лишь мысленно, а поведение определяется ситуацией[1].

«Отношение к здоровью» как социологическое понятие было впервые описано И.В. Журавлевой (1989), и ее труды заслуживают внимания специалистов в этой отрасли знаний в настоящее время.

Отношение к здоровью обусловлено изучением сохранения здоровья (предупреждение и лечение болезней) и его формированием у человека (развитие биологического потенциала, обеспечивающего высокую адаптацию к факторам внешней среды). Отношение к здоровью оценивается на уровне индивида, социальных групп, государства и общества в целом.

Отношение индивида к здоровью определяется оценкой (самооценкой) собственного здоровья на основе знаний и ценностных ориентаций, сложившихся у человека на данный период жизни. По мнению А.И.Федорова (2008), отношение отдельного человека к здоровью может быть охарактеризовано следующими показателями: *оценка (самооценка) здоровья, медицинская информированность (знания в сфере здоровья), ценностные установки в сфере здоровья, деятельность человека по сохранению своего здоровья*. Самооценка человеком своего состояния является своеобразным индикатором и регулятором поведения. Медицин-

ская информированность характеризуется знаниями человека в области профилактики наиболее распространенных заболеваний, принципов нормального функционирования систем организма, правил оказания первой медицинской помощи[8.С.91].

Результаты социологических исследований (И.В.Журавлева, 2002; А.И. Федоров, 2004) свидетельствуют о том, что в системе жизненных ценностей индивида здоровье как базовая ценность занимает 3-5-е места после “семьи”, “работы”. В условиях современной социально-экономической ситуации в стране и общественных приоритетов ценность здоровья все в большей степени приобретает инструментальный характер. Это утверждение в большей степени относится к молодежи. Согласно результатам исследования И.В. Журавлевой, среди различных высказываний о значении здоровья в жизни человека молодежь чаще всего выбирала следующее: «Здоровье — это, конечно, важно, но иногда можно и забыть об этом ради дополнительного заработка, развлечения и т.п.»[3.С.51].

Таким образом, ценность здоровья как средства достижения определенных целей для молодого поколения важнее, чем ценность его как средства жить долго и полноценно.

Отношение к здоровью на уровне государства проявляется в его законодотворческой деятельности и финансовых затратах на систему здравоохранения и социального развития. Здоровье, как социально-биологическая основа жизни, во многом обусловлено политикой государства в области образования, культуры, здравоохранения. Для развитого социально ориентированного государства сохранение и улучшение здоровья людей — его задача, а право людей на здоровье является конституционной нормой. Одним из направлений деятельности государства в целях сохранения здоровья населения является создание системы правовой защиты интересов населения в сфере здоровья и жизни в целом.

Другим важным критерием отношения государства к здоровью граждан являются финансовые затраты на здравоохранение. По мне-

нию И.В.Журавлевой, в настоящее время государство все в большей степени «перекладывает» расходы на здравоохранение на плечи населения. При этом расходы населения на здравоохранение растут быстрее, чем реальные доходы. Результаты социологического исследования Т.Ю.Сидориной, Н.В. Сергеева (2001) показали, что расходы населения на медицинские нужды составляют значительную долю семейных доходов (от 10 до 30%). Анализ ответов респондентов показал, что для большинства из них дальнейший рост доли затрат на медицинские нужды не возможен, так как в этом случае снижаются затраты на другие жизненно важные статьи семейного бюджета либо прекращаются траты на медицинские нужды[6.С.91].

Специфика отношения к здоровью на уровне социальных групп состоит в передаче индивиду системы социальных норм и ценностей с учетом реальной индивидуальной оценки здоровья членами группы. *Семья* как малая группа закладывает основы восприятия здоровья и здорового образа жизни. В процессе формирования отношения к здоровью важную роль играют социализирующие функции семьи. Именно семья прививает навыки заботы о здоровье, правильную организацию режима труда и отдыха, обеспечивает качественным питанием, заботится о гармоничном физическом и психическом развитии ребенка, передает ему определенный набор сведений о своем организме и здорового образа жизни, обеспечивая формирование определенного уровня грамотности в вопросах здоровья. Однако в условиях низкой санитарно-гигиенической культуры населения формирование культуры здоровья у детей не обеспечивается на должном уровне. Как отмечает И.В. Журавлева (2006), в настоящее время значительная часть родителей не осознает важности собственного оздоровительного поведения как образца для подражания. Семья, как инертное социальное образование, транслирует устаревшие стереотипы поведения в сфере здоровья, в то время как социально-экономическая ситуация в стране и работодатели предъявляют молодежи определенные требования к состоянию здоровья.

Молодежь, как социальная группа, также характеризуется отношением к здоровью. По мнению А.И. Федорова (2008), для современной молодежи характерен низкий уровень культуры здоровья и культуры поведения в сфере здоровья[8.С.91]. Автор выделяет два типа отношения молодых людей к своему здоровью. Первый тип ориентирован, прежде всего, на «собственные усилия», т.е. на осуществление целенаправленной деятельности по сохранению и укреплению здоровья. Этот тип молодых людей имеет высокую оценку своего здоровья. Второй тип ориентирован преимущественно на «условия жизни», когда собственной деятельности в сфере здоровья отводится второстепенная роль. Для данного типа характерен относительно низкий уровень самооценки своего здоровья[8.С.91].

Отношение к здоровью на уровне общества характеризуется системой мнений и социальных норм, доминирующих в обществе и выраженных действиями с целью изменения состояния здоровья населения на различных уровнях социального управления[3.С.37].

Состояние здоровья населения во многом определяется социально-экономическим развитием общества. Слабое развитие отражается на качестве жизни широких масс населения и условиях, которые вызывают у человека неуверенность в своем социальном положении. В настоящее время отмечается явно выраженное социальное расслоение по материальному состоянию. Уровень доходов определяет различия в жизненном достатке — количестве и качестве потребляемых товаров и услуг. От этого в свою очередь зависят калорийность, разнообразие и сбалансированность питания, защитные и санитарно-гигиенические свойства используемой одежды и обуви, удобство и комфорт микросреды обитания. Дифференциация в экономическом положении формирует неодинаковые возможности в адаптации людей к природной и социальной среде, а также различия в способностях справляться с физическими и эмоциональными нагрузками. Социально-экономическое неравенство ограничивает возможности использования оперативных и эф-

фактивных мер по сохранению здоровья. Высокий уровень материального благосостояния населения является важным фактором контроля над индивидуальным здоровьем, профилактического наблюдения и предупреждения заболеваний, диагностики возникающих отклонений в состоянии здоровья. Как отмечает Г.Ю.Козина (2008), в условиях ухудшения экономического положения страны начинается массовая эксплуатация здоровья как средства достижения жизненных благ. Расслоение населения по уровню доходов вызвало неравенство в условиях поддержания здоровья. Услуги физкультурно-оздоровительных центров (сауна, солярий, массажный кабинет, тренажерный зал и др.), направленные на восстановление «резервов здоровья», стали доступны только обеспеченным слоям населения. А люди с низкими доходами вынуждены еще больше подвергать риску свое здоровье[4.С.73].

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил данные о том, как россияне оценивают состояние своего здоровья и здоровья своих близких и кто, по мнению наших соотечественников, несет ответственность за плохое состояние здоровья людей. (Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 4–5 апреля 2009 г. Опрошено 1600 чел. в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России)[5].

По данным ВЦИОМ, за последние годы доля россиян, оценивающих свое здоровье как «хорошее», изменилась незначительно: с 2006 г. по настоящее время эта доля колеблется в пределах от 27 до 24%. В апреле 2009 г. 24% считали свое здоровье хорошим, 3% — очень хорошим; 49% сообщали об удовлетворительном состоянии здоровья, а слабое здоровье отметили 23% россиян (19% — слабое, 4% — очень слабое).

Выявлены гендерные, региональные и возрастные различия в самооценке гражданами физического состояния и душевного благополучия.

О хорошем здоровье чаще сообщают мужчины (35% против 21% среди женщин), уральцы и сибиряки (38% и 33%) соответственно

против 22–27%, проживающих в других регионах РФ), 18–24-летние респонденты (55%) сравнительно 5% среди лиц в возрасте от 60 лет и старше).

Состояние здоровья людей из семейного круга, судя по опросам его представителей, в определенной мере связано с уровнем материального достатка. Чем выше самооценка материального положения россиян, тем чаще они оказываются удовлетворенными состоянием здоровья родственников: 75% опрошенных с высокой самооценкой материального положения против 43% с его низкой самооценкой.

Россияне по-разному определяют причины, вследствие которых ухудшается состояние их здоровья.

Значительная часть населения в этом ухудшении здоровья склонна винить себя (41%). Третья часть (34%) ухудшение здоровья российских граждан связывает с низким уровнем жизни; 29% в качестве основной причины выделяют плохую экологическую обстановку, пятая часть (21%) — низкий уровень организации медицинского обслуживания, а 15% — недостаточное внимание к решению проблем здоровья населения со стороны государственных структур.

Оценка значимости факторов сохранения здоровья обусловлена и уровнем образования граждан.

Респонденты с высшим или неполным высшим образованием чаще всего считают, что ответственность за плохое здоровье несут сами люди (48%), а россияне с начальным или неполным средним образованием наиболее склонны возлагать вину на низкий уровень жизни (44%).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что в последние годы изменилось мнение россиян об основных причинах ухудшения их здоровья.

Так, выросла доля тех лиц, кто считает, что виноваты они сами (с 37% в 2008 г. до 41% в 2009 г.); на низкий уровень жизни указывают соответственно 41% до 34%). В глазах респондентов возросло значение экологической обстановки (с 25% до 29%), а значимость вины

государства в плохом здоровье населения снижается с 22% до 15% [5].

Таким образом, формирование ценностного отношения к здоровью в обществе — это сложный социальный процесс, результат взаимодействия социально-экономического развития государства, уровня образования и культуры здоровья населения, а также его материального и духовного благополучия и других факторов жизнедеятельности. Отмеченные тенденции в области оценки (самооценки) уровня здоровья населения России целесообразно учитывать в деятельности государственных структур социального развития, здравоохранения, образования и культуры. В Российской Федерации возникла необходимость координации постановки задач, разработки целевых программ в сфере здоровьесбережения населения со стороны соответствующих социальных институтов.

Список литературы

1. Большой толковый социологический словарь терминов URL:
<http://www.onlinedics.ru/slovar/soc.html> (дата обращения: 10.05.2011)
2. Димов М.В. Здоровье как социальная проблема // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 6. С.170–185.
3. Журавлева И.В. Отношение к здоровью индивида и общества. М.: Наука, 2006. 238с.
4. Козина Г.Ю. Концептуальная модель воздействия социальных факторов на формирование здоровья человека // X Социологические чтения преподавателей, аспирантов и студентов: межвузовский сб. науч. тр. Пенза, 2008. 176 с.
5. «Наше здоровье — в наших руках»: ВЦИОМ пресс-выпуск №1196
6. <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=11701>
7. Сидорина Т.Ю., Сергеев Н.В. Государственная социальная политика и здоровье россиян // Мир России. 2001. №2. С.91.
8. Социология в России / под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. 696 с.
9. Федоров А. И. Отношения подростков к здоровью: социологический анализ // Образование и наука. 2008. №1 (49). С.91-96.

ATTITUDE TO HEALTH AS A SOCIAL PHENOMENON

Svetlana S. Gordeyeva

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

History of studies of health in Russia and abroad is considered in the paper. "Health", "attitude to health" are defined as concepts. The characteristics of the study of health behavior are considered at the individual level, the state, social groups and society as a whole. The importance of sociological research in the field of public health is shown.

Key words: health; attitude to health; public opinion.

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ**МАТЕМАТИКА И РЕАЛЬНОСТЬ****Круглый стол в редакции Вестника ВятГУ (январь 2011)**

Ведущий: докт. филос. наук, проф. М.И. Ненашев

В последние два десятилетия после разрушения великой сверхдержавы СССР и пресловутых «рыночных реформ», проводившихся, по словам Гэлбрейта, «по учебникам для домохозяек», весьма серьезный ущерб претерпела наука, включая философию. Распространение архаичных идей Платона, Канта, Хайдеггера и других, а также легковесных антимарксистских взглядов заметно понизило научный уровень отечественной философии. Это выразилось, в частности, в резком сокращении количества конференций и других форм творческих встреч по коренным проблемам естественных наук и математики. Проведение круглого стола в редакции Вестника ВятГУ свидетельствует о возрождении некогда весьма высокого творческого интереса к философским проблемам математики.

В обсуждении проблемы «Математика и реальность» были выдвинуты две основные точки зрения, касающиеся двух различных подходов к решению поставленной проблемы: «фундаменталистского» и «социокультурного». Обсуждение проблемы было начато с доклада д. филос. н., проф. А.Г. Барабашева (Москва) «Математика и действительность: социокультурный подход». Он обосновал мнение о том, что фундаменталистский подход, рассматривающий математику как знание, доминировавший до последнего времени, становится архаичным. «На смену фундаменталистской философии математики стремительно приходит иная, условно говоря, социокультурная философия», которая трактует математику как «развивающуюся субкультуру и социальный институт, с эволюционирующими представлениями об истинности, о приложимости вырабатываемого этой субкультурой и институтом продукта».

Иную точку зрения высказал д.филос. н., проф. В.Я. Перминов (МГУ), который не согласен «с радикальным отказом от традиционного (фундаменталистского) подхода», не отрицая в то же время определенного значения социокультурного подхода, рассматривающего зависимость развития математики от социокультурных факторов. В выступлении В.Я.Перминова приведены, на мой взгляд, веские аргументы в пользу приоритета фундаменталистского подхода к истолкованию математики.

В выступлениях участников круглого стола рассматривались различные стороны отношения математики к действительности.

В своем докладе д.филос.н., проф. В.М. Шемякинский (Пермь) определил свое отношение к проблеме соотношения математики и реальности, сославшись на позицию Канта, «заслугой которого является гениальная идея о том, что математика сама по себе не изучает законы внешнего мира». С его точки зрения, «математика определяет свойства представления о природе, а не свойства самой природы». Если быть последовательным, то, опираясь на взгляды Канта, следовало бы считать, что математика, как и наука вообще, не имеет никакого отношения к действительному познанию объективного мира — это и есть основной смысл «гениальной идеи о том». Гегель «еще более гениально» оценил взгляды Канта как «философию химер». Однако такого последовательного вывода выступивший не сделал.

В выступлении д.филос.н., проф. В.Ф. Юлова «Конструктивная роль эмпирического опыта в развитии математики» показано, что из эмпирического опыта «шел необходимый ток влияний объективной реальности» на математику. Такая позиция, на мой взгляд, заметно расходится с точкой зре-

ния «культурализма», свидетельствует больше в пользу «фундаментализма», однако докладчик заявил о своей согласии с позицией А.Г. Барабашева, сославшись на известную решающую роль социальной практики.

Журналист Д.С. Клещев (Алапаевск) заявил о необходимости восстановления «пошатнувшейся в XX веке уверенности, что математика способна дать вполне определенный ответ на любую четко сформулированную задачу».

Д. физ.-мат.н., проф. Е.М. Вечтомов (Киров) обосновал мнение о том, что математика, как «наука о формальных структурах», «опосредствованным способом позволяет описывать то, что *есть*, то есть реальность». Однако он считает себя сторонником «умеренного платонизма», полагая, что количественные и пространственные структуры мы должны иметь «как предвосхищение в своем уме», повторяя известную позицию Платона. Отдавая должное известной пронизательности Платона, нельзя, полагаю, повторять наивную идею великого античного философа, даже в «слабом виде», поскольку проблема способности пространственного и временного восприятия в научном плане давно разрешена в ходе длительной дискуссии в психологии между «иннеизмом» и «эмпиризмом». Добавим, что кроме психологии существует и научная философия, давно определившая место платонизма в истории науки.

Д. физ.-мат.н., проф. Р.Г. Баранцев (СПб) изложил трактовку отношения математики к реальности как «асимптотического» приближения, или «мягкой математики». «На бесконечном пути к божественной истине, — считает математик, — человек нуждается в опоре на истину человеческую».

С точки зрения д. физ.-мат.н., проф. В.В. Чермных (Киров), различные интерпретации математики «могут мирно жить и существовать в своем платоновском мире. Нелогичность развития математики только кажущаяся». Итак, опять философия Платона и никакой другой. Впрочем, упоминается и Кант, против априоризма которого высказан ряд аргументов.

В выступлении д. физ.-мат.н., проф. А.В. Шатрова (Киров) рассмотрены особенности математического моделирования как методологии получения нового знания.

Д. филос.н., проф. М.И. Ненашев, ведущий круглого стола, связал обсуждение особенностей отношения математики к реальности с кантовским различием аналитических и синтетических суждений, которое использовал для решения вопроса о возможности различных геометрий, евклидовых и иных. Сославшись на кантовское представление о реальности, выраженное в третьей антиномии как «полное и законосообразное единство опыта», выступавший не принял во внимание того немалого обстоятельства, что по Канту всякое представление о мире не имеет никакого отношения к миру как таковому, остающемуся для философа абсолютно закрытой «вещью-в-себе». Итак, на этот раз опять Кант.

С моей точки зрения, материалы круглого стола, посвященного одной из сложнейших проблем современной науки, представляют большой интерес, стимулируют развитие философии науки. Не являясь математиком, но имея отношение к философии, считаю возможным высказать в этом тексте и некоторые свои соображения. Круглый стол, представляется, свидетельствует о необходимости расширения философских подходов к проблемам математики. В обсуждении этих проблем по существу звучали подходы только Канта и Платона, причем непонятным для меня образом игнорировались самые фундаментальные идеи этих философов, без учета которых, на мой взгляд, вообще невозможно обсуждать проблему отношения математики к реальности. О каком «мире Платона» идет речь в одном из выступлений? — Мире аморфной материи и «идей» или «форм», как проявлений бога?

С моей точки зрения, математика, понимаемая как учение об «абстрактных структурах» (Н.Бурбаки), имеет своим предметом *реальные абстрактные отношения*, или *структуры*, иными словами, *формы* реального мира, его различных областей. Можно ли говорить о единой *форме мира* как целого, поскольку мир бесконечен? Впрочем, бесконечность и есть единая, глобальная форма мира, или, точнее, бесконечность — это и материальная субстанция (как основа), и ее форма, как ор-

ганизация бесконечной субстанции. Бесконечность — это и организация, и субстанция, которая организует.

В реальном мире формы *никогда не закончены, не завершены*, ибо законченность означает полную неподвижность. Иными словами, бытие никогда не является *завершенным*. Это обстоятельство и обнаружено в известной теореме К.Геделя о неполноте, которую С.К.Клини оценил как подлинную философию математики. Однако значение теоремы Геделя, конечно, выходит далеко за пределы математики, поскольку свидетельствует о фундаментальной природе бытия, форм вообще. Уже парадокс универсального множества Г.Кантора был прекрасной иллюстрацией к тому, что математика должна стремиться завершить, довести до цельности реальные формы. Идеальные математические объекты, которые некорректно, на мой взгляд, считать действительным предметом математики, всегда представляют собой продукты домысливания реальных отношений, без которого математика была бы невозможной.

Различие трех основных концепций математики — логицизма, формализма, интуиционизма (конструктивизма) связано с тем, какие способы «домысливания» или завершения реально не завершённых отношений и структур используются. Все направления математики, очевидно, обладают определенной эффективностью. Вопрос заключается в том, какой способ математического «домысливания» следует применить в том или ином случае. Наивная и «жесткая» теория множеств работает до определенного момента. В других случаях вступает в силу теория нечетких множеств. Представляется, что изложенное — «фундаменталистская» интерпретация математики.

*Докт. филос. наук, проф. В.В. Орлов,
Пермский государственный университет*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия «Вестника Пермского университета» (Серия «Философия. Психология. Социология») принимает к публикации научные статьи, содержащие оригинальные авторские идеи и результаты исследований.

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже).

Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Объем статьи до 1 п.л. (40000 знаков с пробелами). Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуются кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле.

Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Не допускается создание рисунка с помощью функции «Рисование». Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка».

В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

При цитировании библиографические ссылки оформляются в круглых скобках с обязательным указанием страниц источника цитирования: (автор, год, страница). Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке. Обязательно указывается: *для книг* — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; *для журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; *для материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

В конце статьи допускается указание на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

Статья должна сопровождаться индексом УДК, а также краткой аннотацией (не более 10 строк) и ключевыми словами (не более 10 слов) на русском и английском языках.

К статье прилагается информация об авторе (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, адрес электронной почты.

К статье прилагается рецензия научного руководителя (для аспирантов и соискателей).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается.

Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2011

Выпуск 2 (6)

Редактор *Н.И. Стрекаловская*

Корректор *Л.В.Цветкова*

Компьютерная верстка *Д.Г. Трунова*

Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 28.06.2011. Формат 60X84¹/₈. Усл. печ. л. 16.73. Уч.-изд.л.14,5

Тираж 500 экз. Заказ

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного университета

614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского государственного университета

614990, Пермь, ул. Букирева, 15